

Сверхновый литературный журнал «Млечный Путь»

Выпуск 16

Содержание:

Петра Хаммесфар	Сестра, окончание
Юрий Нестеренко	Энтропия
Евгений Добрушин	Меню
Юрий Моор-Мурадов	Она сказала, что ее хотят убить
Ульяна Глебова	Долететь до Земли
Марина Ясинская	Venenum transformatium
Александр Тарнорудер	Послать подальше

* * *

Петра Хаммесфар

Сестра

Седьмая глава

Я слышала, как они разговаривали. Низкий голос Лучии, с выраженным акцентом, плаксивый орган Изабель и в промежутках – бас Йонаса. Когда я больше не могла этого выдержать, я позвонила Олафу, чтобы напомнить о его обещании.

Он был все также отстранен, попытался сначала уклониться и сослался на время. Было только девять часов. Наконец он сказал: «Хорошо, я приеду. Я все равно должен поговорить с тобой».

Когда, около десяти, появился Олаф, я уже частично держала себя под контролем. Сначала я предоставила ему рассказать о том, что Волберт поинтересовался всем, имеющим хоть какое-нибудь значение, от деловой и до личной жизни.

Так, как это преподносил Олаф, было похоже на то, что полиция предполагала финансовый крах. По крайней мере, в присутствии Олафа, они дали понять, что считают смерть Роберта последним шагом человека, не видевшего другого выхода из своего

положения. Я не постигала этого. Ведь Волберт должен был признать, что не было найдено оружие. Как могли они тогда предполагать самоубийство?

Олаф тоже не знал, что он должен об этом думать. Он предоставил им все возможные сведения и дал многократные заверения, что большие потери на спекуляциях и самоубийство считает исключенными. Они все равно хотели получить доступ к компьютеру Роберта и послать эксперта по финансам, чтобы исключить эту возможность. Но для этого им нужно было мое согласие.

Олаф настоятельно отсоветовал мне это делать. Я же не видела никакой причины, почему я должна им в этом отказать.

«Ты должна это сама решать, Миа», сказал он. «Я хочу только, чтобы ты знала, что ты это делать не обязана».

«Хорошо, теперь я это знаю. Но дай им составить собственное представление. Тогда, по крайней мере, они сами увидят, что ошибаются. И пока они этим занимаются, у них не будет времени на другую деятельность».

Олаф сразу сделался недоверчивым. «Что это означает, Миа?»

Я рассказала ему, в соответствии с последовательностью, только очевидное. Пара напитков, капсула клирадона, черный провал и безупречная парочка на втором этаже, которая неделями усиленно готовилась к такой ситуации и ловко ею воспользовалась.

Когда я замолчала, Олаф смотрел на меня больше минуты. Ему было определенно тяжело задавать мне такой вопрос. И то, что он вообще это сделал, я никогда ему не прощу. «Миа, это ты застрелила Роберта?»

Я встала, подошла к двери, открыла ее и демонстративно показала на выход в зал.

Олаф вздохнул, что было отчетливо слышно. «Миа, то, как ты мне описала ситуацию - полиция рано или поздно спросит тебя о том же. И для тебя было бы хорошо, если б тогда у тебя нашелся лучший ответ».

Конечно, он был прав, только у меня не было лучшего ответа. Там, где должны быть ответы, в моей голове была дырка, большая, чем у Роберта.

«Ты мне поможешь?». Мне было нелегко его об этом спросить.

Он пожал плечами и выглядел при этом не особенно радостным. «Как же я могу тебе помочь, Миа? Посмотрим на все еще раз трезво. Все эти годы тебе всегда удавалось отговорить Роберта от женщин, которые ему нравились. Если у тебя не было аргументов, тогда у тебя были головные боли. Потом появилась Иза. Ты боролась против нее всеми средствами».

«Против нее», объяснила я жарко, «а не против Роберта. У меня не было мотива его убивать».

Олаф рассмеялся, что прозвучало скорее, как плач. «Я не хочу тебя обидеть, Миа, но как часто ты сидишь здесь и рассматриваешь своего наполовину законченного Циклопа, или как еще тебе всегда хотелось назвать эту штуку? Как часто на дно, проходишь ты мимо зеркала? Почему ты уже давно не сделала себе операцию? Я скажу тебе это. Ты хотела сохранить свои шрамы. Тебе нужен был хорошо видимый знак, который бы ежедневно напоминал Роберту о его вине. А когда он больше уже не хотел напоминаний, то ты потеряла нервы. У тебя был мотив, Миа. Ты вынашивала его целых десять лет».

Он вошел в раж и не мог уже остановиться. Как следующее, он пошел говорить о четверге и о часах, которые он провел с Робертом. Роберт был так угнетен и расстроен, объяснил он - как будто я сама этого не знала. Он не хотел конкретно говорить о своих проблемах, делал только намеки. Он больше не знает, что ему думать о моих диких заявлениях и подозрениях против Изабель и Йонаса.

«Он разговаривал с Пилем», подошел Олаф к концу своей литании. «Только Пиль сослался на свою обязанность сохранения врачебной тайны и не предоставил никакой информации».

«И что же он хотел от Пиля услышать?», спросила я.

Олаф пожал плечами. «Я его не спросил. Когда он прощался, то сказал, что нашел другую возможность удостовериться. Что он должен, наконец, что-то делать. Ему в последнее время кое-что бросилось в глаза, что он не может дольше игнорировать».

Он внимательно смотрел на меня, как будто ожидал реакции. Кое-что бросилось в глаза! Что собственно он хотел от меня услышать? Что мне тоже кое-что бросилось в глаза? Что я видела Хорста Фехнера, крадущимся вокруг дома, как майский кот? Или что я видела маленьких зеленых человечков в бассейне, или белых мышей в моей постели?

И поскольку я молчала, Олаф считал: «Ты должна признаться, Миа, что Роберт был более чем терпелив с тобой. Он всегда пытался проявлять понимание к твоей ситуации. И за то, что он начал, наконец, о себе самом думать, на него нельзя было обижаться».

«Надеюсь, что Волберту ты это точно так же объяснил», сказала я. «Тогда он знает, по крайней мере, на каком он свете со мной».

На последних словах я стала уже немного горячиться. Олаф оставался спокойным и смотрел через открытую дверь в зал. «Ты не можешь еще громче? А то наверно понимают, наверно, недостаточно отчетливо».

Я, наконец, закрыла дверь и прошла обратно к дивану. Потом я спросила его про субботний вечер. Но чего-либо необычного он тоже не заметил. Роберт очень интересовался проектом орошения, над которым работал Йонас. Как Олаф это описывал, похоже было на тоску по приключениям. Лагерь в пустыне, тяжелые машины, а вечером – костер, удалые мужчины едят фасоль прямо из банок и пьют свой кофе из алюминиевых кружек. Возможно, каждый мужчина мечтает о приключениях.

Олаф говорил приглушенным голосом. Он предложил мне попросить Пиля о помощи. Я должна дать себя загипнотизировать, чтобы получить ясное представление о недостающих часах.

Я больше не должна была получать никакого представления. Я точно знала, что произошло. Роберт, наконец, понял, что я свои подозрения не высосала из пальца. Если он сам кое-что заметил, то должен был понять. Он долго боролся сам с собой и тогда, в прошедшую среду, уехал во Франкфурт и встретился там с Биллером, кем бы тот ни был. А когда он вернулся обратно, то запер свой кабинет.

Это было точно так, как предполагал Волберт. Роберт хотел предотвратить, чтобы Изабель взяла трубку, когда позвонит Биллер. Ошибка, большая ошибка. Комната никогда раньше не запиралась, это должно было ее насторожить. И тогда, когда позвонили, она была уже начеку. Она слышала, что Роберт мне объяснял, поехала на стоянку, застрелила его, а Йонас дал ей на это время алиби. И чтобы совершенно отвести от себя подозрение, они попытались повесить это на меня.

У меня не получалось больше спокойно и по-существу аргументировать. Чем дальше я заходила со своими толкованиями, тем убедительнее они мне казались. И по понятной причине, я заводилась. Мой голос вышел из-под контроля и приобрел пронзительный истерический оттенок. Олаф отстранялся больше и больше. Я отчетливо это чувствовала.

Когда я снова замолчала, он коротко сжал зубы. «Миа, ты во что-то влезешь. Я тебе это уже неоднократно говорил. Сначала ты месяцами фантазируешь о Хорсте Фехнере. Потом появился Йонас в доме и тебе не нужен больше фантом, тогда уже он стал злодеем, действующим заодно с Изой. Но зачем бы Изе это делать? Смерть Роберта является для нее катастрофой. Теперь она может надеяться только на твою милость и сострадание. И тут ей, пожалуй, многого ожидать не приходится, как я понимаю».

Я могла только еще прошептать: «Больше, чем ты можешь себе представить. Она нашла способ добраться до наших денег. Больше ей ничего не было нужно. Но теперь Роберт ее, наконец, раскусил. Еще пару дней назад он сказал мне, что мы должны быть очень осторожны. Он боялся, что Иза его убьет, если поймет, что он хочет с ней

расстаться. Он нанял одного детектива и получил в течение кратчайшего времени доказательства, что она ему изменяла. Той ночью детектив предоставил ему по телефону первый отчет. На стоянке он хотел передать ему фотографии. Когда мы ехали домой, Роберт сказал, что он сразу в понедельник пойдет к адвокату».

«Я думал, ты не помнишь, что Роберт сказал тебе той ночью», сказал Олаф скептически.

Почему же он мне не помогал? Почему тогда он не шел сразу наверх и не поздравлял бродячих котов с их успехом?

«Ты действительно должна поговорить с Пилем», предложил он снова. Это звучало очень холодно и безлично. Это звучало окончательно.

Перед тем, как попрощаться, он снова вернулся к просьбе Волберта. Он непременно хотел мне что-то объяснить. Может, он хотел только сменить тему. Мы прошли в кабинет Роберта, который Волберт больше уже не опечалал. Он сел за компьютер и начал пространную речь о подходящем налоге и налоге на капитал.

Он казался мне таким холодным, как будто между нами никогда ничего не происходило. Но я, наконец, поняла, что он хотел предотвратить. Только это было настолько неважно... Я была утомлена, еще только лишь утомлена...

«Мы что, надули финансовое управление?», спросила я.

Так бы он не стал выражаться. Ничего не выходило за рамки легальности, мы только исчерпали без остатка все наши возможности. И при этом у нас были потери, что, в таком сочетании, сводило к нулю наше налоговое бремя. В такое не обязательно было тыкать носом плохо оплачиваемого полицейского. Если бы они послали финансового эксперта, то мы были бы быстро разоблачены, как экземпляры того сорта, которые вынуждают государство подавлять нормально зарабатывающего, именно потому, что мы не хотим проявить солидарность и внести свою часть.

Мне хотелось, чтобы он наконец ушел. Роберт определенно не по собственному побуждению записался в этот клуб отмазчиков. Без сомнения это была заслуга Олафа.

«Просто удали этот хлам», сказала я, чтобы его выпроводить. «Все документы есть у тебя в конторе, этого вполне достаточно».

Казалось, он испытал облегчение от моего предложения, но прежде, чем уничтожить важные и, может быть, незаменимые данные, он контролировал каждый файл. И при этом он наткнулся на информацию, которая была намного обстоятельнее той маленькой записи в карманном компьютере. Размеры жилой площади в квадратах, площадь участка, количество комнат, цена, величина комиссионных и имя маклера.

Мы увидели это одновременно, но Олаф еще и констатировал без надобности: «Роберт купил в среду во Франкфурте дом».

Не просто дом, а бунгало, где все комнаты расположены на одном уровне, где нет никаких лестниц, которые для человека в инвалидном кресле являются непреодолимым препятствием.

Олаф пристально смотрел на меня. Я могла на его лбу прочесть, о чем он думал. Сумасшедшая, которая не умела держать себя под контролем. Которая годами ходила к душевному ассенизатору, потому что она не могла получить единственного мужчину, которого любила. Которая лезла на стенку от головных болей, если она только предполагала, что ее любимый лежал с другими в постели. Которая, в своей панике, что ее брат однажды может сделать выводы из ее пьянок и сцен, которые она ему регулярно закатывала, не знала больше выхода. Когда она выяснила, что брат хочет ее окончательно покинуть, то выпустила ему в голову пулю.

Нужно только быть достаточно сумасшедшим и тогда не было никакого антагонизма между живым и мертвым. Если я не могла его иметь, то и она не должна была.

Почему Роберт не упомянул о покупке в четверг, почему он, вместо этого, говорил о

том, что должен что-то предпринять, этого вопроса Олаф себе не задавал.

Когда, на следующее утро, я пришла в зал, Лучия уже хлопотала в кухне. Было еще очень рано, только начало шестого. Я не могла спать и не выдержала дольше лежания на софе. Нужно было еще очень многое сделать.

Сообщение на мониторе разлилось, как горячее масло по моим внутренностям. А взгляд Олафа и еще больше его последующий, теперь уже действительно торопливый уход, глубоко это масло распределил. Тошнота чувствовалась еще сильнее, чем днями недостающий сон.

Лучия тоже выглядела не выспавшейся. Она как раз готовила кофе. «Ты же позавтракаешь со мной, Миа?»

«Конечно», пробормотала я. Меня это не очень устраивало. Сначала я должна была поговорить с маклером, прежде чем я могла разговаривать с Лучией. Данные о бунгало Олаф стер очень неохотно, по моему настоянию. И прежде, чем он это сделал, мне пришлось надавить на него с его налоговыми манипуляциями. Но я записала себе номер телефона этого маклера.

Роберт, конечно, ему объяснил, для кого он купил этот дом. Не для себя! Он бы меня никогда не покинул. Он знал, что я бы этого не перенесла. И он ведь меня любил. Он только для Изабель с Йонасом купил бунгало, потому что хотел выставить их из дома.

Я уже говорила, что он был слишком добродушным, что он даже уличного кота не смог бы за дверь выставить, даже тогда, если бы этот кот постоянно на него насакивал. Я же говорила это, не правда ли? Я имею в виду, что уже об этом упоминала. Но это не так важно.

Факт в том, что оба эти кота там, наверху, терлись у ног Роберта, с восторгом рассказывали ему о смелых мужчинах у костра в пустыне и насакивали только на меня, когда он этого не видел. Они это действительно очень ловко придумали. Они месяцами должны были это планировать.

И потом, медленно и систематически они стали приводить этот план в исполнение. И при этом воображали, что Роберт крепко сидит на крючке, и о нем не нужно беспокоиться. Они думали, что целиком и полностью могут сконцентрироваться на мне. Это они и сделали - в последние пять недель речь шла только о том, чтобы оттеснить меня на задний план. Но они недооценили Роберта. Они не учли, насколько хорошо он меня знал, и как много я для него значила.

После того, как пять недель назад, я отказалась принять извинение Йонаса, несколько дней в доме было спокойно. Но это было только поверхностное спокойствие, а изнутри происходило мощное брожение. Ни одной ночи не проходило, чтобы я не слышала шепота Изабель. Иногда я разбирала свое имя, иногда слышала имя Йонаса.

Изабель разыгрывала перед Робертом озабоченную, ничего не подозревавшую простушку. Но озабоченную не о Йонасе. Озабоченную обо мне. Под маской любящей жены, верно заботящейся сестры и опасно старающейся невестки, она обрабатывала Роберта и требовала от него невозможного.

О том, что касалось моего несчастного случая, Изабель давно уже была во всех подробностях проинформирована. И теперь она, мало-помалу, нащупывала почву. Через шрамы на лице – к Олафу, от Олафа к стоящей в углу каменной колоде и оттуда к бесполезно висящей руке. От руки к Ателье оставался только один маленький шаг.

И внезапно это было нехорошо для меня, что я проводила в Ателье столько времени.

Изабель показала себя практичной и экономной. Можно было одним ударом двух мух прихлопнуть – освободить меня от моих тягостных воспоминаний и предоставить Йонасу свободу передвижения.

Почти две недели понадобилось ей на то, чтобы уговорить Роберта, что она только моего блага хотела. В истинном смысле этого слова. Говорилось даже, что возможно я только потому избегала Йонаса, что он напоминал мне о моем несчастном случае. Мне она высказывала это совсем по-другому. Но она совершенно точно знала, что с автокатастрофой можно задеть Роберта за его самое больное место.

Три недели назад он пришел ко мне. Он выглядел смертельно уставшим. Мне было больно видеть его таким. Ему было трудно представить нашептывания Изабель, как свое собственное мнение. Он точно знал, чего он от меня требует. И он не очень-то верил во все, что она ему преподнесла.

Сначала он осведомился, не вел ли Йонас себя по отношению ко мне не совсем корректно. «Миа, ты не хочешь мне рассказать, что произошло между Йонасом и тобой? В первые дни вы так хорошо понимали друг друга, а теперь уже две недели ты ведешь себя так, как будто он олицетворение нечистой силы».

«Может быть, мне не нравится его характер», ответила я.

На это Роберт не поддался. Он пустился в пространные объяснения, что такой несчастный случай может сильно изменить личность человека. Сделать его неудовлетворенным, угрюмым, возможно даже агрессивным. И с этим подошел он, тогда, вплотную к теме. Каменная колода в углу.

«В последние дни я так часто слышал, как ты бьешь по ней», сказал он. «Не считаешь ли ты, что мы должны наконец избавиться от этой штуки? Ты же этим мучаешь себя только, Миа. Если она не будет больше у тебя перед глазами, тебе наверняка станет легче. Возможно, было бы даже лучше всего, если б ты отказалась от Ателье».

«Ты это несерьезно», сказала я.

Но Роберт кивнул. «Конечно, Миа, я это серьезно. Лучше всего было бы, если мы переделаем помещение так, чтобы Йонас мог там жить. Ему нужно помещение на первом этаже. Мы были уже согласны друг с другом, что он не может надолго быть запертым там, наверху. Это как тюремное заключение. Мы могли бы пристроить наклонный въезд к террасе и к входной двери. Иза могла бы иногда ездить с ним в город. Это было бы для него некоторым разнообразием, понимаешь?»

Когда я отказалась, Роберт коротко сжал губы. «Я не хочу тебя принуждать», сказал он. «Может, ты поговоришь об этом с Пилем? Я забочусь здесь не о Йонасе. Что касается его, то есть и другие возможности, например лестничный лифт. Но что до тебя, Миа, это не может так дальше продолжаться. Ты прячешься здесь, ты часами колотишь по этой штуке. С Изой ты не хочешь иметь дела, с Йонасом тоже больше нет. Ты даже меня избегаешь. Может быть, я должен поискать дом, как ты считаешь? Тогда тебе будет спокойно».

Как же я ненавидела эту мерзость наверху в эти минуты. Искать дом! Роберт был, естественно, очень осторожным и не сказал, что это должен быть дом только для обеих крыс.

«Не утруждай себя», сказала я. «Найми только двоих сильных мужчин, которые могут снести его вниз. Только не в сад. И ее пошли, лучше всего, сразу вслед. Попробуй, установи лифт, и ты увидишь, что ты с этого будешь иметь. Позаботься только, чтобы они могли вместе поехать в город. Кого, как ты думаешь, встретят они там первым? Не понимаешь ты, что ли, что происходит за твоей спиной? Они настраивают нас друг против друга. Если у них это получится, то ты будешь один, и я буду одна. И тогда начало будет положено».

Потом я немного выпила и поехала к Сержу, дрожа от злости и беспомощности. Искать дом! Мне было страшно, ужасно страшно потерять Роберта.

У Сержа я пила дальше, чтобы побороть этот страх. В конце концов, Серж позвонил Роберту в тот вечер три недели назад, скорее даже ночью, так как он думал, что я не могу больше вести машину. Но вести машину я могла, я не могла только ждать Роберта. Я не смогла бы этого вынести, еще раз видеть его раненый взгляд и слышать тоску в его голосе. «Но что-то должен же я делать, Миа».

Я тоже должна была что-то делать. Только я не знала, что. Поэтому я не могла ехать домой той ночью, во всяком случае, не сразу. Это было, вероятно, то, что Йонас имел в виду, когда говорил об одном случае, три недели назад.

Только, при всем желании, я не могла представить, что Роберт действительно хотел послать мне вслед полицию. Этого бы он никогда не сделал. Он знал, что означает для меня иметь машину и вместе с ней, немного свободы.

За завтраком на следующее утро, мы разговаривали об этом. Я не была ни в своей кровати, ни в Ателье на софе. Когда мне удалось, в конце концов, поставить машину в гараж, я заснула за рулем. Я была полностью обессилена.

Роберт тоже выглядел переутомленным. «Я пол ночи тебя искал», сказал он. «Где ты была, Миа?»

Я не знала этого точно. Я просто ездила вокруг, просто так. Чтобы с самой собой прийти к согласию, чтобы выработать план, стратегию защиты или, еще лучше, прямого наступления. Мне бы хотелось суметь повернуть время назад, хотя бы на пару недель.

Первые месяцы, когда мне приходилось иметь дело только с невидимым Хорстом Фехнером, были значительно проще и легче переносимыми. Тогда я, по-крайней мере, знала, как я должна была оценивать Изабель и чем она занималась, когда покидала дом. Сейчас же она пряталась за этим колоссом в инвалидной коляске и за спиной Роберта.

Мне было абсолютно ясно, какое впечатление она производила на окружающих. Пиль достаточно часто мне это демонстрировал. Бедная молодая дама, вторгшаяся без злого намерения в сообщество, сцементированное чувством вины и расплаты. Она могла свой безупречный лоб разбить в кровь и обломать красные когти при попытке снести мою стену - это бы ей никогда не удалось. Мне было ясно, также, какое я сама производила впечатление, когда я напивалась из-за беспомощного гнева и страха, когда я не могла ничего другого делать, как только лишь возвращаться постоянно к одной и той же теме. Она изменяет тебе! А для этого у нее просто не было больше возможности.

Роберт был очень обеспокоен обо мне, потянулся через стол за моей рукой и попросил: «Миа, пообещай мне кое-что. Пообещай мне, что ты больше никогда не будешь этого делать. Я испытал тысячи страхов, что с тобой что-нибудь случится. Я бы не смог этого вынести, ты понимаешь?»

И при этом он хотел меня покинуть, чтобы жить в бунгало с Изабель и Йонасом? Да никогда!

Почему он скрыл от меня свою покупку, мне было уже ясно к тому времени, когда я сидела с Лучией за кухонным столом. Для того чтобы меня побережь, чтобы избавить меня от новых волнений и ложных выводов. Но ко всему, он хотел предотвратить, чтобы я, необдуманно замечанием, не предупредила обоих прежде времени.

Лучия настояла на том, чтобы я что-нибудь поела. Она считала, что я стала слишком тощей, собственноручно сделала мне два бутерброда, хотя сама только тост грызла.

Сначала мы обе молчали, предавшись своим мыслям и воспоминаниям. Лучия пила, с низко опущенной головой, свой кофе и посматривала на меня, поверх чашки. И внезапно она пробормотала: «Она всю ночь провела в его комнате».

«Я знаю», сказала я. «Она со времени его приезда почти исключительно в его комнате,

так что только по ночам у нее еще оставалась пара часиков для Роберта. Но сейчас, когда Роберт не стоит на дороге, зачем ей стесняться? Она ежедневно моет ему задницу и кое-что еще. И ты можешь мне поверить, что природа щедро его наградила. Думаю, что он может с жеребцом потягаться. Возможно, ей пришлось это по вкусу».

«Она его сестра», сказала Лучия. Это прозвучало, как резкое замечание.

Я небрежно пожала плечами. «Ну и что? Тебе бы поговорить об этом разок с психологом. Она была бы не первой сестрой, которая хочет своего брата. Для большинства женщин в такой ситуации существуют границы. Но есть, однако и такие, которые не обременены никакими комплексами».

«Миа, хватит», сказала Лучия, и это прозвучало еще строже. «Она боится тебя».

Она продолжала дальше очень обстоятельно. Ей было нелегко открыто говорить со мной. Часто она не знала, как ей это выразить, заботилась только, чтобы меня не нервировать, чтобы не привести меня в живо описанное Йонасом, неистовое бешенство, в состоянии которого, я была на все способна.

Бедная Лучия.

Изабель и Йонас основательно использовали прошедший вечер в своих целях. Чего только они ей не понарасказывали. Это означает, что Йонас рассказывал, а бедный ребенок только то и дело всхлипывал, иногда, также, кивал.

Бедный Роберт между двумя фронтами, старающийся сделать счастливой свою маленькую жену и угодить своей сумасшедшей сестре, и одновременно обеспечить беспомощному Йонасу достойное существование. Это походило на драму в трех актах. В последнем акте герой заплатил за свое усердие жизнью. После него осталось полностью растерянное существо, которое не знало выхода из своих боли и горя. Мужчина, прикованный к инвалидному креслу, проклиная свою беспомощность, который полностью осознавал свою неспособность оказать поддержку и защиту растерянному существу. И я осталась после него, больная от ненависти к Богу, к миру и ко всем, хотевшим оспорить у меня моего Роберта. Алкоголичка. Непредсказуемая. Агрессивная.

Лучия пригубила снова свой кофе, когда подошла к концу. Я почти ожидала, что она задаст мне известный вопрос. Но она даже не спросила, была ли я той ночью пьяна. Так далеко они, очевидно, не зашли, чтобы прямо обвинить меня перед ней. Они ограничились только тем, чтобы довести до ее понимания, что после смерти Роберта им приходилось бояться потерять кров. При этом они совсем и не собирались здесь долго оставаться.

«Ты знала, что Роберт собирался искать дом, Миа? Для себя, своей жены и своего деверя?»

«Естественно», сказала я, «мы подробно говорили об этом. И он не только искал дом, он его уже нашел, правда, не для себя, а только для своей жены и своего шурина. То, что они ничего об этом не знают, должно быть для тебя достаточным доказательством. Он хотел расстаться с Изабель. Но он не хотел их предупреждать прежде времени, потому что он знал, на что они способны».

Лучии понадобился момент, чтобы это переварить. Это не вписывалось в ее мировоззрение. «Она беременна», объявила она после нескольких секунд молчания, с оттенком смущения в голосе.

«Это являлось предпосылкой», сказала я. «Тебе же известно отцовское завещание».

Мы все еще сидели в кухне, когда около восьми пришла фрау Шюр. Произошла сцена сердечной встречи между ней и Лучией, пролились и слезы. Я использовала эту возможность, чтобы из своего Ателье позвонить маклеру.

Служащего по имени Биллер у него не было. Роберт сделал заказ по телефону три недели назад. Он должен был это сделать вскоре после того, как он открыто сказал мне, что собирается искать дом. Роберт высказал определенные пожелания, но осматривать

предложенные объекты не считал необходимым.

Это до сих пор льстило маклеру, что Роберт выказал ему такое доверие. Только на встрече с нотариусом в прошлую среду, он должен был лично присутствовать. Но нотариуса звали тоже не Биллером. Маклер считал, что речь может идти о каком-нибудь мастере. Роберт говорил, что он должен произвести различные перестройки, расширить дверные проемы, сделать наклонный съезд с террасы в сад, одну из двух ванных комнат, по-новому оборудовать. Сделал ли уже Роберт заказ на эти работы и кого он для этого нанял, маклер сказать не мог.

В половине десятого я с этим закончила, прошла наверх в свою комнату, приняла ванну и переделалась. До встречи с Пилем еще было время, и я не знала, куда себя девать. Фрау Шюр и Лучия были в кухне, говорили о Роберте и плакали о нем. Изабель с Йонасом были в комнате на конце галереи. Во всяком случае, я слышала, как они разговаривали друг с другом, но о чем они говорили, я не понимала.

И я ходила от окна к двери, от двери к окну и снова обратно. В конце концов, я вышла на галерею и пошла к последней комнате. Я ступала совсем осторожно и подошла вплотную к двери так, что они меня не заметили.

Дверь была закрыта, но сейчас я была достаточно близко, чтобы понять, что за ней происходило. Они говорили о Лучии, о предложениях, которые она сделала, о приобретении электрического инвалидного кресла и о специальной подушке, чтобы Йонас не просидел себе задницу до ран. Он находил идею хорошей и хохотал, как будто это было отличной шуткой.

Бедная Лучия, если бы она знала, что ее искренние предложения послужили только развлечением для обоих, то была бы, наверное, немного сдержаннее.

Потом Изабель и Йонас разговаривали о проспектах, которые еще Роберт достал. Лестничный лифт и другой подъемник, который должен быть постоянно вмонтирован возле ванны и позволял бы Йонасу и без помощи Изабель продолжительно купаться.

Йонас громко обдумывал, стоит ли еще делать подобные вложения средств, не лучше ли будет, если они подыщут себе что-нибудь поменьше, пока Лучия была еще рядом, чтобы их поддержать. Они действительно не имели понятия об этом бунгало, это точно. Было очень содержательно их слушать.

В начале одиннадцатого перед дверью объявились Волберт и еще один неизвестный, и спугнули меня с моей позиции по прослушиванию. До того я все же узнала, что Изабель с Йонасом и не думали о том, чтобы еще долго осложнять мне жизнь. Они хотели покинуть мой дом настолько быстро, насколько возможно, мечтали о солнечном юге. Возможно, Лучия их пригласила.

Волберт представил мне своего спутника. Эксперт по финансам. Они не хотели меня долго задерживать. Как уже сообщал Олаф, Волберт хотел высказать свою просьбу. Я дала согласие, и он был доволен и благодарен.

Мы пошли в кабинет Роберта. Волберт сказал: «Мы рассчитываем, что тело вашего брата завтра можно будет забрать для похорон. Вы получите тогда сообщение из прокуратуры, фрау Бонгартц».

До того все это было еще каким-то образом ирреальным, а теперь внезапно стало конкретным. Тело моего брата! Похоронная контора, гроб, могила, цветы, венки и панихида. В течение нескольких минут я думала, что задохнусь от этого. Волберт дал мне время, чтобы снова собраться.

«Я хочу», потребовала я, «чтобы вы провели над телом моего брата все исследования,

необходимые для установления отцовства».

Минуту он смотрел на меня. Я видела, как мысль работает за его лбом. Он сразу понял, что это означало, но не стал это комментировать. Зачем? Нам не нужно было обсуждать это дальше, мы понимали друг друга. Наконец был кто-то, кто видел положение вещей так же, как и я. Я чувствовала себя немного лучше.

«С вашей машиной - это займет еще пару дней», объяснил он. «С записью на автоответчике мы тоже еще не ушли далеко. Мы ищем Биллера, но пока безуспешно. Мы не знаем даже, настоящее ли это имя».

«Забудьте этого человека», сказала я. «Речь идет о детективе, которого нанял мой брат».

«Ах», удивился Волберт. «Разве вы не говорили, что это вы подключили детектива?»

«Здесь, на месте», сказала я. «Но здесь, к сожалению, не было никаких результатов. Я уже объясняла вам это. Поэтому мой брат посчитал нужным перенести наблюдение во Франкфурт».

«А что, для вашей невестки всегда существовал только этот Фехнер?», спросил Волберт. «Никаких других мужчин?»

«Только клиенты бара, в котором подвизалась Иза», сказала я. Потом подошло время ехать к Пилю. Я хотела заказать себе такси. Волберт предложил взять меня в город. В пути мы могли бы продолжать разговаривать, считал он.

После того, как Волберт коротко переговорил с Лучией, мы вместе вышли из дома. У него не было дальнейших вопросов ни к ней, ни к Изабель с Йонасом. Его финансовый эксперт остался, он был полностью занят тем, что делал себе заметки об инвестиционных фондах и участии в акционерном капитале.

Отъезжая, Волберт поинтересовался, как долго может продолжаться мой визит к врачу. «Если вас это устраивает», сказал он, «я вас также заберу. Я хочу, чтобы вы прослушали раз эту запись. Возможно, вы узнаете голос мужчины».

«В это я почти не верю», возразила я. «Я не знакома лично с господином Биллером. И я, также, никогда с ним не разговаривала. Я знаю только, что он должен был раздобыть доказательства, что не Роберт был в ответе за эту беременность. И это господину Биллеру удалось. Он сделал предварительный отчет по телефону. На стоянке он хотел только вручить Роберту фотографии, которые показывали мою невестку вместе с Хорстом Фехнером».

«Интересно», пробормотал Волберт. «Тогда, значит, вы снова помните о последнем разговоре с вашим братом. Когда же были сделаны эти фотографии?»

«Девять или десять недель назад», сказала я.

«Интересно», пробормотал Волберт снова. «Что-нибудь еще пришло вам на ум?»

Я объяснила ему, как я представляла себе происходившее той ночью: Изабель на галерее и так далее. Когда я закончила свои выкладки, Волберт осведомился дружелюбно:

«Значит, вы не настаиваете больше на том, что ваш брат заходил к вам еще раз, ранним утром?»

«Нет», сказала я. «Мне ведь это только приснилась».

Волберт задумчиво покачал головой. «Жаль», считал он. «Это было бы интересным аспектом».

Я не знала, что он хотел этим сказать. А он поглядывал на меня искоса, с чем-то, вроде сочувствия во взгляде и одновременно вырuling к правой обочине. И там, рядом с входной дверью, была табличка.

Доктор Харальд Пиль, специалист по неврологии и психотерапии.

«Из-за чего вы, в конце концов, на лечении?», осведомился Волберт. Но адрес Пилия он у меня не спрашивал. Это только сейчас до меня дошло. Неожиданно я показалась самой себе такой прозрачной. Это было отвратительное чувство.

И потом я разговаривала с Пилем о гневе, ненависти, бессилии, ревности и недоверии, как уже сотни раз прежде. Я знала точно, как мне нужно себя вести, чтобы держать его на безопасной дистанции. Я рассказала ему даже о полицейском, который водил меня за нос и хладнокровно предоставлял мне наскочить на мель в то время, пока держал меня в уверенности, что верил мне и был на моей стороне.

Я коротко рассказала, также, об отсутствии горя по Роберту и о предложении Олафа дать себя загипнотизировать и таким способом узнать, как я действительно провела выпавшие из моей памяти часы в ночь на пятницу.

Так, постепенно, я подошла к существу вопроса. Мне понадобились только пара фраз. Пиль сразу же попался на мою удочку. «Ваша невестка не могла воспользоваться вашей машиной, Миа. Она была ночью дома, Миа».

«Сколько она вам за это заплатила?», спросила я.

Он даже не наморщил лоб, сидел там, как всегда – гном, в слишком большом для него кресле. «Как должен я это понимать, Миа?»

«Так, как я это сказала», отвела я. «Волберт сказал, что вы подтверждаете алиби Изы. Но Вас не было ночью в доме, я это знаю».

«Естественно, нет», сказал Пиль. «Ваша невестка позвонила мне ночью, в начале третьего».

Изабель была расстроена и сильно нервничала, сказал Пиль. Истерически звучащим голосом, доложила она ему об ожесточенной ссоре между мною и Робертом и потребовала, чтобы он немедленно приехал, пока я всех не поубивала.

Но Пиль делал домашние визиты только в исключительных случаях, а в два часа ночи – вообще никогда. Он был ограниченным идиотом и видимо не понимал, в какую телегу его впрягли. Мне было трудно сохранять спокойствие в то время, пока я его слушала.

Он пытался успокоить Изабель. Она не должна волноваться ни о своем муже, ни о своем брате или о себе самой. В том, что касалось этого вопроса, он был в себе полностью уверен. Он ведь верил, что знает меня и может во сне предсказать мои реакции.

Телефонный разговор не был для меня доказательством. Изабель могла позвонить откуда угодно, даже с автозаправки. Что я и сказала ему вполне отчетливо.

Пиль покачал головой. Разговор с моей невесткой внезапно оборвался, сказал он, после ужасного крика и сильного грохота. Тогда он все-таки забеспокоился и перезвонил. И он застал ее дома. Правда не сразу, это длилось около десяти минут, пока она подошла к телефону.

За эти десять минут Роберт, по словам Изабель, покинул дом, я исчезла в своем Ателье, а она заперлась с братом. А у Йонаса в комнате телефона не было. Она услышала, как он звонил в спальне, доказывала она Пилю, и она не решалась сразу выйти. Она была вместе с Йонасом и испытывала панический страх, что я могу прийти, перерезать ей горло, а ее беспомощного брата скинуть с лестницы вниз. Якобы, я этим угрожала.

Телефонный разговор продолжался почти час. Пиль посоветовал ей уведомить полицию, если она воображает себя в опасности. Но Изабель не хотела делать этого своему бедному мужу. Чтобы его любимую сестру забрал патруль и запер в камере - вытрезвителе (Прим. переводчика: камера - вытрезвитель – камера в полицейском участке, для задержанных пьяных), это бы разбило ему сердце.

Эта проклятая стерва! Изе снова удалось умело сходить с козырей к своей выгоде. Битый час умасливала она Пиля, чтобы держать его на линии и обеспечить себе алиби. Зачем доставлять хлопоты полиции и причинять еще большее горе измученному Роберту, когда есть ведь компетентный специалист, который может укротить дикого зверя.

Я не смогла удержаться и фыркнула. Но представление это было таким комическим. Значит, я должна была кровожадно ворваться в спальню, и она хотела ткнуть мне навстречу телефонную трубку. А в трубке бы Пиль пел колыбельную или бормотал

заклинание. Пиль не видел здесь ничего смешного. «Миа, вы находились той ночью в исключительной ситуации».

«В такой ситуации я нахожусь уже девять месяцев», сказала я. «А в прошедшие дни у меня были все причины и дюжина возможностей для того, чтобы перерезать глотку этой бабе и запустить в полет ее калеку. И что же случилось? Ничего, потому что я ничего не смогла сделать. И вы еще хотите мне внушить, что я убила своего брата».

«Этого я и не пытался, Миа», возразил он. «Чувствуете вы, что вы могли это сделать?»

«Оставьте меня в покое с вашими «чувствами»», сказала я. «Вы присутствовали при финале, но были слишком глупы, чтобы понять, куда это должно привести».

Господь милостивый, как же я была рада, что уже давно поговорила с Волбертом о Хорсте Фехнере. До меня дошли, наконец, истинные масштабы плана. Изабель знала, что она автоматически попадает под подозрение и одного только показания ее брата недостаточно, чтобы исключить ее из числа подозреваемых. Она нуждалась в безотказном алиби. И она его раздобыла, причем именно у моего терапевта.

Как бы это выглядело, если б я только сейчас вытащила Хорста Фехнера перед Волбертом, как кролика из шляпы. Изабель должна была только всучить Фехнеру мой кольт. Это она сделала, наверное, за те десять минут, когда Пиль пытался ей дозвониться.

Но он просто не хотел этого понимать. А я понимала все больше. Неожиданно до меня дошло, о чем сожалел Волберт, когда я сказала, что мне это только приснилось. Не приснилось мне это! Волберт понял это намного раньше меня. Хорст Фехнер заходил ко мне ранним утром. Убийца Роберта положил мне руку на плечи и поинтересовался: «Ты спишь, Миа?»

Я должна была намного раньше до всего этого дойти. Станный тон, каким он констатировал, что они могли бы целую неделю праздновать с того, чем я накачалась. Роберт так никогда обо мне не говорил.

Я хотела сказать еще об этом Пиллю. Но он уже бросил украдкой взгляд на часы. Мое время истекло. А внизу перед домом ждал Волберт. Значит, я должна была объяснить это ему. Он и без того мог больше предпринять, чем психотерапевт.

Но я еще не была готова уйти. Тут было еще кое-что. «Роберт был у вас», сказала я. «Я знаю это из одного достоверного источника. Что он от вас хотел?»

«Информацию о вашем душевном состоянии», ответил Пиль по- существу. «Он поинтересовался, рассказывали ли вы мне о галлюцинациях. Ему казалось, что я могу судить, описывали ли вы мне реально-происшедшее или свое ирреальное восприятие».

«А этого вы не могли», констатировала я.

На это он не ответил. Он провел меня к двери, как делал это всегда, пожал мне на прощание руку и улыбнулся, излучая глубокое убеждение. «Мы увидимся в четверг, в обычное время, Миа. Может быть, мы сможем тогда вернуться к предложению господина Вехтера. Это было бы разумно и желательно для вас самой - внести ясность. Очень вероятно, что вы просто не хотите помнить. Вы понимаете, что я имею в виду. Вы склонны к тому, чтобы оттеснять нежелательные факты. И вы знаете, что о том, что мы на наших встречах обсуждаем или обнаруживаем, я не имею права предоставлять информацию даже в суде».

Если бы в моем распоряжении были две здоровых руки, я бы скрутила его морщинистую шею. Он мог бы мне по-другому объяснить, что он отказался дать Роберту информацию, а меня считал Каином.

Волберт смотрел мне на встречу со своей неизменной улыбкой. Он открыл мне дверь автомобиля. Он сразу же отъехал, влился в поток машин, его взгляд был устремлен прямо.

Ему понадобились двадцать минут, чтобы доехать до полицейского управления. Во время поездки он не сказал почти ни слова, но он по-крайней мере слушал, пока я рассказывала, что мне это не приснилось, что Хорст Фехнер – убийца Роберта, и что сразу

после убийства он был в моем Ателье. По его реакции, однако, можно было ясно понять, что точно с таким же успехом я могла ему втолковывать, как осуществляется прогноз погоды. Он только пожал раз коротко плечами и улыбнулся своей всезнающей улыбкой доброго дедушки.

Потом он шел впереди меня через длинный вестибюль к своему бюро или комнате дежурного, или как там еще это могло называться. Меня даже не удивило, что маленький геркулес нас уже поджидал. Подозреваемых ведь всегда допрашивают двое следователей, один из которых разыгрывает добродушного, а другой – злого. Что, я действительно воображала, что Волберт на моей стороне?

Возможно! Но тогда было самое время что-то понять. На моей стороне не было никого, даже Олафа или Лучии. Волберт не нуждался в этом парне для поддержки. Он был уверен в себе и сказал ему только, что мы пройдем сейчас в лабораторию. С этим он один справится. Снова он вел меня по коридорам и лестницам, на этот раз вниз, в одно помещение в подвале. Там была целая масса техники, и один из его специалистов уже стоял, готовый к увертюре.

Прежде, чем они проиграли мне ленту на автоответчике Роберта, кое-что Волберт считал нужным мне объяснить. Я должна сначала только внимательно прислушаться к голосу и не обращать пока внимания на звучание фона. Если бы он специально не обратил на это мое внимание, возможно, что я бы вообще не заметила никаких фоновых звуков, возможно, я бы считала это шумом пленки. Но это был другой шум.

На пленке было не много. Запись автоответчика оборвалась в тот момент, когда Роберт поднял трубку. Был слышен мужской голос. «Это Биллер». Потом последовали еще немногие фразы, да и они были сжатыми, как будто он очень спешил.

Я пробовала сконцентрироваться на голосе. Но сразу после того, как он представился, мужчина произнес два слова, от которых кровь бросилась мне в голову и пропала всякая концентрация.

«Привет, Роб, жаль, что я не застал тебя лично. Я собрал все, что тебе нужно, чтобы избавиться от проблемы. Пошло быстрее, чем я думал. Я позвоню тебе снова, и мы можем тогда...»

На этом месте прервалось.

Привет, Роб! Это звучало эхом в моей голове. Это было ощущение льда, сковавшего мне сердце. Я знала только одного человека, который так обращался к Роберту. Сержа.

Восьмая глава

Его голос звучал не так, как всегда, возможно из-за плохого качества пленки. На заднем фоне было много шумов. И еще больше шумов было в моих ушах. Я этого не понимала. А в моей голове все еще разглагольствовал Пиль о том, что я вытесняю свои воспоминания.

То, что я вытесняю, никого не заботило, даже мой собственный рассудок. Приподнялся только крошечный уголок черного одеяла, которым была укрыта та ночь.

И под этим уголком я видела себя, лежащей на постели в маленькой квартирке Сержа и спрашивающей: «Ну, так что? Сделаешь ты мне это одолжение? Здесь же ничего такого. Ты позвонишь Роберту и скажешь: Это Биллер».

Серж постучал себя по лбу. «Что за чепуха! И что я ему потом должен сказать? Ты знаешь вообще, кто такой этот Биллер?»

«Это я как раз и хочу выяснить», сказала я.

Я помотала головой, чтобы уголок одеяла упал обратно. Я не хотела этого ни видеть, ни слышать. Волберт, очевидно, принял мое мотание головой за отрицательный ответ в

том, что касалось узнавания голоса, и поначалу этим удовлетворился. Он запустил пленку снова, и на этот раз я должна была обратить внимание на звуковой фон.

Мне было трудно вообще на чем-либо сконцентрироваться. Но я как-то справилась с этим. Мне даже удалось микшировать голос. «Привет, Роб, жаль, что я...»

Позади голоса был почти равномерный гул. Ну да, в ту ночь шел дождь. Я принимала душ, после того, как Серж отказался... А когда я вышла из ванной, он сказал: «Так, одолжение я тебе сделал. И что теперь?» Если бы я только знала.

Волберт смотрел на меня настолько спокойно и невозмутимо, как будто дело шло только о том, чтобы разобраться, предпочитаю я к завтраку чай или кофе.

«Я так понимаю», объяснил он, «что этот мужчина хотел предложить встречу. Но это он мог потом лично сказать вашему брату. И, по-видимому, для вашего брата это было настолько важным, что он предпочел еще в ту же ночь встретиться с этим человеком. А вы хотели это предотвратить, фрау Бонгартц».

Теперь он, вероятно, вернулся назад к своей гипотезе. В моей голове был полнейший сумбур. Возможно, он был прав, возможно, я хотела предотвратить, чтобы Роберт еще раз уехал из дома. Потому, что я точно знала, что это было излишним, что не было никакого Биллера, по крайней мере, никакого, который где-то снаружи хотел с Робертом встретиться.

Техник возился с кнопками на своих устройствах. Я все еще ожидала, что Волберт спросит меня, узнала ли я голос. Но на это он больше не тратил времени. Он листал свою записную книжку.

«Господин Торховен утверждает, что он отчетливо слышал, как вы кричали вашему брату – ты останешься здесь или случится несчастье».

Да, конечно, почему бы и нет! Если Йонас это отчетливо слышал! Несчастье тоже тогда случилось. Теперь мы, по крайней мере, говорили открытым текстом. Это мне нравилось больше, чем утреннее лицемерное жеманство.

Ему и не нужно было больше меня спрашивать, узнала ли я голос. Он ведь это уже знал. Возможно, Серж признался, возможно, Волберт уже давно нашел всему этому объяснение. Полностью и абсолютно положился на то, что презентовали ему Изабель с Йонасом.

Йонас объяснил полиции то же, что и мне. Будто бы он проснулся от моих криков и пришел в ужас от страха за свою младшую сестру, с трудом перебрался в инвалидное кресло, чтобы ее защитить, посылал одну за другой молитвы к небесам, чтобы Изабель оставалась на галерее и не чувствовала бы себя обязанной подстраховать в зале своего мужа. В противном случае, должен был бедный Йонас беспомощно наблюдать сверху, как бы я их обоих прикончила. С одной рукой это было бы для меня парой пустяков. Идиот!

Волберт не был больше дружелюбным, готовым помочь полицейским. «Вы хотели предотвратить, что ваш брат уедет еще раз из дома», повторил он. «Почему, фрау Бонгартц? Разве вы не хотели, чтобы он избавился от проблемы?»

Что пришло на ум этому тупице по имени Серж, чтобы нести такую чушь? Да еще и по рабочей линии, где это все для потомков оставалось. Я ему совсем другой текст давала. Теперь я снова об этом помнила.

Он должен был представить это так, как будто он Биллер, но он должен был попросить ему перезвонить. Перезвонить в определенное время, когда я была дома и могла тоже послушать. Мне же хотелось только узнать, что Роберт скрывал от меня. Был ли Биллер маклером или психиатром.

Волберт дал мне две секунды на то, чтобы ответить и когда ответа не последовало, он спросил: «Часто ли вы употребляете алкоголь в больших количествах?»

«Это имеет значение для ваших расследований?»

Он немного пожеманничал. «В известном смысле, да, фрау Бонгартц, так как в семье

это может привести к проблемам, если один человек невоздержанно пьет и теряет потом над собой контроль. Просил ли ваш брат вас в последнее время, чтобы вы пошли на лечение?»

Пауза. Вопросительный, насквозь дружелюбный взгляд. Этому взгляду я попыталась воспротивиться, причем помотала одновременно головой.

«Ну, да вы же уже на лечении», констатировал он и продолжал: «Когда нашли вашего брата, у него не было при себе ничего, что могло бы быть как-то связанным с этим звонком. Совершенно точно - никаких фотографий его жены и Хорста Фехнера».

Он улыбнулся мне почти так, как если бы сочувствовал. «Таких фотографий и не могло быть, фрау Бонгартц. Детектив, которого вы наняли восемь месяцев назад, хорошо поработал. Хорст Фехнер удрал тогда за границу, мы это проверили».

«Я никогда не была проблемой для Роберта», сказала я.

Он кивнул раз, коротко и рассеянно. Это, Бог свидетель, не было согласием.

«Вы были против брака вашего брата?!»

Это не прозвучало вопросом, а было, скорее, констатацией факта. И почему я должна была лгать? Я кивнула.

«И взяв вашу невестку под наблюдение, вы этим не ограничились. Вы стали давить на вашего брата, чтобы он расторг этот брак. Из-за этого в последнее время часто возникали ссоры между вами и вашим братом?!»

Заблуждение, между Робертом и мной никогда не происходило ссор. И совершенно точно не той ночью. Волберт почти не обратил внимания на мои возражения. Он снова стал добродушным. Это прозвучало почти, как вздох, когда он уступил: «Да, конечно, ваш провал памяти, как следствие затемнения сознания».

И еще во время своего вздоха, он вытащил из кармана брюк упаковку с лекарством. Она была помещена в прозрачную оболочку. Тем не менее, я узнала ее еще до того, как могла прочесть название - мои капсулы клирадона.

«Это мы нашли в машине вашего брата», объяснил Волберт и протянул ко мне упаковку. «Он дал вам одну из этих капсул, верно?»

«Верно», сказала я.

«Может быть, вы помните еще, сколько вы до того приняли алкоголя? Пол бутылки или меньше? Или больше?»

«Пару стаканов – пять или шесть. Но хватило бы и одного, хватило бы уже только одной из этих капсул, они содержат морфин»

Волберт скривил губы. «Нет, фрау Бонгартц. Вы могли бы принять три или четыре из этих капсул, ваше сознание от этого не стало бы затемненным. То, что я держу сейчас в руке, является мультивитаминным препаратом. На упаковке стоит, правда, клирадон; ваш брат с этим очень постарался. Он только из-за этой наклейки и вложенной инструкции по применению, сделал заказ одной типографии. А клирадон некоторое время назад был изъят из продажи, его теперь вообще нельзя больше купить».

Я думала, что задохнусь. А Волберт снова улыбался.

«Тогда остается пара «специальных» напитков. Пять или шесть, сказали вы. Это могло бы быть семь или восемь. Господин Хойзер считает, что семь были выпиты в баре и еще один стакан – в квартире. Как часто вы уже садились за руль, после того, как выпивали восемь стаканов этой специальной смеси?»

Когда я ему не ответила, его улыбка исчезла. «Я спрашиваю вас не из-за пьянства за рулем», сказал он. «Я спрашиваю вас, потому что пытаюсь раскрыть убийство вашего брата».

Они снова очень обстоятельно разговаривали с Сержем. От того, что он мне подавал в

последние недели, не опьянел бы и ребенок. Три недели назад, Роберт попросил Сержа, не давать мне больше ни капли алкоголя.

Мои специальные напитки состояли из изысканной смеси различных соков и специй. Волберт сам попробовал. На вкус это казалось по-настоящему крепким и насыщенным, сказал он. Нужно иметь уж очень чувствительные вкусовые нервные окончания и точно знать, что тебе подают, чтобы понять, что не хватает решающей субстанции.

«Когда вы приезжали в бар», сказал он, «чаще всего вы находились в плохом душевном и физическом состоянии. У вас были сильные боли, от которых вы уже были оглушены, так что господин Хойзер мог рискнуть попробовать, и это сработало. Правда, на всякий случай, у него всегда было под рукой легкое успокоительное. Он признается, что в интересующую нас ночь, он дал вам несколько капель валерианки».

«Я выпила дома уже несколько стаканов водки, прежде чем поехала в бар», сказала я.

Волберт покачал головой. «Это не были несколько стаканов, фрау Бонгартц. С наперсток, может быть. Остальное была вода. Ваш брат был очень основательным».

Он смотрел на меня выжидающе, техник тоже. А в моей голове снова нашептывал Пиль о механизмах вытеснения. Я вытесняла ненависть к Роберту. Я вытесняла признаки того, что определенно не нравилась Роберту и вытесняла его критику своему поведению. Я вытесняла все, что мне не подходило, просто отпихивала в сторону, чтобы на этом больше не спотыкаться. Я создавала себе бесчисленные черные дыры и забивала их полностью тем, что могло поколебать хрупкую структуру моего мира.

«Я не застрелила Роберта», сказала я.

«Его жена тоже его не застрелила», возразил Волберт.

Я не хотела снова повторять все то, что уже так исчерпывающе объяснила ему. Но что мне еще оставалось?

«Этого она и не должна была делать. Если Хорст Фехнер...»

«Он мертв», перебил меня Волберт и испустил отчетливый вздох. «Хорст Фехнер уже четыре месяца лежит на кладбище, фрау Бонгартц. Двое мужчин, которые забрали Йонаса Торховена из франкфуртского аэропорта, были служащие одной фирмы по аренде автомобилей».

«А почему Иза рассказывала нам, что это были друзья Йонаса?»

Волберт вздохнул. «Очевидно, ваш брат посоветовал это своей жене, чтобы предотвратить всякие домыслы».

«Это же неправда», сказала я, возможно, я даже кричала. «Это вообще не может быть правдой! Роберт хотел послать в аэропорт машину для перевозки больных. Изабель лжет! Она лжет, как только рот открывает!»

Я не рассчитывала на то, что он еще раз меня отпустит, но он сделал это. Он даже позаботился о том, чтобы меня отвезли домой. И там я тогда сидела. При этом я вообще не могла сидеть. В своем Ателье я долго не выдержала, всего несколько минут. Только один взгляд на каменного чурбана в углу, и в моей голове раздавался голос Роберта.

«Почему ты себя этим мучаешь, Миа? Почему ты не хочешь, наконец, от него избавиться? Иза ведь права, когда говорит, что незачем тебе сидеть здесь часами, рассматривать эту штуку и саму себя заводить. Не удивительно, что тебе при этом приходят в голову глупые мысли. Но ни один человек в этом доме не желает тебе плохого, Миа. Я совершенно точно, нет. Я же хочу тебе только помочь, потому что это не может так дальше продолжаться».

Один только взгляд на бутылку водки и к этому, комментарий Сержа. И ярость в животе - специальные напитки, только специальные напитки в последние недели, вода с парой капель водки и мультивитаминный препарат против бешеных головных болей.

Но что же это такое, черт побери! Это же действовало – капли, так же, как и напитки. Только водка была на вкус, как вода. От этого мне как-то полегчало. Полностью

помешанной я еще не была. Возможно, когда-нибудь я войду в историю, как медицинское чудо, как женщина, которая от воды и фруктового сока так напилась, что получила Blackout. А что до капсул, действительно нельзя недооценивать Пласебо-эффект, и уж точно не тогда, когда боли обусловлены только психическими причинами.

Знали ли они об этом? Фрау Шюр должна была быть в курсе, иначе моя водка не обожгла бы ей горло. Но могли ли они это заранее предусмотреть? Посвятил ли Роберт свою маленькую ведьмочку в эту тайну? Может, чтобы умилостивить ее, не понимая, что этим он подписывает свой смертный приговор. Я его не убивала, я – нет, я бы никогда не смогла причинить ему боли.

А Хорст Фехнер был мертв уже четыре месяца. И в течение шести недель, Изабель больше не покидала надолго дом. Значит она все-таки с этим справилась, значит она могла запустить свои красные когти в многочисленные пакеты акций и управлять ими в интересах своего ребенка.

Я просто не знала, как мне дальше быть.

Пойти наверх в свою комнату, я не решалась. Возможно, я встретила бы с ней на галерее и должна была бы, наконец, взять в кухне нож. Ей нужно умереть, она должна была умереть, если я хотела это как-то пережить. Но она должна была так умереть, чтобы Волберт и его коллеги бродили в потемках, как законченные идиоты. Я не хотела, чтобы меня еще и заперли только за то, что я раздавила таракана. А сейчас в доме было слишком много народу.

В кабинете Роберта все еще сидел эксперт по финансам. Фрау Шюр хлопотала в кухне с кастрюлями и сковородками. Лучия была в библиотеке. В конце концов, я отправилась в зимний сад. Роберт с таким удовольствием там находился, даже когда еще ребенком был. В плохую погоду он играл со своими друзьями между цветами, а я садилась в угол и смотрела на них.

Я действительно больше не знала, что мне думать. Бывает такой момент, когда не знаешь, что делать дальше. Это не было признаком слабости, только бессилие и усталость. Сначала я и не думала даже о том, чтобы пойти на предложение Пиля. Никакого гипноза. Если этот гном воображал, что я полностью ему себя предоставляю, то он сильно ошибался.

Я села в угол и как только закрыла глаза, то увидела Роберта перед собой. «Я должен с тобой поговорить, Миа».

Это случилось через два или три дня после того, как я отказалась освободить свое Ателье для Йонаса, после того, как я напилась и сбежала к Сержу.

Роберт пришел под вечер ко мне в зимний сад. Он принес кофе и немного выпечки, сел напротив меня и улыбнулся. «Давай посидим немного».

И потом - я не могла понять, действительно ли был в его голосе налет сарказма - сказал: «Нам определенно никто не помешает».

Роберт налил нам кофе и положил кусок пирога на свою тарелку. Он не торопился перейти к делу.

«Я хотел попросить тебя об одном одолжении, Миа. Я знаю, что требую от тебя слишком много, но сделай это ради меня».

Я уже думала, что он снова собирается оспаривать у меня Ателье. Однако же, речь шла совсем о другом. «Я знаю, что тебе не нравится говорить о Йонасе. Я и не хочу нажимать на тебя больше. Если ты что-то имеешь против него, значит, у тебя есть на то причины. Но не могла бы ты, несмотря на это, немного позаботиться о нем? Мне важно в принципе только то, чтобы Изу...»

Когда я помотала головой, он осекся и коротко сжал губы. Потом закончил свою фразу. «Чтобы немного разгрузить Изу. Чтобы у нее было немного времени для себя, понимаешь? Ей нужно отвлечься, может снова разок выбраться вечером в город. Мне не

нравится, как она изнуряет себя с Йонасом. Она не такая уж сильная и я боюсь, что ее надолго не хватит. В последние дни она часто жаловалась, что чувствует себя очень утомленной».

Он, конечно, имел в виду последние ночи, но не хотел так конкретно выражаться. Этого и не требовалось.

«Миа, я же не требую многого», считал он. «Если ты только на час или два в день, с Йонасом...»

Когда я снова покачала головой, он сдался окончательно. «Ладно, забудь об этом», сказал он. «Но тогда ответь мне, по крайней мере, на один вопрос. Это нескромный вопрос, но я все равно хочу получить ответ, Миа. Ты часто бывала у него в первые дни. Один раз ты была у него даже ночью. Я знаю это от Изы. Ты спала с ним, Миа?»

«Нет», сказала я.

«Он хотел с тобой спать?»

«Нет», сказала я.

Роберт уставился на свою тарелку. Секунды между нами царило молчание. Потом он спросил: «Ты считаешь, он был бы еще в состоянии спать с женщиной? Я разговаривал на днях об этом с мамой, она считает это вполне возможным. И он же еще очень молод. Ему этого, вероятно, не хватает».

«Что ты хочешь от меня?», спросила я. «Должна ли я залезть в постель к этому парню и скрасить ему вечерок, чтобы твоя жена в это время могла еще как-нибудь развлечься?»

«Глупости, Миа!» Он был возмущен. «Я только думал, что ты заметила что-нибудь в этом смысле».

«Почему ты не спросишь Изу, может он еще или нет? Она снимает и одевает ему штаны. Она запикивает его в ванну и моет ему задницу. Если у него еще что-то шевелится, она должна была это уже давно заметить».

Роберт кивнул задумчиво и вздохнул. «Изу мне не хотелось спрашивать». Потом, наконец, он снова посмотрел мне в лицо. «Я только еще раз ей предложил нанять профессиональную помощь. Он ведь не так уж беспомощен. Этого должно быть достаточно, если кто-то придет на пару часов в день. Утром и вечером, только помочь ему из кровати в коляску. Но Иза против. Этого я не понимаю. С другой стороны, я спрашиваю себя, как бы мы с тобой держались, если бы я сидел в инвалидном кресле и не имел бы больше никаких надежд на нормальную жизнь. Что бы ты для меня делала, Миа?»

На это я не должна была ему отвечать. Мы знали оба, что в таком случае я была бы с ним рядом. Во всех отношениях. Но в его просьбе я ему отказала.

Ему бы это не помогло, если бы я начала сейчас заниматься самобичеванием. Я могла себя только спросить, почему он вообще меня об этом просил, когда ему было известно, как я относилась к Йонасу. И он не только меня спросил, но еще и Лучию, когда уговаривал ее приехать. Человека, который мог трезво мыслить, бывшую сиделку. «Что-то происходит в доме. Я не знаю больше, что и думать, мама». Какое ужасное подозрение его мучило, если он хотел приставить к Йонасу шпиона? Именно так ведь это и было.

В конце концов, все было именно так, как я обрисовала это Лучии. Если бы речь шла только о том, чтобы разгрузить Изабель, Роберт не спросил бы меня, спала ли я с Йонасом. И он не спросил бы меня об этом, чтобы узнать, чем обосновано напряжение между мною и Йонасом. Он никогда не был таким нескромным. Он спросил меня только по одной единственной причине, тут я была совершенно уверена. Ему нужно было выяснить, могло ли случиться, чтобы Изабель спала со своим собственным братом.

В тот момент, когда я это поняла, у меня перехватило дыхание. Хорст Фехнер был два

месяца мертв, а приезд Йонаса предотвратил, чтобы Изабель могла приискать себе замену. Но она не осталась в накладе и со своим братом. Возможно уже с первой ночи. Почему, тогда, они заперли комнату? Теперь мне стало понятно, почему он меня спровадил. С Изабель, естественно, я не могла соперничать.

Это была бы тема для четверга, подумала я мимоходом, просто находка для Пиля. В конце он бы мне объяснил, что я свои тайные страсти и желания проецирую на других. Наплевать мне на Пиля!

В какой-то момент пришла Лучия в зимний сад, увидела меня, сидящей в углу и реагировала удивленно, возможно даже недоверчиво. «Ты здесь, а я тебя уже везде искала. Ты прячешься, как будто у тебя совесть нечиста, Миа».

Потом она спросила про мою машину, сразу же выяснила, что она была не в мастерской для ремонта, а оттранспортирована полицией. Она еще не села, стояла передо мной, как изваяние.

«Не беспокойся об этом», сказала я. «Полиция хочет только установить, был ли мой автомобиль умышленно поврежден. Возможно, кто-то хотел предотвратить, чтобы я могла последовать за Робертом той ночью».

Это не было притянута за волосы, напротив, очень даже правдоподобно. Мне не должна была даже сама идея прийти в голову, последовать за Робертом! Чтобы моим автомобилем можно было воспользоваться для убийства! Чтобы оставить фальшивый след, след масла!

Наверное, я действительно должна была начать писать тогда, по крайней мере, рисовать, у меня это всегда хорошо получалось. Я могла бы на этом тоже сделать себе имя, построить карьеру, заслужить признание, не только у моего отца, а у всего мира. Может быть, я справилась бы с этим когда-нибудь – придать своей жизни иной смысл, нежели стоять на страже благополучия Роберта. И Роберт нашел бы когда-нибудь другую женщину. Какую-нибудь, которая была бы возможно, немного поверхностная, возможно, немного корыстная, возможно, немного расчетливая, но не холодная, как лед, не беззащитная и не готовая к убийству.

Лучия все еще стояла передо мной. «Кто, Миа? Ты же знаешь это».

«Я думала, что знаю. Но мужчина, которого я подозревала, мертв. Я узнала это только сегодня утром, от полиции. Теперь полиция не знает, что дальше. И я тоже не знаю».

Наконец Лучия прошла эти два шага до кресла напротив меня, медленно опустилась в него и провела рукой по лицу. Прерывисто вздохнув, она посмотрела на меня.

«Все это так ужасно. Я не могу этого постичь. Роберт ведь был так счастлив вначале. Как он восторгался Изой, когда звонил мне в первые недели. И Миа, ты бы их видела, когда они были у меня. Они были идеальной парой, оба такие красивые. Марлиз была по сравнению, она простит мне то, что я сейчас говорю...».

Лучия перекрестилась и продолжала: «...Клушей. Я думала, наконец, нашел мой Роберто подходящую женщину. Я устроила небольшой праздник в их честь. Иза была сверкающим центром внимания, по-другому не скажешь. Ты бы видела мужчин и их взгляды. Она смеялась, и танцевала, и шутила с ними, но ее глаза были устремлены только на Роберта. Ты все это разрушила, Миа? Если это была не ты, то я не понимаю, почему все так случилось. Миа, ты должна сказать мне все, что знаешь».

Но многого я не знала, что и сказала ей. Я рассказала ей об измене Изабель, об одном мертвом любовнике, о подозрении Роберта. Лучия слушала с каменным лицом. Я спросила ее, когда Роберт рассказал ей о беременности Изабель. Только две недели назад, он ей позвонил сразу, как узнал об этом. И уже во время этого разговора он был очень подавлен. Это меня уже не удивляло.

Если бы только он открыто поговорил со мной. Если бы он только не пытался меня шадить. Тогда я смогла бы предотвратить его смерть. Я бы не колебалась ни секунды,

выставить на улицу двух бешеных собак. Да что там, я бы их пристрелила, потому что две бешеные собаки не заслуживают лучшего. Для Роберта я бы сделала это.

Во вторник выдали для похорон его тело. Я позвонила Олафу, и он обещал уладить необходимые формальности. Я чувствовала себя не в состоянии этим заняться. А после короткого разговора с Олафом, я почувствовала себя еще несчастнее.

Разбраненная и посрамленная, насквозь видимая и распознанная. Мне так хотелось ему рассказать, что теперь, наконец, я знала, что мучило Роберта в последние недели и за что он расплатился жизнью. Но я знала, что Олаф не слушал меня больше. И если Лучия меня еще слушала, но поверить – она мне не поверила. Она дала мне это ясно почувствовать.

Обратить внимание Волберта на Йонаса я пока даже и не пыталась. Он пришел после полудня в сопровождении молочного парня. Его эксперты хорошо потрудились по всей линии. Компьютер Роберта подтвердил то, что я утверждала с первой минуты, что не было никакого мотива в деловой сфере. Пленка автоответчика была тщательно проанализирована и разобрана на составные части. Отдельно шумы, и отдельно мужской голос.

Волберт потребовал, чтобы я обе части еще раз отдельно прослушала, и не только я, но также Изабель и Йонаса попросили уделить внимание. Но он не зашел настолько далеко, и не настаивал, чтобы я сопровождала его наверх. Мне разрешено было насладиться голосом Сержа в кабинете Роберта.

По качеству он ничего не выиграл от разделения пленки, и показался мне еще более незнакомым, каким-то искаженным или измененным. Волберт дважды прокрутил мне короткий кусок и потом сдался от моего качания головой.

И тогда он заговорил о моей машине. Крошечная дырочка в масляном фильтре. При работающем моторе, масло буквально выдавливалось наружу. Его эксперты рассчитали, с какой скоростью и как далеко я могла бы уехать на двух литрах моторного масла. Этого вполне хватало до стоянки и обратно.

Он спрашивал себя только, откуда в фильтре появилась дырка. Ни об износе, ни о том, что в мастерских напортачили, речь идти не могла. Это было сделано при помощи острого инструмента, возможно, маленького гвоздя, и с применением силы.

Волберт рассматривал мою руку. Впервые за последние дни я чувствовала что-то, вроде маленького триумфа. Разве я не объясняла Лучии то же самое? Это не было игрой воображения, это были голые факты.

И тогда Волберт объяснил, что в понедельник Роберт был в мастерских в то время, когда они проводили инспекцию автомобиля. Он разговаривал с мастером и упрашивал его вывести машину из строя. Не просто упрашивал. Он предложил мастеру пять тысяч марок, чтобы он что-нибудь придумал, что бы не насторожило меня. Но тот не согласился. Так что Волберт предполагал, что Роберт сам прибегнул к гвоздю.

Я видела тут одно противоречие. Роберт все же сам вызвался, мою машину... Волберт не видел никакого. Естественно Роберт приобрел машинное масло. Но где было написано, что он собирался его еще и залить? Почему он отговорил меня вызвать транспортировочный автомобиль? Он знал, что для мотора без масла эта поездка была бы последней, и он собирался этим воспользоваться.

Во мне что-то отключилось еще до того, как Волберт мне объяснил, что это Роберт был тем, кто хотел запереть меня дома. Тело моего брата было выдано для погребения. Я не могла сердиться на тело моего брата. Я бы и на живого Роберта не сердилась. Где-то я его даже понимала. Если я представляла себе, что он разъезжал бы постоянно, напившись, и я должна была беспрестанно испытывать за него страх. Но это ведь я и испытывала, непрерывный страх за него. Под этим страхом моя любовь была почти погребена.

А вечером я сидела одна в столовой. Лучия предпочла ужинать с Изабель и Йонасом. Я думала, не позвонить ли Сержу. Внезапно я поняла, что кроме него мне больше не к кому обратиться. Возможно за то, что он слушает, я должна была также платить, как и за время, проведенное в его постели. Но даже на это я уже не решалась. Я боялась, что у него не было времени, или он испытывал страх передо мной.

Пол ночи я не могла уснуть, ломала себе голову и ходила при этом по замкнутому кругу. На стоянку и обратно! Хорст Фехнер был мертв, Йонас сидел в инвалидном кресле, Изабель спала со своим братом, мой терапевт дал ей алиби на время убийства. А Биллер был только именем.

Лучия избегала моего общества также и на следующее утро. Завтракала она вместе с Изабель в комнате Йонаса, она даже сама отнесла наверх поднос.

Около десяти позвонил Олаф, чтобы сообщить, что тело Роберта перевезено в похоронное бюро. Олаф разговаривал все еще отстраненно, короткими фразами и избегал любого личного слова.

Он договорился, что похороны состоятся в пятницу в пятнадцать часов. Он поместил объявление в газете и нескольких человек проинформировал лично.

«Лучии наверняка захочется его еще раз увидеть», считал он. «Это будет возможно во второй половине дня. Тело будет уже подготовлено, как мне сказали».

Хочу ли я еще раз увидеть Роберта, его, по-видимому, не интересовало. Он предложил заехать за Лучией и отвезти ее в похоронное бюро.

«Я тоже поеду», сказала я.

«Как хочешь», холодно ответил Олаф.

Он заехал за нами в начале четвертого. Полчаса позже, мы стояли втроем перед открытым гробом. Олаф держал Лучию под руку, а обо мне никто не беспокоился. Это было и не нужно. Я могла сама о себе позаботиться.

Роберт очень хорошо выглядел, таким живым и свежим, каким он уже давно не был. Выражение на его лице напомнило мне об августовском утре, вечность назад, когда он голый и спящий лежал на своей постели, а мне хотелось преклонить перед ним колени. Столько невинности, столько гармонии и никаких сомнений, ничего больше, что могло бы нарушить его покой.

Я смотрела на него и не могла в это поверить. Только на его левом виске было немного странное место. Выглядело почти так, как если бы отверстие от выстрела было залеплено пластилином и сверху загрировано.

И когда я стояла там перед ним, то поняла, наконец, что мне делать. Нравилось ли это мне самой, не играло никакой роли. Я должна была сделать это ради него. Я должна была дать Пилю меня загипнотизировать. Для страховки я хотела записать все на пленку, чтобы Пиль не рассказывал мне в конце никаких сказок.

Я больше в это не верила, но полностью исключить тоже не могла - что Роберт в свои последние часы мне что-то доверил, что могло бы разоблачить его убийцу. Может быть, я видела что-нибудь подозрительное на стоянке.

Время до встречи с Пилем было сплошной пыткой. Я сидела в своем Ателье и прислушивалась к голосам. К голосам в доме и в моей голове. Они сменяли друг друга, иногда я не знала, которые из них были реальными.

Роберт разговаривал с Пилем о галлюцинациях: Миа бродит ночами по дому, видит ли она зеленых человечков? Лучия разговаривала с Йонасом, который видимо, претендовал теперь на весь верхний этаж. Изабель говорила с фрау Шюр, она завладела командной позицией в доме и определяла теперь содержание кастрюль. Но увидеть еще раз Роберта она отказалась. В ее состоянии она на это не решается, сказала она, это может повредить ребенку, если она разволнуется.

Это было почти облегчением, когда я в четверг села в такси и поехала к Пилю. Он

сразу же приступил к делу. «Расслабьтесь, Миа».

В первый раз я лежала у него на кушетке; обычно мы всегда сидели в креслах, напротив друг друга. Но с моим расслаблением было не просто. Пиль очень старался. Я должна была сконцентрироваться на его голосе, исключительно на его голосе. Мне было страшно, просто только страшно.

Это не сработало. Убаюкивающий голос Пили приводил меня не в транс, а только в панику.

«Вы не должны этому противиться, Миа».

Нет! Но я много чего не должна была делать. Ни бегать, ни прыгать, ни смеяться, ни плакать. Я не должна была любить Роберта и платить Сержу. Я не должна была даже шутить. Я лежала на кровати, и Серж был зол на меня.

«Одевайся, наконец, и прекрати эти глупости... Имеешь ли ты вообще понятие, кто такой Биллер?»

Нет! Это-то как раз я и хотела узнать. И когда я вернулась из душа, Серж усмехался. «Так, одолжение я тебе сделал. И что теперь?»

Это было не его собачье дело. Это касалось только нас с Робертом. И Роберт приехал. Роберт был уставшим, казался совсем больным. Он разговаривал с Сержем еще об одном звонке, обратился с рассеянным взглядом ко мне, чтобы удостовериться, что я не понимала, о чем он говорит. Но я очень хорошо это поняла. И на улице я его спросила, кто такой Биллер и почему он непременно сейчас еще должен с ним встретиться, в середине ночи.

«Ты морочишь мне голову со своими постоянными вопросами», сказал Роберт.

Это не было ответом. В машине я спросила его еще раз. Роберт немного рассердился. «Господи, прекрати, наконец, Миа. Ты сейчас определенно не в том состоянии, чтобы обсуждать с тобой серьезные проблемы. Я не хочу, чтобы ты наделала глупостей. Сейчас ты проспишься и когда завтра будешь лучше себя чувствовать, мы спокойно об этом поговорим».

«О Биллере?»

«Да, и о нем тоже».

Я находила, что это было очень забавно. Он попался на мою удочку. Мне пришлось улыбнуться. «Тогда завтра тебе придется много чего мне рассказать», сказала я. «Я уже и так знаю, что ты мне расскажешь»

Я понизила голос, говорила так глухо, что это почти как у него звучало. Раньше мы часто так шутили. Я имитировала голос Роберта и этим приводила в замешательство его друзей. Сейчас я его самого привела в замешательство, не голосом, а тем, что я сказала.

«Я вечность просидел в машине и ждал Биллера, но он не приехал».

Потом я говорила уже нормальным тоном дальше. «Он и не может приехать. Потому, что он тебе вовсе и не звонил. Серж тебе звонил. Я ему сказала, что он должен это сделать, а он делает для меня любое одолжение».

«Я знаю», только и сказал Роберт. Он был таким расстроенным. Я не понимала, почему. Когда он сунул мне капсулу, то сказал Сержу: «Я надеюсь, что это последняя. И я надеюсь, также, что она была здесь в последний раз. Ты не чувствуешь сам себя немножко подлым, что ты используешь ее ситуацию?»

«Я ее не использую», ответил Серж. «Я еще никогда не потребовал с нее ни единого пфеннинга. Она просто кладет мне деньги. Может быть, она сама в этом нуждается».

«Она нуждается только в покое, больше ни в чем», сказал Роберт. И он выглядел очень решительно, когда сказал мне во время поездки: «Я не могу больше смотреть в бездействию, как ты себя губишь, Миа. Если бы это было наоборот, ты бы тоже уже давно что-нибудь предприняла. Я никогда не должен был приводить в дом Изу, это мне, между тем, ясно. Но тебе не нужно будет дольше жить с ней под одной крышей, ни с ней и ни с

Йонасом».

«Ты выставишь их вон?», спросила я. «И все будет снова, как раньше». Я хотела его обнять, но он придержал меня рукой. При этом он тихо смеялся.

«Нет, Миа. Так как раньше, уже никогда не будет. И не может быть. Я больше уже не маленький мальчик, который мог часами молча сидеть на стуле, чтобы ты могла его рисовать. И ты уже не та молодая женщина, которая производила на меня впечатление своей силой. Ты больна, Миа. Ты очень больна. Теперь я - сильнейший, и я должен что-то делать, чтобы ты снова была здоровой. Спрашивается только, достаточно ли у меня силы, чтобы выстоять все это до горькой развязки. Это будет жестоко. Я не знаю, смогу ли я быть жестоким».

И тогда он подтолкнул меня к дому. Он открыл дверь, подтолкнул меня дальше, через зал. Он был очень нежен и бережен, при этом. «Давай, Миа, давай. Сейчас ты ляжешь и отдохнешь. Есть ли у тебя еще боли?»

«Нет». Болей нет. Я только окаменела внутри.

«Тогда это хорошо. Сможешь ты сама лечь?»

«Нет». Паника. Искать дом! Быть жестоким! Этого он не мог. Он же не мог со мной так поступить.

«Давай, будь разумной, Миа. У меня не так много времени. Биллер здесь только проездом, он не может вечно меня ждать».

Сначала я еще смеялась, это звучало, наверное, немножко вульгарно. Не было здесь проездом никакого Биллера, сказала я еще раз, ясно и отчетливо. Потом я немножко поплакала. Не по-настоящему, по-настоящему я не умела плакать.

Роберт знал, что это было наигранно, только представление. Он мне не верил. Роберт никогда мне не верил. Я могла говорить, что угодно. Эта баба наверху полностью лишила его рассудка. И сейчас она уставилась на меня сверху, наслаждаясь и посмеиваясь в кулачок.

«Возвращайся в постель, Иза», крикнул ей Роберт. Но она осталась стоять на месте и наслаждалась своим триумфом. Он снова подтолкнул меня вперед, на этот раз к моему Ателье. «Прекрати этот театр, Миа», сказал он. «Соберись, ради Бога, Миа. Послушай меня, ты должна сейчас постараться взять себя в руки. У тебя ничего больше не болит, тебе уже намного лучше. Так что, ложись и успокойся, наконец».

Это звучало почти, как если бы он на меня злился. И потом он закрыл дверь. И повернул снаружи ключ. Я кричала, ругалась, колотила по двери, а снаружи зарычал мотор его машины.

Здесь не было никакого Биллера проездом. Роберт покинул меня. Он сказал: «Мне тебя жаль, но я не могу больше, Миа. Я действительно больше не могу». Он сказал это после того, как запер меня. И я это отчетливо слышала.

Окно! Я подбежала, распахнула его и вылезла наружу. Там была одна балка, и я ударила головой. Было больно. Это было так ужасно больно. И я кричала: «Вернись, Роберт, немедленно вернись обратно. Или произойдет несчастье. Никто там тебя не ждет».

Никто, только Пиль, сморщенный гном, который полностью игнорировал боль в моей голове. Он напирал: «Дальше, Миа, дальше. Где вы сейчас?»

Господи, до чего же он был глуп. Он же должен был видеть, что я лежала на его кушетке. Моя голова все еще болела. Я чертовски стукнулась об эту проклятую балку, была целую минуту оглушена.

Он действительно был идиотом, он даже не заметил, что я вынырнула из непостижимой глубины моего черного провала и снова появилась на поверхности. Когда

же он это сообразил, то рассказал мне что-то о сильных эмоциях и о разблокировании. Я не разблокировалась. Просто все было снова здесь.

Медленно, вокруг дома, я проковыляла к гаражу, в конце даже проползла. Я взяла обе канистры с маслом из гаража Роберта, подняла капот моей машины. Это были изнурительные хлопоты с одной только рукой. Я судорожно пыталась вспомнить, какое место встречи назвал Роберт.

Он назвал какое-то место встречи. Он не поверил мне, что мы хотели его только немного разыграть. Я была так зла на Сержа, я почти что решила уволить его при первой же возможности. Я всех их хотела выставить на улицу, всех. И тогда у нас с Робертом было бы все, как раньше. Даже если он сейчас в это еще не верил.

Потом я ехала. Это шло просто автоматически. Я даже знала путь. Одна автозаправка на автобане. И потом я приехала, и там стояла машина Роберта.

Шел сильный дождь, но ему это было уже все равно. С одной стороны он совсем опустил стекло. Левый рукав его куртки был насквозь промокшим, левая брючина тоже. Конверт в его правой руке был еще сухим, но маленький кольт в левой, стал уже влажным.

Я не знаю, как долго я стояла около его машины, я действительно этого не знаю. Но я еще помню, что я ничего не трогала, ни машину, ни Роберта. Я не могла. Там была эта маленькая дырка в его виске и тонкая ниточка крови, бежавшая по его щеке. Было темно, но я очень хорошо это видела.

Наконец я наклонилась в машину и взяла сначала кольт, потом конверт. Когда я полезла в правый карман его куртки, то задела его руку. Она была теплой. Ключ от моего Ателье был тоже теплым.

Я села в свою машину, и сначала я действительно хотела только лишь умереть. Это ведь было единственной возможностью остаться с Робертом, последовать за ним туда, где он теперь был. Но потом мне захотелось, все же, сначала узнать, почему он ушел туда, в беспредельную темноту или в вечный покой.

Это ведь зависит от того, во что веришь. Я верю только в темноту, Роберт, возможно, верил в покой, тогда мы бы не смогли там встретиться. И его причины были такими простыми. Мужчина между двумя мельничными жерновами. Его письмо было адресовано мне, только мне.

Я люблю Изу, писал он, и я люблю тебя, Миа. И я не знаю, что я должен решить. Я так глубоко виноват перед тобой, что я не могу просто сказать - я теперь ухожу. Но я и остаться не могу. Ни единого дня дольше, потому что ты каждый день будешь давить на меня, что я должен оставить Изу, что я должен ее выгнать. Этого я не могу, я ее слишком люблю. А ты, Миа, ты так много уже сделала для меня. Мне бы хотелось, чтобы ты еще кое-что для меня сделала. Ты не захочешь жить с Изой и с Йонасом под одной крышей, ты и не должна это. Я сделал все необходимые распоряжения, чтобы они жили самостоятельно, а ты бы нашла свой покой. Дай им уйти с миром. Сделай это ради меня, как я ради тебя, ухожу.

Роберт.

Письмо было набрано на компьютере и даже не подписано от руки. И я находила, что оно было очень высокопарным. Это не был стиль Роберта. Романтика - да, страсть и внутренний жар, но никак не сентиментальщина. Дай им уйти с миром. Как я ухожу ради тебя.

Я разорвала этот листок бумаги на совсем маленькие клочки. Большинство из них я

зажала в руке. Пару унесло ветром, потому, что я оставила открытой дверь, чтобы прочесть письмо - я не нашла выключатель внутреннего освещения.

Потом я поехала. Я держала левую руку, высунутой из окна и предоставила клочкам бумаги закружиться прочь. Почему у нас скоростные дороги так прямо построены? Не было ни одного поворота. Такой автомобиль едет почти самостоятельно, и он едет все время прямо.

Естественно, Пиль не успокоился. Он продолжал дальше бурить. Что я делала после того, как ударились головой о балку перед моим окном. Это было не его собачье дело. Он бы мне в мгновение ока приписал вину за происшедшее, только лишь мне, но это было не так.

До меня еще не совсем дошло, как это было, для этого шок был слишком велик. Но я еще доберусь до правды, в этом я была совершенно уверена.

Я сказала Пиллю, что вернулась назад в Ателье и доползла до софы, потому что почти с ума сходила от боли. Это было не далеко от правды. Я сама была немножко мертвая, когда он наконец оставил меня в покое. А он был немного бледен, но считал наш сеанс успешным.

Прежде, чем попрощаться, он посоветовал мне немедленно идти в полицию, с моими новыми сведениями. Ему, якобы, бросились в глаза некоторые противоречия.

Он считал, что Роберт должен был среагировать на мое заявление касательно выдуманного звонка Биллера. Я чуть не сказала ему, что Роберт не собирался больше ни на что реагировать.

И эта история с ключом! Она очень возбудила Пиля. Кто, ради всех святых, отпер тогда снова дверь моего Ателье, если Роберт ее запер и больше не вернулся?

«Убийца», сказала я, «кто же еще. Иза была у меня под утро, вместе с убийцей. Они хотели убедиться, что я ничего не слышала».

Пиль повторил свой совет в чрезвычайно настойчивой форме. Я не захотела, чтобы его секретарша вызвала мне такси. Я не хотела домой. Я не могла. Я бы не смогла встретиться с Лучией. Пока нет. В моей голове было так много всего. Я должна была прежде разобраться с этим.

Девятая глава

Больше часа я бродила по улицам, по одной – вверх, по другой – вниз, и ничего не видела перед глазами, кроме этой картины. Роберт за рулем, обе руки бессильно лежат на коленях. Почему должен был он, чтобы умереть, разыскать себе это Богом забытое место? Почему он просто не пошел в свой кабинет или в подвал?

Он же должен был взять «кольт» из подвала. Или взял он его уже раньше? Когда? Тогда, когда решил расставить все точки над «i»? Так он выразился тогда, в присутствии Сержа - расставить все точки над «i».

То, что проносилось в моей голове, было слишком много для одного раза, слишком хаотично. Я слышала, как Волберт снова спрашивал, не был ли Роберт левшой. И после, когда он хотел построить для меня «золотой мост»: «У Вас нет чувства, что все это могло произойти именно так?» И я слышала свое энергичное отрицание в обоих случаях.

НЕТ! Проклятье! Абсолютно исключено!

И это не было мнением сумасшедшей. Паранойя, мания преследования, комплот против Роберта и меня. Нет! Это были факты. Я не довела Роберта до смерти, потому, что Роберт не сам себя убил. Такого он не мог мне сделать. Они это только так инсценировали.

Голос Роберта блуждал в моей голове. «Мне тебя очень жаль, но я больше не могу,

Миа». Я действительно порядком его измотала, и, несмотря на это, в его голосе была мягкость.

И какой, напротив, иной голос, я слышала тогда под утро. «С того, чем она накачалась, мы оба могли бы целую неделю гулять».

Это было именно то! Мне стало жарко. Я нашла доказательство, стопроцентное доказательство.

Они ничего не знали о «специальных» напитках и мультивитаминных препаратах. Они не рассчитали того, насколько заботливым был ко мне Роберт и этим себя выдали. Почему до меня это сразу не дошло, когда Волберт со мной конфронтировал? Что ж, не всегда держишь все наготове. Но теперь у меня все было под рукой, теперь мне не хватало только мужчины к этому голосу. А Хорст Фехнер был мертв.

Мне не хотелось думать, что Волберт мне солгал. Но я не могла себе также представить, что Иза за несколько недель нашла себе мужчину в замен, который готов был ради нее еще и убить. Так быстро это не делалось. Я что-то недоглядела. Я должна была чего-то недоглядеть. Может быть какой-нибудь клиент из этого бара во Франкфурте.

Наконец я зашла в одну телефонную будку и позвонила Сержу. Я не знала точно, где я находилась. Так Серж не мог за мной приехать, и я поймала проезжавшее мимо такси. Потом я стояла перед задним входом в «Сезанн». И я снова видела себя, выходящей из этой двери вместе с Робертом.

Когда Серж мне открыл, я чувствовала себя уже в некотором роде увереннее. Я была голодна, впервые за много дней действительно голодна. Серж поджарил мне пару яиц и заварил крепкий кофе. Во время еды я доложила ему, что выяснилось во время сеанса у Пилия. Но до своих заключений мне дойти не удалось.

Сначала Серж слушал меня молча и более или менее спокойно. Потом он разнервничался на глазах и перебил меня. «Черт побери, Миа, Пиль прав. Тут что-то не так. Ты должна идти в полицию. Я только один раз звонил Роберту. Это казалось мне идиотством, понимаешь? Он же сразу узнал мой голос, и он годами знает Биллера. Я думал, что второй звонок ты взяла на себя»

Когда бы это, и с какого аппарата? Он же все время был рядом со мной. Это я оставила его наедине с телефоном, а не наоборот. Он даже немного завелся, когда я обратила на это его внимание.

«И что теперь?», спросил он.

«Если бы ты меня не перебивал», сказала я, «мы бы уже дошли до этого».

«Извини», пробормотал он и выглядел при этом и вправду подавленным. «Я могу представить, как ты сейчас себя чувствуешь. Ты действительно не облегчала Роберту жизнь. В конце концов, ты этого никогда не делала, а в последние недели, вероятно даже немного переборщила, но тем не менее...»

Он оборвал себя и, помотав головой, продолжал дальше: «Я бы никогда не подумал, что он выпустит себе пулю в голову. Или ты лжешь, Миа?»

Внезапно он снова стал недоверчивым. «Кто-то же ему позвонил. Кто-то назначил ему эту встречу. Он должен был говорить с Биллером».

По крайней мере, он знал, кто такой Биллер. И он был, наконец, готов объяснить мне это. Теперь ему уже не надо было бояться, что Роберт из-за этого будет делать ему упрёки.

Странная личность, говорил о нем Роберт, такой тощий, что когда-нибудь не сможет нести собственную плоть. Роберт познакомился с Биллером на бирже много лет назад. В то время Биллер еще работал в качестве маклера по финансам и экспертом по вложениям. Потом он все больше и больше зациклился на иностранных бумагах и вытягивал на сомнительных сделках деньги из своей клиентуры.

Большинство из его предложений, оказывались, в последствии, продуктами фантазии.

Сроки поставки маиса, который уже засох на солнце. Давно залежавшиеся мины в одной далекой стране, продуктивность которых уже ни один человек не мог проконтролировать, без риска взлететь на воздух. А кто же будет рисковать, если он хочет только тихо вложить немного левых денег? Наконец, Биллер попробовал найти инвесторов для различных проектов по модернизации поиска кладов.

Около двух лет назад, Роберт участвовал в одном из таких предприятий. И, как и не могло быть иначе, этот проект оказался золотым дном в буквальном смысле слова. Счастье в игре, подумала я тогда мимолетно. Оно у него действительно было, но только лишь там.

Серж рассказал мне о какой-то испанской галере, которая в одном из прошедших столетий, затонула у какого-то мыса и два года назад была снова поднята на поверхность. Роберт рассказывал это ему, а не мне. Роберт посмеивался над Биллером, который после этого успеха просто не давал ему покоя, который считал его приносящим счастье, а ко всему еще и инвестором, который, как магнит, мог притянуть других.

Именно тогда Биллер и потащил его в этот ночной клуб, чтобы отпраздновать успех. Биллер свел его с Изабель. Оба были только мимолетно знакомы. Биллер был частым гостем в этом баре и описал ее Роберту, как милую девушку, напавшую, к сожалению, не на того мужчину. Биллер знал даже, что у этой милой девушки был честный и законопослушный брат, который работал где-то в пустыне, не разгибая спины, чтобы обеспечить водой пару обездоленных.

Знал ли Биллер Йонаса Торховена или Хорста Фехнера лично, Серж сказать затруднялся. Так подробно Роберт не распространялся об этом.

Серж рассказывал дальше, что он еще услышал от Роберта. И в то время, пока я слушала, до меня, наконец, дошло.

Биллер был знаком с половиной мира. Он много разъезжал, и его занятие требовало держать уши и глаза открытыми. Он владел полдюжиной языков и был знаком с нравами и обычаями разных стран. Он был именно тем человеком, которому можно было без раздумий доверить расследовать то, что произошло далеко за границей.

Например, один несчастный случай, при котором предположительно погиб мужчина, пытавшийся на самом деле, только обеспечить себе идеальное алиби. Устроить такое в стране, где все было так мило по бюрократически организовано и улаживалось только с помощью десятков формуляров, было просто невозможно. Для этого отправляются в Индию или в Конго.

Неожиданно, как молния, пронзившая голову, ко мне пришло так называемое просветление. Убрать с дороги моего брата - Изабель никогда бы не справилась с этим одна. А ее брат, который, наверное, с удовольствием бы ей помог, прочно сидел во втором этаже нашего дома. Тем не менее, она имела деятельного помощника, мужчину, которого ни один полицейский мира не мог больше разместить в списке разыскиваемых лиц или обвинить в совершенном преступлении, потому что его имя стояло на могильном камне. Могло ли алиби быть более совершенным?

Роберт никогда не рассказывал мне о Биллере. Но он, по-видимому, мне много чего не рассказывал. Что Роберт сейчас хотел от этого человека, какое поручение он дал ему в прошлую среду, этого Серж не знал. Но я знала это - существовала только одна возможность. Полдюжины иностранных языков, знаком с нравами и обычаями разных стран. Позаботиться о средствах. Он должен был добыть доказательства того, что Хорст Фехнер не был мертв.

Волберт не сказал мне, от чего Фехнер так внезапно умер. Я и так это знала. Несчастный случай. Какая-нибудь запыленная, уединенная улица в чужой стране. И

какой-то бедолага, случайно попавшийся на пути, должен был поплатиться. Внезапно в моей голове заговорил Йонас: «Сгорел!».

Это было решением. Возможно, Йонас даже помог и получил увечье в этой катастрофе. Так сказать, невезение артиста, риск, который они не рассчитали.

Сбежал! Наверное, Фехнер сразу подался в Тунис, когда выяснилось, что с Роберта можно было поиметь больше, чем маленькую квартиру и немного драгоценностей. Такого порядочного, добродушного, правдивого и честного человека, как Йонас Торховен, невозможно за несколько часов превратить в алчное и беззастенчивое чудовище. На такое требуется некоторое время. И сила убеждения. Возможно, хорошо еще и немножко наподдать.

Мне срочно нужно было к Волберту, и Серж заказал мне такси. Потом я сидела напротив него – вечно усмехающегося служащего Комиссии по расследованию убийств. Его молочный мальчишка примостился за соседним столом и делал вид, что работает над важными документами. Но он их только листал и слушал, о чем мы говорили.

В начале я была еще относительно спокойна, могла задавать целенаправленные вопросы и получала от Волберта ответы. Они не поинтересовались подробностями. Они только лишь попытались счастье, позвонив во Франкфурт и услышали от тамошних коллег, что Фехнер скончался четыре месяца назад. Поинтересоваться местом и обстоятельствами, Волберту не пришло в голову. Зачем, собственно – человек был мертв и потому вне игры.

Так примерно я себе все и представляла. Я не смогла удержаться и немного повысила голос. Это же была действительно просто бездонная халтура! Я ткнула их носом в этого субъекта, а они ничего не делали, рассиживались здесь, проигрывали записи и обивали пороги аптек и типографий, чтобы задать мне жару.

Они дали себя обыграть с этим – «мертв и погребен». Почему они не потребовали, как минимум, немедленного вскрытия могилы и эксгумации трупа?

«Я хочу вам сообщить, как и где умер Фехнер», сказала я. Не исключено, что при этом я разок коротко стукнула рукой по столу. Молочный отпрыск вздрогнул, как будто я дала ему оплеуху – взгляд, как у собаки, ждущей следующей команды. Ну, беги, беги и принеси палочку...

Но Волберт сначала не обратил на него внимания, усмехнулся мне и пробормотал: «Спокойно, фрау Бонгартц, спокойно».

Я больше уже не была спокойна. Я не смогла сдержать дрожь в голосе, когда заговорила снова. Чтобы скрыть это дрожание, я говорила несколько громче. Но я сразу попыталась взять свой голос снова под контроль, когда заметила, какими значительными взглядами обменивались Волберт и его подручный.

«Спокойно, фрау Бонгартц», сказал Волберт снова.

Я кивнула, я просто уже не могла прекратить кивать. «Это был несчастный случай», сказала я. «Хорст Фехнер при этом сгорел до неопознаваемости. Это произошло где-то за границей, где власти менее основательны, где не так заметно, когда какой-нибудь местный бесследно исчезнет, где достаточно убогих кварталов – возможно в Тунисе. Возможно даже, речь идет о том несчастном случае, когда Йонас Торховен получил свои увечья. Я считаю Фехнера достаточно продувным, чтобы найти дурака, который бы рисковал вместо него».

Волберт нашел мою теорию очень интересной и осведомился, как я дошла до всего этого. Как если бы это еще важно было! Но я постаралась объяснить.

Я сообщила ему о разговоре с Сержем. Я рассказала ему даже, что в ту ночь Серж должен был позвонить по моей просьбе, чего, однако, не сделал.

Волберту это показалось еще более интересным. Но больше всего его интересовало, каким образом я заполнила пробел в своей голове. И внезапно черт меня попутал все

поставить на одну карту. Инсценированное самоубийство со всеми положенными атрибутами – кольт в левой руке и прощальное письмо. Но потом они допустили ошибку – они осмелились еще раз около меня появиться.

Волберт кивнул. Он больше никак не реагировал. Он кивал не безостановочно, а только рассеянно, но это делало меня совсем больной. Я хотела, чтобы он немедленно позвонил во Франкфурт и потормошил бы своих коллег, заняться Фехнером. Это я ему и сказала. Я уже не знаю, какими словами я это выразила, но то, что я встала с места, чтобы придать своему требованию немного убедительности – это я все еще помню. А Волберт, в ответ, потребовал, чтобы я села обратно на стул.

Он бормотал свою дурацкую приговорку, как заклинание: «Спокойно, фрау Бонгартц, только спокойно...»

«Тогда делайте, что я говорю», сказала я.

Он и не думал об этом. Когда он взялся, наконец, за телефон, потому что я просто не могла перестать делать ему упреки из-за неряшливости в работе, потому что я не хотела снова садиться и то и дело ударяла по крышке стола – то он позвонил Пиллю.

Пиль приехал довольно быстро. Они все были за одно! Им было наплевать, кто убил Роберта. Для них дело было закрыто. Самоубийство. И я же еще натолкнула их на эту идею!

Впрочем, они бы и без того, приняли эту версию во внимание. Они нашли пару из тех ключков, которые вылетели из моей руки на стоянке. Конечно, многое они не могли оттуда вытянуть. Но если бы они нашли при Роберте оружие...

Я могла говорить, что угодно. Меня никто больше не слушал. Маленький Геркулес крепко держал меня, пока Пиль делал мне укол. Пилева глупая усмешка и его убаюкивающий голос завершили остальное. А я должна была еще столько им объяснить.

Только в тот момент мне снова вспомнилось, как я вернулась домой той ночью. Как я видела «рено» Изабель, стоящим возле гаража Роберта. Что я слышала потрескивание под капотом. Верный знак, что машиной только что пользовались, и теперь мотор остывал.

И тень в окне. Я ее четко видела – большая тень в черном прямоугольнике. Комната на конце галереи. Но таким высоким Йонас не мог быть, даже и тогда не мог, когда приподнимал себя в инвалидном кресле. Это был Фехнер, я это совершенно точно знала. А они мне не верили, как бы громко я не кричала об этом.

Это продолжалось несколько минут, пока не подействовал укол. Я использовала время, чтобы сделать, по крайней мере, еще одну попытку. Они должны немедленно обыскать мой дом. От подвала до чердака, каждый закуток. Фехнер был там. Он нашел идеальное укрытие – мой дом. Он был достаточно большим, со многими неиспользуемыми помещениями. И шаги... Я же слышала шаги, когда Изабель уезжала, чтобы забрать Лучию из аэропорта. Когда я сидела в подвале, на покрытии для наших роз, с маленьким кольтом на коленях. Это было не от плача и не было воображением – это был Фехнер. Он хотел видеть, что я делала и не представляла ли для них опасности.

Никто ничего не делал. Они стояли вокруг, уставившись на меня. Пиль уже начал терять терпение, косился одним глазом на свои часы, правой рукой держал меня за запястье – кончиками пальцев отсчитывая пульс.

«Это скоро пройдет, Миа».

Это никогда не пройдет, ты, осел, думала я. Ты должен потребовать назад деньги, которыми ты заплатил за свое обучение. И ты, там, тоже... Лицо Волберта как-то расплылось, стало совсем широким, разваливалось на кусочки, как сдобное тесто. А потом оно пропало, и наступила темнота.

В темноте раздавались шаги – много шагов и много голосов. Голоса Изабель и Йонаса,

Фехнера и Роберта. Роберт сидел в своей машине и ждал. А Фехнер подошел со стороны и сразу выстрелил. Потом он уехал, уехал к своей милой, чтобы целую неделю праздновать с того, что я выпила. Фруктовый сок, вода и мультивитаминные капсулы!

Они кололи меня в руку – снова и снова. Я плавала под водой. Это было так трудно с одной рукой, и я вообще никогда не была хорошей пловчихой. Изабель сидела на бортике, болтала в воде ногами и наслаждалась. И всякий раз, когда я думала, что сейчас, наконец, смогу подняться на поверхность и глотнуть воздуха, я получала новый укол и снова погружалась вниз.

Один день, два дня, три... Роберт был похоронен, а меня не было рядом. Я не могла с ним попрощаться, не могла еще раз о нем поплакать. Обойденная, перехитренная и обыгранная. Изабель имела меня теперь там, где хотела. Крыса победила и могла спокойно готовиться к тому, чтобы произвести на свет свой помет.

В какой-то момент в темноте появились и другие голоса. Один раз я слышала Пиля, как он разговаривал с кем-то незнакомым, наверное, с Фехнером. Видеть, однако, я их не могла – было низги не видно. Они больше не решались показывать мне свои лица. Они боялись, что я их узнаю и призову к ответу. В конце концов, вечно они не могли меня здесь держать – это было бы незаконным лишением свободы. И даже, если они скрывали от меня свои лица, я знала их всех – этих мелких, ничтожных, неумелых халтурщиков и сутяжников, этих алчных извергов.

Один раз я слышала голос Волберта. Он тоже был не один. С ним был кто-то, кто объяснял ему, что я не могу слышать того, что мне говорят. Дилетанты – все до одного! Полагаются на вкладыши, которые можно заготовить в любой типографии. Мультивитаминные препараты, отлично помогающие против головных болей. Роберт же хотел только предотвратить, чтобы я снова стала зависимой!

Мой бедный Роберт, мой любимый. Я не хотела с ним спать, правда нет. Я хотела только, чтобы он был счастлив. И иногда я думала о том, что возможно смогла бы сделать его счастливым. Серж сказал мне как-то, что я хороша, действительно хороша, просто фантастична в постели. Если бы только я не была все время такой неистойвой, то никому не должна была бы за это платить.

Наверняка я могла бы сделать Роберта счастливым, но он ведь был моим братом. И он был таким чувствительным, он бы не перенес такого.

Волберт не позволил так легко от себя отделаться, и он не принимал на веру всего, что ему рассказывали.

«Фрау Бонгартц?», услышала я его голос. Он звучал немного озабоченным. Он повторил несколько раз: «Фрау Бонгартц? Если вы можете меня слышать, то моргните или пошевелите пальцами».

Я бы без всякого сделала ему одолжение, но я не видела причин, почему я должна была напрягаться. Мои пальцы одеревенели, и веки были слишком тяжелыми.

«Это не имеет смысла», сказал кто-то.

И Волберт ответил: «Так позаботьтесь, будьте любезны, о том, чтобы это получило смысл. Так я себе это не представлял. Есть наверняка и другие возможности успокоить человека. Завтра я приду снова. Если и тогда фрау Бонгартц не в состоянии будет разговаривать, то я притяну вас к ответственности. Врач или не врач – это меня не интересует, вы препятствуете расследованию убийства».

Это прозвучало музыкой под водой. Это было просто упоительно, и больше не последовало никаких уколов. Как долго еще происходило мое всплытие, я могу только предполагать. Я не знаю, чем они меня накачали, но этой дряни хватило еще на какое-то время. Два, три дня, возможно, и тогда я уже достаточно пришла в себя, чтобы узнавать лица. Чужие лица – врачи, сестры, молодые и старые, торопливые и равнодушные, которым нужно было только, чтобы я съела дочиста тарелку супа, чтобы я глотала

таблетки и соки, которые они мне подавали без всяких комментариев.

На четвертый или пятый день пришел Пиль. Он был приветливым, как в старые времена. Как дела, Миа? Как вы себя чувствуете? И так далее, и тому подобное. Я ему ничего не ответила, я его только спросила, когда придет Волберт. Он ведь сказал, что хочет прийти завтра, а «завтра» должно было уже давно пройти.

Пиль не знал ничего о Волберте, и за моим замечанием предполагал снова какое-то помешательство. Он настаивал на том, чтобы я с ним говорила, иначе он не сможет ходатайствовать о моей выписке. Я сказала ему, куда он может идти. Тогда он распрощался.

А на следующий день появился, наконец, Волберт. Я все еще была вялой, по-настоящему оглушенной той дрянью, которую они мне вливали. Но Волберт утверждал, что я очень хорошо выгляжу. «Снова немножко жирком обросли», пошутил он.

Он уверял, что все эти соки и таблетки, не что иное, как восстановительные препараты. При поступлении я была в угрожающем состоянии – худая, как скелет, всего только сорок килограммов веса и почти уже не в состоянии держаться на собственных ногах.

Потом, наконец, он подошел к существу дела. С Сержем он уже говорил несколько дней назад - почти неделю, если быть точным. Но всего Серж и не знал; в принципе, он мог только подтвердить инсценированный звонок Биллера.

Не хочу ли я снова прослушать пленку, спросил Волберт.

Я покачала головой, это представлялось мне излишним. Мы снова ходили по кругу. В конце концов, Биллер мог позвонить и собственной персоной.

«Нет, он не делал этого», сказал Волберт.

«Откуда вы знаете так точно?», спросила я.

Он улыбнулся. По существу, все было так просто. И если бы я не была настолько занята тем, чтобы держать Сержа за законченного идиота, который не может придерживаться оговоренного текста и правил игры, то возможно я бы тоже заметила тот шелестящий шум на пленке.

Это не было шумом воды в душе, и это не было дождем. Это был шум дорожного движения - равномерного, плавного движения, как это бывает на автобане. Вероятно, что и происходил этот шум именно оттуда. Вот только мнимый Биллер позвонил ночью. И в два часа ночи, движение на автобане только очень редко бывает таким плотным, чтобы производить равномерный шум. А в случайности Волберт не верил.

Но он верил в надежность пленок, которые можно было прокручивать на заднем плане, например, во время телефонного разговора, возможно даже, из спальни Роберта. Две телефонные линии в доме. И даже для женщины в инвалидной коляске, не представлялось проблемой перебраться из одной комнаты в другую, если на пути не было лестницы. Во всяком случае, в звонившем ночью Волберт предполагал Йонаса.

Он все-таки не был таким неумехой, как я всегда думала - этот полицейский. Я смотрела в окно, смотрела совершенно осознанно, впервые за то время, пока лежала в этой комнате. И я даже немного удивилась – на нем не было никаких решеток.

Волберт проследил за моим взглядом и снова усмехнулся. «Это не психиатрия», сказал он, «не закрытое отделение. Совершенно нормальная клиника, фрау Бонгартц. Я думаю, они называют это терапевтическим отделением. Я ведь и не хотел изымать вас из оборота. Если кто-то и затеял заговор против вас, то я не принадлежу к заговорщикам».

Теперь он усмехался еще шире.

«Забудьте об этом», сказала я.

Он коротко кивнул и спросил: «Можем ли мы тогда начать?». И сразу же продолжал: «Два часа ночи. ваш брат забрал вас из «Сезанна».

И снова все сначала.

Это причиняло боль. Не в голове, а только в грудной клетке. Волберт торопливо делал пометки. Где-то в середине я спросила его, где он оставил сегодня своего молочного пацана. Меня это совсем не интересовало, я только хотела на пару секунд переключиться и подумать о чем-то другом, а не о Роберте.

Волберта рассмешило это определение, но он нашел его подходящим. «У меня такое чувство, что мой коллега, для вас, как бельмо на глазу», сказал он.

И дальше, к машине Роберта, к этому бредовому прощальному письму, к возвращению домой, к потрескиванию под крышкой капота «рено» и к мужчине в оконном проеме. Действительно ли там был кто-то? Да, с закрытыми глазами, я видела это совершенно четко. Это не было галлюцинацией, и не было принятием желаемого за действительное. В комнате Йонаса стоял у окна очень высокий, плотный мужчина.

Даже Волберту пришлось согласиться: «Возможно, вы действительно видели Хорста Фехнера. Я не хочу, также, исключить, что потом он еще некоторое время находился в вашем доме. Но сейчас его там уже нет».

«Вы уверены в этом?»

«Абсолютно уверен, фрау Бонгартц».

«И что дает вам такую уверенность?», спросила я.

Он объяснил мне это. Они обыскали дом дважды со времени моего поступления в клинику. От подвала до чердака – каждое помещение и каждый закуток. В первый раз они сорвались с места сразу, как только погрузили меня в санитарную машину. Видимо, Волберт все же не держал меня за настолько сумасшедшую, возможно, он просто хотел подстраховаться. Но почему они потом, еще раз искали Хорста Фехнера, он мне не сказал.

Вместо этого он хотел знать, говорила ли я с Лучией о своем подозрении, что Фехнер скрывается в доме. Я покачала головой. О том, что я живописала Лучии другое свое подозрение, мне не хотелось рассказывать. Задним числом, мне тоже представлялось это немного абсурдным, что Изабель могла спать со своим собственным братом. Ей вряд ли бы требовалось использовать Йонаса, если Фехнер находился неподалеку. Еще до смерти Роберта могла представиться возможность, впустить своего любовника в дом.

Волберт смотрел на это также. Прежде, чем попрощаться, он высказал то, что, по-видимому, уже давно лежало у него на сердце. Он даже извинился. Они никогда меня не подозревали. Они знали только, что я много чего замалчиваю. И тогда им пришлось взяться за меня немножко покруче.

«Забудьте об этом», сказала я снова.

Через два дня меня выписали из клиники – на два с половиной килограмма тяжелее, но все еще немного нетвердо стоявшей на ногах. Изабель была дома, Йонас, естественно, тоже. Волберт мне все объяснил. Так должно было быть. У них было еще недостаточно на руках против Изабель, а против Йонаса вообще практически ничего. Сначала они должны разыскать Фехнера. А до того я должна была держаться, как обычно.

«Справитесь ли вы с этим?», спросил меня Волберт. И я кивнула в ответ.

Лучии уже не было, когда я вернулась домой. Сначала я ее даже не хватилась. Ее же и вообще обычно тут не было. Потом я подумала, что после похорон Роберта, она уехала.

Моя машина снова стояла в гараже. От фрау Шюр я узнала, что Олаф позаботился о ремонте. Я сразу же использовала ее, чтобы съездить на кладбище. Там я пробыла примерно час. Я совсем не чувствовала времени. Имя Роберта на деревянном кресте было частью бесконечности, и время там не имело больше никакого значения.

Потом я поехала обратно и недолго побыла в Ателье. В доме было так тихо - ни звука сверху. Они не могли больше особенно уютно чувствовать себя в своих шкурах – после

дважды проведенного в доме обыска. Это должно было навести их на размышления. Но и просто убраться отсюда они не могли. Они не могли исчезнуть, как Фехнер. Мужчина в инвалидном кресле! Теперь он был, как сказал однажды Пиль, моим заключенным.

Фрау Шюр пришла ко мне с заплаканными глазами и осведомилась, как я себя чувствую.

«Хорошо», сказала я, «я себя чувствую относительно хорошо. Немного устала, но это побочное действие медикаментов и скоро пройдет».

Фрау Шюр рассеянно кивнула, постояла еще момент возле двери и снова ушла. Ближе к вечеру, я зашла к ней на кухню. Я попросила ее заварить мне крепкий кофе. И поскольку, я сразу хотела уйти обратно в свое Ателье, она твердо удержала меня за руку.

Она поднесла палец к губам и закрыла дверь кухни. Потом она увлекла меня в угол и совсем приблизила свое лицо к моему.

«Вам действительно ничего не рассказали?», прошептала она. «Мне они это запретили. Но такое же нельзя просто скрыть. Такое ужасное несчастье. Фрау Бонгартц умерла».

Она начала тихо плакать и пару раз покачала при этом головой. Мне очень хотелось сделать то же самое. Фрау Бонгартц, сказала она. Я всегда была только «Миа», а Изабель была для фрау Шюр «молодой хозяйкой».

У меня внутри все было пустым и застывшим... Через некоторое время фрау Шюр взяла себя снова в руки и доложила в последовательности событий. Это произошло уже почти неделю назад. Лучию уже перевезли на ее родину и там похоронили.

«В пятницу позвонил какой-то мужчина», рассказывала фрау Шюр, «представился Биллером. Было уже довольно поздно. Я должна была уже уйти, но задержалась в кухне».

Как только я услышала это имя, меня кинуло в жар. Фрау Шюр подошла к телефону в кабинете Роберта. Лучия в тот момент находилась в зимнем саду. Биллер категорически пожелал говорить с Робертом, только с Робертом и ни с кем другим.

Фрау Шюр объяснила ему, почему это не было больше возможным, и предложила ему фрау Бонгартц в качестве замены. Биллер не хотел разговаривать с фрау Бонгартц. С ней – ни в коем случае. Роберт ему строго-настрого приказал: «Если моя сестра подойдет к телефону, просто положите трубку. Ни в коем случае не передавайте ей никакой информации. Моя сестра не в состоянии справиться с некоторыми аспектами реальности. Тогда нельзя будет исключить скорой разборки».

Но об этом Биллер фрау Шюр не рассказывал. Это я уже позже, от Волберта, узнала. Фрау Шюр ему только обстоятельно объяснила, что кроме матери Роберта, его жены и его шурина – никого больше нет в доме. После чего Биллер потребовал к телефону Лучию.

Фрау Шюр вышла из кабинета, пока Лучия разговаривала с Биллером. О чем там шла речь, она, при всем желании, сказать не могла. Но она знала наверняка, что по окончании разговора, Лучия сразу же поднялась наверх. Она сама видела ее на лестнице. Прошла ли Лучия в свою собственную комнату или в какую другую, она не имела понятия.

Изабель пришла к ней на кухню – обсудить меню на следующую неделю. И в это время раздался грохот. Фрау Шюр и Изабель одновременно кинулись в зал. И там, у подножия лестницы, со сломанной ногой и с перебитой шеей, лежала Лучия.

Несчастный случай, сказала полиция – трагический несчастный случай, вмешательство третьего лица исключается. Здесь же и не было никого, кто мог бы столкнуть Лучию с лестницы. Они все очень тщательно обыскали, во второй раз. И, согласно протоколу, Изабель была на кухне, вместе с фрау Шюр. А Йонас лежал в ванной. Изабель показала, что незадолго до того, Лучия еще помогла ей посадить Йонаса в воду, так как ей всегда было трудно справляться со всеми этими подъемниками.

Мое тело было все еще вялым, но моя голова - совершенно ясной. Для Хорста Фехнера это не должно было быть сложным – в суматохе, после так называемого падения Лучии с лестницы, исчезнуть, незамеченным фрау Шюр. Лучия сломала себе шею не на

ступеньках лестницы, на это они не стали бы полагаться.

Я подвела фрау Шюр к столу, усадила ее на стул и похлопала разок по плечу. Потом я пошла в подвал. В этот раз я не надела перчатки – зачем, собственно?

Два домашних обыска – но они искали мужчину, а не кольт, и я знала свой дом. Я знала, куда я должна что-то положить, что никто, кроме меня не должен был найти.

В зале я постояла еще несколько секунд у начала лестницы – бедная Лучия – прежде, чем поднялась наверх и прошла через галерею, к последней двери. Они не заперлись. Или они думали, что меня выписали, как «излечившуюся»?

Когда я вошла, Изабель сидела за столом вместе с Йонасом. Она сразу вскочила, встала за инвалидное кресло и вцепилась обеими руками в его спинку. Я указала кольтом в угол комнаты, но она не двинулась с места.

Она побледнела, страшно побледнела и смотрела на меня, будто видела перед собой привидение. Ее губы шевелились, но, при этом, она не произносила ни звука.

Йонас тоже пошевелил губами, растянув их в ухмылке. У меня немного кружилась голова – все еще последствия этих проклятых медикаментов. Было ощущение, как будто комната начала качаться. Я должна была на несколько секунд зажмуриться и крепко сжать веки, чтобы выдавить из головы, наполнявшую ее, вату.

В этот момент я услышала шорох, какой-то шелест, и когда я снова открыла глаза, Йонас стоял передо мной. Я совершенно уверена, что он стоял передо мной. Я это не вообразила! Я была так потрясена в тот момент, что автоматически шагнула назад, к двери. А Йонас сделал шаг вперед. Он уже протянул руку и хотел забрать у меня кольт.

Это произошло почти мгновенно. Я дважды быстро спустила курок – это было скорее рефлекторно, чем намеренно. Я даже не могла в тот момент наслаждаться, для этого просто не оставалось времени. Он вздрогнул, но сделал еще один шаг ко мне. А Изабель кричала, поначалу только: «Нет, нет, нет!!!» Своими воплями она даже заглушила третий выстрел.

Потом она оттолкнула кресло на колесах и упала на колени. Она колотила кулаками по полу и продолжала кричать. «Нет! Я же тебе говорила, мы должны убратся отсюда! Я тебе говорила, что она нас всех поубивает! Я тебе говорила!»

Своим ревом она совершенно сбивала меня с толку. Йонас все еще стоял прямо. На расстоянии, может быть, тридцати сантиметров от меня, но, во всяком случае, достаточно близко, чтобы кончиками пальцев почти касаться моей руки. Но он уже не усмехался – в его глазах было только невероятное удивление. Он отвел назад протянутую ко мне руку и прижал ее к груди.

Там были три маленьких пятнышка, которые сразу стали превращаться в большие кровавые разводы. Второй рукой он искал, на ощупь, опору. Потом, совсем медленно, он стал заваливаться назад и упал обратно в свое инвалидное кресло. А Изабель все кричала и кричала это свое: «Нет!»

Но у меня больше не было желания в нее выстрелить. «Вот так, вот», сказала я только.

Я снова спустилась вниз, в зал. Фрау Шюр стояла возле телефона – плача, что-то бормоча, растерянно трясая головой. Проходя мимо, я еще раз похлопала ее по плечу.

«Все уже кончилось», сказала я. Потом я пошла в кабинет Роберта и села за его письменный стол. Там я и сидела, пока не приехала полиция.

Дом сразу наполнился. Сначала приехали двое в униформе, один из которых забрал кольт из моих рук и остался стоять возле меня, пока второй поднялся наверх, потом спустился вниз и пошел снова к патрульной машине. Потом приехали другие полицейские и среди них, также, Волберт со своим подопечным. Потом подоспел врач, который должен был еще и об Изабель позаботиться. Потом появились санитары, ушедшие, однако, снова – несолоно хлебавши. А напоследок объявился еще и Пиль – какой-то дурак его вызвал – и теперь ругался с Волбертом.

Поскольку Волберт ускорил мою выписку из клиники, поскольку Волберт не был специалистом, а только слепым идиотом. Пиль действительно так сказал – слепой идиот, глухой ко всем предостережениям. Он ведь его предупреждал, ссылаясь на положение в доме. Многократно он ему объяснял, что о несчастном случае с Лучией, мне нужно было, по - любому, еще в клинике сообщить, и потом несколько дней за мной понаблюдать. На фрау Шюр нельзя было полагаться. Изабель с Йонасом должны были переехать в какой-нибудь отель, для их же собственной безопасности. И так далее.

Пиль хотел сделать мне укол. Волберт это предотвратил. Вместо этого он показал мне ордер на арест. Он даже казался грустным, считал, что я абсолютно напрасно сделала себя виновной.

Примерно в то время, когда я спускалась в подвал, он как раз сидел напротив одного прокурора, который, после ознакомления с результатами следствия, выписал ордер на арест. Только поэтому Волберт так быстро приехал, поскольку он и так уже был на пути сюда, чтобы произвести взятие под стражу.

Когда я прочла имя на бумаге, то мне пришлось засмеяться. И я не могла сразу остановиться.

Я была права все эти месяцы, не по всем пунктам, но с первой минуты. Только, при всех своих подозрениях и при всех предположениях, я была настолько слепа, что слепее просто не бывает. То, что показал мне Волберт, было приказом о взятии под стражу Хорста Фехнера, по подозрению в убийстве Йонаса Торховена.

Что касалось убийства Роберта, как Волберт объяснил мне позже, когда я смогла прекратить смеяться, то тут приходилось удовлетвориться косвенными уликами. А что касается убийства Лучии, то в это дело вообще не представляется возможным внести ясность. Если только Изабель не преподнесет признание. В настоящее время она была не в состоянии предоставить информацию. Что до меня, то я не нуждалась ни в какой информации. И тут Волберт полностью разделял мое мнение.

Возможности судебной медицины тоже имели свои границы. И тупой удар оставался тупым ударом. Был ли он нанесен ребром ладони или последовал вследствие падения на ступеньку лестницы – этого никто не мог сказать с последней достоверностью. Точно было установлено лишь то, что нога Лучии была сломана уже после наступления смерти, так же, как и ее многочисленные ушибы. Она могла бы, при падении с лестницы, прежде всего, сломать себе шею.

Волберт в это не верил. Для Хорста Фехнера не составляло труда убить Лучию одним ударом, сбросить ее с лестницы, броситься обратно в свою комнату и снова улечься в ванную. Откуда выбраться потом, ему помогали двое добрых служащих полиции, потому что бедная Изабель не могла с этим одна справиться. А тот факт, что Хорст Фехнер с ранней юности занимался многими видами спортивной борьбы – какое это имело значение?

Волберту и мне – нам не нужны были больше никакие доказательства, мы оба знали, что тут разыгралось. Смерть Роберта на одной безлюдной стоянке, смерть Лучии в последней комнате на галерее. И, чтобы не забыть – смерть одного славного, добродушного, честного, трудолюбивого человека, по имени Йонас Торховен, который не хотел иметь ничего общего с кознями своей младшей сестренки.

И по этому делу имелась цепочка доказательств, причем почти без пробелов, совместно построенная работниками полиции, служащими фирмы и одним, тощим, как щепка, мужчиной, который, одним далеким днем, при воскресении плоти, должен будет остаться лежать, так как не было на нем этой плоти – настолько он был худым. Что ж, тогда Биллер сможет составить мне компанию – тем далеким днем.

Пять месяцев назад Хорст Фехнер улетел в Тунис. К этому времени их план должен был быть разработан вплоть до мельчайших деталей. Фехнер арендовал джип, днями

наблюдал за лагерем в пустыне и разведал привычки Йонаса Торховена. Неподалеку было одно маленькое местечко с пивной, где он то и дело пропускал стаканчик пива.

Потом, однажды вечером, Фехнер подстерег его на безлюдной улице, инсценировал автомобильную катастрофу, перетащил Йонаса из его разбитой машины в арендованный джип и поджег.

В последствии, уже как Йонас Торховен, он сообщил руководству фирмы, что он пережил несчастный случай и не сможет больше работать. Только не было в Тунисе ни одной клиники, где бы Йонас Торховен находился, после происшествия, на лечении.

Все это быстро разузнал Биллер. И через три дня после смерти Лучии, он связался с Волбертом – все еще из Туниса, куда его послал Роберт, чтобы расследовать подробности несчастного случая, приключившемся с его шурином.

Биллер знал о том, что насторожило Роберта. Шаги по ночам – он думал, что это я блуждаю по дому. И потом раз, ночью, он услышал шум воды, когда в доме все было тихо. Сначала он посчитал, что я принимала ванну. А утром ему пришлось убедиться, что я ночевала в Ателье.

В следующий раз он прошел к комнате на конце галереи – она была заперта. И когда он нажал на ручку, то Йонас тихо сказал: «Ты с ума сошла, возвращайся в постель. Ты что, хочешь его насторожить?»

Роберт подождал и вскоре услышал в комнате шаги. Он сказал Биллеру: «Я не знаю, что мне и думать. Моя сестра уже недели напролет требует, чтобы я выгнал обоих. Она уже месяцами утверждает, что меня обманывают в пух и прах. И я боюсь, что она права».

Мой бедный Роберт. Изабель должна была проснуться в ту ночь, когда он прокрался к комнате в конце галереи и за закрытой дверью услышал шаги парализованного мужчины. А, может быть, Фехнер на следующий день спросил свою милую, что это ей пришло в голову еще и по ночам к нему приходить, когда среди дня у них было достаточно времени и досуга, чтобы поразвлечься друг с другом. И в ответ ему пришлось выслушать, что Изабель разыгрывала любящую женушку и шагу не ступала из супружеской постели.

Существует еще целая масса предположений, вещей, в которых никогда не будет достигнута последняя уверенность, если только Изабель не нарушит своего молчания. А в это я больше не верю. Она ловкая стерва и сразу поймет, что ей нужно только лишь держать рот на замке. Ей лично не много можно было предъявить – поселить в доме супруга своего любовника под фальшивым именем и с поддельными документами – не является, к сожалению, преступлением против закона. Она может всю вину свалить на Фехнера, а себе приискать другого. Возможно такого, до денег которого легче добраться.

Маленьким утешением для меня является то, что страховая компания Роберта уклонилась от выплаты денег, и Олаф нанял адвоката, представляющего мои интересы. Притязать на мое состояние, Изабель не имеет никаких прав. Она не сможет предъявить никаких претензий и тогда, когда родит своего ребенка. Она действительно беременна, но не от Роберта, естественно, нет.

И доказать это не составит труда. Олаф хочет об этом позаботиться, когда до дела дойдет. Он очень старается мне помочь, во всех отношениях. Он непременно хочет также, освободить меня из предварительного заключения. Полдюжины специалистов, лучший защитник в уголовных делах, пара корифеев от психологии. Пиль, конечно, его тоже поддерживает. Наш гном ни за что не хочет сдаваться. Но кто бы просто бездейственно смотрел, когда уводят из-под носа лучший источник доходов? И это еще и во имя справедливости!

Но убийство остается убийством. И я показала перед следствием, что это было запланированным убийством. Почти сразу, как только он поселился в нашем доме, до меня дошло, что он вовсе не был парализованным. Уже в первую неделю я пролила, нечаянно, ему на ноги горячий кофе. Он тогда закричал от боли, и я насторожилась. И

потом, как-то, я за ними следила и слышала, как Изабель назвала его Хорстом.

Волберт мне не поверил. Он считал, что я выстрелила, подчиняясь рефлексу.

Только не я! Я не собираюсь прятаться за «рефлексы». Я застрелила мужчину, который лишил меня смысла моей жизни – моего брата. И я хотела его застрелить. Я хотела этого, когда поднималась по лестнице. Я и раньше хотела это сделать. И если бы меня не подвело мое здоровье, то я бы это уже давно сделала. Пусть - ка они мне сначала обратное докажут!

Как мое показание повлияет на процесс, это мы скоро увидим. Во всяком случае, я сама буду решать свое будущее. Я! И никто другой.

Я опасалась только, что Пиль придумает какой-нибудь трюк. Он допущен к суду, в качестве эксперта и Олаф настаивает на том, чтобы я с ним поговорила.

Олаф снова мечтает – уже не о свадебном путешествии в США, а только о широких полномочиях. Возможно все-таки, что в каждом мужчине прячется натура игрока. И это очень захватывающая игра - наблюдать за биржевыми курсами и жонглировать, при этом, парой миллионов. Роберт всегда находил это очень увлекательным.

Когда он тогда, после нашего несчастного случая, впервые мне это объяснил, то сказал: «Это как большая рулетка, Миа, только много надежнее»,

И тогда я тоже начала получать от этого удовольствие. Я так многому научилась от Роберта, что почти верю – сейчас я могла бы и одна со всем справиться. Сначала я бы выкупила вторую половину «Сезанна» и поговорила бы с Сержем о том, что я еще не настолько стара, чтобы не родить ребенка. Возможно, мы с ним смогли бы это организовать. Я не мелочна. Мне бы не сильно мешало, если бы у него, то и дело, появлялась на стороне еще какая-нибудь девчонка.

Потом я бы избавилась от пары акций. В руководстве одной компании произошли кое-какие изменения, и новый шеф не внушает мне особенного доверия. Я только вчера прочла о нем статью в экономическом журнале – Олаф снабжал меня подобной литературой.

Олаф сказал, что он все для меня сделает. Для меня, моего здоровья и моей свободы. Но, в конце концов, для чего мне моя свобода? Она была важна для меня, пока я могла разделять ее с Робертом. И сейчас, когда она не имеет уже для меня никакого значения, я не собираюсь ставить ее в зависимость от какого-то дилетанта, который годами выворачивал мою душу наизнанку. Который все, что там находил, хотел непременно втиснуть в свои шаблоны.

Я думаю, что буду придерживаться своих показаний. Я выстрелила не рефлекторно и не в качестве самообороны. Я выстрелила, чтобы не оставлять Изабель того, чего сама лишилась – мужчину, который был всем. И если она его действительно так сильно любила, как рассказывал мне тогда детектив, то она будет страдать. И не пару недель, а до конца жизни, как я надеюсь.

Я тоже страдаю. Особенно по ночам, когда все так тихо, когда я не могу успокоиться и часто думаю, что лучше бы я умерла. Если уж на то пошло, то маленький колыт я, ведь, для себя покупала.

В течение дня я чувствую себя совсем неплохо. Здесь в тюрьме царят определенные дисциплина, соразмерность и порядок. Никто не делает намеков на мою внешность или мою руку. Никто меня не спрашивает, почему, в конце концов, я не сделаю себе операцию. Никто не говорит: «Сейчас, когда Роберт умер, эти шрамы потеряли всякий смысл».

Пластическая хирургия! Большое спасибо! Мои шрамы и являются, как раз, результатом пластической хирургии. Шесть раз, в общей сложности, я позволяла им, со своими ножами, орудовать над моим лицом – в первые месяцы, сразу после несчастного случая, когда я еще лежала в клинике. Я же хотела, по крайней мере, получить обратно

мое лицо.

Я хотела этого вовсе не для себя, а только для Роберта, чтобы избавить его от чувства вины, всякий раз, когда он на меня смотрит. Возможно, еще и для Олафа, ведь я же и его тогда немножко любила. Каждый раз хирурги обещали мне сотворить чудо. И каждый раз я выглядела, потом, еще хуже.

Роберт был единственным мужчиной, который мог на меня смотреть и не отводить взгляда, как делал это поначалу волбертовский ученик. Ну да, Серж тоже с этим справлялся, но ему я должна была за это приплачивать. Иногда я думаю о нем, о его сходстве с Робертом. О том, что Пиль еще совсем недавно сказал по этому поводу – что Серж был для меня только заменой, иллюзией, двойником Роберта и воплощал этим мою заветную мечту. Кто знает, возможно, это было бы хорошо – иметь от него ребенка. Возможно когда-нибудь, он стал бы походить на Роберта. Ах, я не знаю...

Джордж Райт

Энтропия

Этот тип сразу показался мне подозрительным. Я, вообще-то, далек от медицины и тем более от психиатрии, поэтому не могу утверждать точно, но было в его глазах что-то ненормальное, этакий маньячный блеск - не как у потрошителей из триллеров, а скорее как у одержимых филателистов или нумизматов. Но, когда в жаркий июльский полдень вы в полном одиночестве сидите в душном павильоне захолустной станции чуть ли не в сердце прерий, купленный утром в последнем цивилизованном городе журнал прочитан от корки до корки, а до прихода поезда, имеющего странную привычку здесь останавливаться, еще бог весть сколько времени - вы будете рады любому собеседнику, даже если это чокнутый филателист. Он вошел в павильон, кивнул мне, как старому знакомому, тяжело опустился на скамейку, вытер платком лысину и принялся обмахиваться журналом - таким же, какой был у меня в руках. Затем он заметил, что мой журнал открыт на странице с фотографией известного экстрасенса, и без предисловий спросил:

- Ну, и что вы об этом думаете?

- Чепуха, - ответил я. - Все это дешевые фокусы. Пусть дурачат провинциалок.

- Но, однако, паранормальными явлениями интересуются теперь и серьезные ученые, - возразил этот тип.

- Не больно-то их много, этих ученых, - ответил я. - Да и не всякого умника стоит так называть. Шарлатаны бывают и с дипломами.

- Вы слишком категоричны, - сказал он. - Сразу видно, что вы не сталкивались с необъяснимыми явлениями.

- А вы сталкивались?

- Да. Я давно интересуюсь этим вопросом. У меня скопилась внушительная коллекция достоверных описаний подобных случаев, некоторые из которых я наблюдал сам. В частности, явления полтергейста. Вы мне не верите?

- Ловкий фокусник может провести любого.

- Но зачем эти ваши фокусники проделывают такое количество бесплатных трюков?

- Да это просто мода нынешняя. Куда ни плюнь, попадешь в экстрасенса. В прошлом

веке все спиритизмом увлекались, а теперь - всякие телекинезы-ясновидения. Если хотите знать, это вполне объяснимо. Угроза ядерной войны, экология, СПИД, кризисы всякие... Вот люди и хотят отвлечься, верят во всякий вздор.

- Вы верно подметили, в последнее время сообщений о паранормальных явлениях стало гораздо больше. Но почему вы не хотите допустить, что хотя бы часть из них соответствует истине?

- Да хотя бы потому, что это противоречит законам природы. Помню, один парень объяснял мне, почему невозможно ясновидение. Ясновидение, говорил он - это разновидность путешествия во времени, а путешествия во времени противоречат законам сохранения. Ну, вы купили бутылку "Пепси" в понедельник, а выпили в пятницу. А потом вернулись в четверг и выпили ту же бутылку, а потом - в среду... И вышло, что вы выпили "Пепси" в несколько раз больше, чем было в бутылке.

- Да, да... Законы природы... А много ли мы о них знаем? Можем ли отличить главные от второстепенных?

- А разве бывают второстепенные законы природы?

- Ну, представьте себе разумного микроба, живущего в человеке. Изучая человека - свою вселенную - микроб тоже придет к выводу о наличии неких законов природы - определенного диапазона пульса, кровяного давления и т. п. А потом человек начинает стареть, и вся микробская физика трещит по швам. А потом он умирает, и стройный и логичный мир микроба обращается в хаос, непригодный для жизни.

- Ну, если ваш микроб достаточно умен, он обнаружит и более фундаментальные законы, чем частота пульса.

- Совершенно верно, и в нашем мире есть такой закон - это принцип возрастания энтропии. Если отбросить близорукие научные формулировки, сводящие этот великий принцип к термодинамическим частностям, то суть его в том, что всякий порядок со временем разрушается, обращаясь в хаос. Я понял то, что не желают понять наши ученые - этот принцип касается не только материальных объектов, но и того, что принято называть законами природы. Рост числа паранормальных явлений - проявление этого принципа. Наша вселенная стареет и умирает.

- И чем же это, по-вашему, кончится?

- Абсолютным хаосом, разумеется.

Я окончательно утвердился в мысли, что передо мной чокнутый.

- Напишите об этом в научный журнал, - посоветовал я.

- Меня поднимут на смех. Ведь это только теория; у меня нет доказательств.

- Ну, а раз нет доказательств, то и говорить не о чем. И вообще, что это вас всех тянет на всякую метафизику? Жизнь гораздо проще.

- Возможно, вы и правы, - согласился мой собеседник и бесследно растаял в воздухе.

Юрий Моор-Мурадов

Она сказала, что ее хотят убить

Визит молодой красивой женщины в твоё заведение вызывает в тебе гамму приятных чувств. И неважно, продавец ты в мелкой лавочке, крупный чиновник в роскошном кабинете или частный детектив. С такой женщиной всегда приятно пообщаться, а если она

еще становится твоим клиентом или просителем - так это настоящий подарок.

Когда Лилит - так она представилась – в первый раз вошла в контору к Макс, меня там не было. Я могу только представить себе, как Макс приветливо ей улыбнулся, предложил сесть, попросил Елену принести клиентке кофе. И как потом он молча ждал, когда посетительница соберется с духом и начнет говорить: Макс никогда первым не задает вопроса своим клиентам. Я думаю, он хороший психолог. Посетитель должен чувствовать, что зашел туда, где его появление воспринимается как нечто вполне естественное, само собой разумеющееся. Здесь ему как бы говорят: ты можешь сидеть и молчать, сколько тебе вздумается, никто не станет требовать, чтобы ты немедленно изложил свою проблему или же отправился восвояси, не мешая работать. К чести Макса нужно сказать, что он не набивает себе цену и не делает вида, будто очень сильно занят. Впрочем, это действительно так: он не занят по горло, работы не очень много, доходов хватает на то, чтобы жить и платить налоги - он и доволен. Счастлив тот, кто может довольствоваться малым.

Но я полагаю, что Лилит вошла в его контору не роскошной самоуверенной красавицей, а немного растерянной, напуганной новой репатрианткой. И, возможно, не произвела на моего приятеля такого впечатления, какое она произвела позже на меня, когда я встретил ее в первый раз - у того же Макса, во время ее второго посещения.

О том ее первом визите я знаю со слов Макса. Лилит пришла к нему, села, немного помялась, собираясь с мыслями, и выдала из себя:

- Я боюсь. Меня хотят убить.

- Кто?

- Не знаю. На меня уже дважды совершали покушение. И мне часто кажется, будто за мной следят - на улице, в супермаркете, в автобусе...

Макс, по своему обыкновению, попросил рассказать все обстоятельно и с самого начала.

Лилит репатрировалась в Израиль из России два месяца назад. Одна – своей семьи еще нет, родители остались там. Сняла квартиру в Иерусалиме и по совету знакомых, приехавших много раньше, не стала записываться в ульпан, а сразу устроилась на работу - упаковщицей на большую кондитерскую фабрику. Знакомые сказали: «Ничему в ульпане тебя не научат, только время зря потеряешь, а на фабрике и языку научишься, и деньги заработаешь в дополнение к корзине абсорбции». Первый месяц было все хорошо, а вот с недавних пор начались у нее неприятности. В самом конце августа поехала с этими своими знакомыми в Тель-Авив, на пляж. В тот день море было беспокойным, спасатели понавтыкали везде черные флаги и разрешали купаться только в узком коридоре прямо напротив спасательной станции. Людей в этом разрешенном для купания пространстве было очень много, стоящего рядом человека можно было достать рукой, Лилит отплыла подальше в море, и вдруг почувствовала, что кто-то тянет ее за ноги вниз, под воду. Закричала от страха, стала отбиваться, оглянулась: кто так глупо шутит? Никто не вынырнул. Она поплыла к берегу - и опять кто-то схватил ее под водой за ноги. Лили плавать небольшая мастерица, стала кричать от страха, захлебываться, звать на помощь, к ней бросились спасатели на плоскодонке, помогли выбраться на берег. Никто не поверил, что ее пытались утопить, стали уверять, что здесь есть опасные водовороты, и если не умеет хорошо плавать - так лучше от берега далеко не заплывать. Ее уговаривать не пришлось - больше она в воду в тот день не полезла.

В другой раз она пошла на концерт - билет ей, новой репатриантке, дали бесплатно в клубе - "матнасе". В зале было мало зрителей, она выбрала место по вкусу. Справа и слева никто не сидел. Вскоре после начала концерта в кресло рядом с ней уселся молодой человек. Она время от времени искоса поглядывала на него, и вдруг заметила, что он достал шприц - не пластмассовый, стальной, с никелем, который и блеснул у незнакомца в

руке. Лилит в панике вскочила и бросилась из зала...

- Это все? - спросил посетительницу Макс.

- Да.

Макс усмехнулся и выдал свое резюме:

- Я все же склонен думать, что, судя по вашему рассказу, вы чрезмерно впечатлительная и мнительная женщина. У тель-авивского берега действительно есть сильные водовороты, каждый год гибнут люди, даже опытные пловцы, вот в прошлом году генерал утонул, крепкий и совсем еще не пожилой человек. А тот парень в зале рядом с вами просто был наркоманом и шприц вытащил не для вас, а для себя.

- Но почему он сел рядом со мной? Ведь в зале было полно мест, целые ряды пустые!

- Ну, извращенец какой, которому для полного удовольствия нужно ощущать рядом даму. И зря вы не дослушали концерт, можно было просто пересесть подальше от него и поближе к остальным зрителям.

- Нет, я не ошибаюсь, я научилась чувствовать настоящую опасность. То, что произошло со мной полгода назад в России, научило меня этому.

- А что там с вами произошло в России? Тоже покушались? – поинтересовался Макс.

- Нет, там было другое, хотя я опять же только чудом спаслась. Вы эту историю, наверное, знаете. О ней во всем мире слышали. Я из города Ростова-на-Дону. Помните, полгода назад там террористы захватили заложниками в детском саду пятерых детей и троих воспитательниц. Одной из этих воспитательниц была я.

- Вот как... - задумался Макс.

Действительно, за той историей с захватом заложников в Ростове напряженно следил весь мир. Тогда бандиты требовали освободить из тюрьмы их главаря, выдать им 10 миллионов долларов и предоставить вертолет, на котором собирались добраться до того, места, где их должен был ждать самолет. Пять дней длился тот инцидент, и в результате властям удалось обезвредить бандитов, обошлось без жертв.

Рассказ Лилит о том, что полгода назад она была заложницей, лишний раз убедил Макса, что перед ним страдающая манией преследования женщина с травмированной психикой, которая еще не пришла в себя после того случая. Он успокоил посетительницу и сказал на прощание:

- Не могу вам ничем помочь. Только - советом. Вам страшно, вы чувствуете или вам мерещится, что вас преследуют - так приобретите простейшие средства самообороны. Купите газовый баллончик, вот здесь, в квартале отсюда, есть магазин, где продают оружие и эти баллончики, для его покупки никакого разрешения не нужно. Стоит он недорого. Запишите мой телефон, если еще что-то произойдет - позвоните.

Обо всей этой истории я узнал через два дня. Благодаря тому, что произошло это самое «еще что-то». Утром в пятницу Макс позвонил мне домой: «Срочно нужна твоя помощь». То, что он обратился ко мне, свидетельствует, что он по-прежнему не очень серьезно относился ко всей этой истории. Иначе бы не стал впутывать в нее меня - ведь я даже не являюсь его помощником. Макс был уверен, что Лилит опять все себе навоображала, считал, что ей нужна не помощь детектива-профессионала, а просто мужская поддержка. Он кратко ввел меня в курс дела, сообщил, что ему минуту назад позвонила Лилит; на нее, по ее словам, опять было совершено покушение: когда она стояла на смотровой площадке на горе Скопус, кто-то подошел к ней сзади и попытался столкнуть вниз с огромной высоты. Но женщина не растерялась, воспользовалась газовым баллончиком, который приобрела по совету частного детектива, а кроме того схватила подвернувшийся камень и с огромной силой опустила на голову нападающему, пока он протирал глаза. Тот нападавший и сейчас, как она полагает, лежит там, где упал, без сознания. Лилит сбежала оттуда и скоро явится в бюро к Максусу. Сам Макс поехать на место происшествия не

может - у него очень важная встреча, о которой он договорился раньше.

- Смотайся, посмотри, кого она оглушила, если он все еще там. Только нужно отправляться немедленно. Если можешь - установи личность того человека, - напугтовал меня детектив по телефону.

Я сразу же поехал на гору Скопус. Четверть часа мне понадобилось, чтобы доехать из своего дома в Гива-Царфатит до места происшествия. Не так давно в Иерусалиме был очередной теракт, поэтому туристов сейчас мало, есть надежда, что еще ни один автобус не привез любознательный народ на смотровую площадку. Я оставил машину на дороге и поднялся на площадку. У самого бордюра действительно ничком лежал мужчина в джинсовых брюках и светлой рубашке с короткими рукавами. Я подошел поближе, негромко окликнул - он не отозвался. Тронул легонько за плечо - с тем же результатом. Я принялся разглядывать его и заметил, что в заднем кармане брюк есть какой-то предмет, который вполне может оказаться паспортом или плоским портмоне. Осторожно отстегнул пуговицу кармана и стал медленно двумя пальцами вытаскивать этот предмет, который действительно был удостоверением личности - российским загранпаспортом на имя Фишмана Александра Соломоновича. Хотя, если судить по фотографии, никогда не подумаешь, что у человека с таким лицом может быть подобное отчество - скуластый, маленькие глаза, утиный нос... Я впихнул паспорт обратно в карман и повернул человека на бок. Точно, это был владелец паспорта - те же глаза, что на фотографии, монгольские скулы, утиный нос. Крепко, видать, эта Лилиит треснула парня по голове: чтобы он пришел в себя, мне пришлось основательно потрясти его.

Наконец, он оклемался, сел, ошалело посмотрел на меня, потом вокруг, опять на меня... Рубашка у ворота порвана, на лице - глубокие свежие царапины, без сомнения - следы от ногтей боровшейся за свою жизнь клиентки Макса. На виске запекшаяся кровь... Парень молчал, и я догадался, что он не знает, можно ли со мной говорить на русском. Я развеял его сомнения, сам обратился к нему:

- Молодой человек, что с вами? Вы больны? Вызвать скорую?

- Нет, нет, не нужно, спасибо. У меня голова закружилась...

Он не знал, что я вижу запекшуюся кровь на виске и свежую боевую рану на щеке. Я помог ему встать, он отряхнулся, пробормотал «Спасибо» и поспешно ушел.

Я, как и обещал, поехал прямо к Максиму на улицу Яффо. Детектива еще не было, он приехал через полчаса. Выслушал мой отчет, спросил:

- Говоришь, что на его лице были видны явные следы борьбы, и девушке все это не привиделось?

- Да.

- И этот турист не пожаловался, не сказал, что какая-то сумасшедшая вдруг набросилась на него?

- Нет.

- Значит, он не был невинной жертвой истеричной женщины. Неужели она права, и кто-то хочет ее убить? Неужели я ошибся, решив, что причиной всему - ее воспаленное воображение?

- Но ведь может быть так, что это просто ловелас, - высказал я свою версию.

Несоответствие паспортных данных с явно славяно-татарской внешностью посеяли во мне сомнение в невинности того парня, но мне хотелось услышать, что об этом думает Макс. – Может, он просто хотел пристать к симпатичной девушке, а та оказалась во всеоружии. Теперь вот и пожаловаться неудобно.

- Вряд ли. Турист не станет приставать, побоится осложнений, - покачал головой Макс. - Если все, что она рассказывает, правда, если она не преувеличивает и передает происходящее с ней адекватно, то ее без сомнения пытаются убить, причем цель у них: представить дело так, будто с нею произошел несчастный случай или что она умерла

естественной смертью. Вот утонула в море - так сплошь и рядом тонут, особенно когда в море неспокойно, высокие волны. Ей на том концерте пытались сделать укол, после которого она не умерла бы сразу. Есть такие препараты, которые действуют через два-три часа, парализуя на несколько минут сердечную мышцу. Врач, не подозревая ничего, может констатировать остановку сердца. И на горе Скопус полиция могла предположить, что новая репатриантка встала на бордюр, чтобы сфотографировать золотой купол мечети Аль-Акса, не удержалась и упала. Рядом нашли бы и фотоаппарат. Явно те, кто ищет ее смерти, не хотят расследования. Ведь им ничего не стоило бы убрать ее - удар ножом, снайперский выстрел. Никто же ее не охраняет. Ворваться в квартиру, наконец...

Когда в бюро вошла Лилит, я сидел спиной к двери, но все равно сразу почувствовал, что вошел какой-то необычный человек. Может, это было шуршание ее платья, может, распространившийся запах ее духов... Я обернулся - и обомлел: так она была красива. И в первый раз в жизни позавидовал тому, что я не частный детектив и ко мне не может прийти с просьбой о помощи и защите такая женщина. Белоснежная кожа, коротко постриженные черные густые волосы, тонкий носик, большие глаза с длинными ресницами и губы - влажные, по детски наивно приоткрытые губы...

Макс то ли привык к ее красоте, то ли вообще ее не замечает. Он, в отличие от меня, дара речи не потерял, спросил:

- Как вы себя чувствуете? Вы не пострадали?

- По вашему участливому тону я делаю вывод, что теперь вы больше склонны верить мне, - сказала с упреком Лилит.

Она села, Елена принесла ей чашку кофе.

- Расскажите мне немного о себе, - обратился к ней детектив. - Я все еще не могу понять, кому и зачем нужно вас убивать. Дико предполагать, что те террористы или их сообщники вам за что-то мстят. Кстати, чем тогда закончилась та история с заложниками, в Ростове? Много было жертв?

- Нас освободили без единого выстрела, никто не пострадал. Только дети страшно напугались, да и мы, взрослые, тоже.

- Вы там, когда были заложницей, ничего такого особого не позволили себе? Не узнали какого-нибудь секрета этих террористов? Не вы ли были виновницей того, что бандиты ничего не добились?

- Нет, нет, я ничего дурного там не совершила. Никакого подвига, никакого геройства. Я была просто до смерти напуганной слабой женщиной, и за детей боялась, и за себя.

Тут я вмешался в их разговор. Я вспомнил в деталях ту ростовскую историю, о которой много писали, которую освещали телеканалы всего мира - все пять дней, пока эта акция не закончилась к всеобщему облегчению без жертв.

- Кажется, - сказал я, - комментатор российского телевидения сообщил, что бандитов удалось обезвредить без кровопролития и без стрельбы благодаря мужеству одной из заложниц, которая сумела отвлечь их внимание.

- Глупости все это! - почему-то слишком горячо запротестовала Лилит. - Они меня имели в виду, но это все неправда! Я слышала то сообщение. Это они намекают на меня. Ничего подобного и близко не было. Одна из заложниц потом рассказала журналистам, как себя вели террористы, а они раздули это в романтическую историю. Все было ужасно, никакого геройства или хитрости, посмотрела бы я, как вы там стали бы хитроумные планы готовить, когда на вас нацелены дула автоматов, когда вокруг бомбы, готовые взорваться в любую минуту, когда при слабейшей попытке сделать шаг без разрешения вам могут выстрелить в голову. Я вам расскажу, что произошло на самом деле. Одному из бандитов я действительно понравилась, чтоб он сдох. Он все поглядывал на меня, старался держаться ко мне поближе, а на третий день совсем обнаглел, полез ко мне, стал тискать, тянуть в соседнюю комнату, потом увел туда силой. Я думала - все, погибла...

Сделает со мной, что хочет... Он под юбку полез, у меня уже сил не было его отпихивать, умоляла его оставить это на потом, обещала встретиться с ним, когда все это кончится, клялась всем, чем могла. «Не сейчас же, - говорю ему, - я три дня не мылась». Но разве эту скотину чем-то прошибешь? Чем больше я отталкивала, тем больше он зверел. Кофту на мне порвал. Но вдруг произошло чудо - иначе и не назовешь. Там, за окном, где стояло оцепление из милиции и солдат, произошло какое-то движение, главарь бандитов объявил тревогу, подозвал к себе этого озабоченного. А потом он уже больше ко мне не подходил. Оказалось, привезли их вожака из тюрьмы, чтобы он попытался их уговорить отпустить хотя бы детей. Я думаю, что, забрав детей, спецназовцы хотели атаковать террористов. Нашими жизнями решили рискнуть. Но бандиты не уступали, а на следующий день все кончилось...

Девушка разволновалась, вспомнив те свои переживания. Макс подал ей стакан воды.

- Что там еще происходило? И как вообще это закончилось? Почему никто не пострадал? Спецназовцы атаковали? – спросил он.

- Нет, атаки со стрельбой не было. Они к вечеру просто пришли, забрали оружие и увели тех бандитов. К нам бросились родные, детишек забрали, и меня отец увел.

- Выходит, бандиты решили сдаться?

- Нет, они не сдавались. Об этом речи не было. Знаете что, в те пять страшных дней мои родственники не отходили от телевизора, и один мой двоюродный брат записал на видеопленку все официальные сообщения и репортажи, которые велись с места происшествия. Получилась целая 4-часовая кассета. Он ту кассету потом мне подарил, но я ее смотреть не могла, и сейчас не могу - у меня все от страха начинает дрожать. Я эту запись с собой в Израиль привезла.

- Отлично! Вы дадите мне ее посмотреть? - спросил Макс.

- Конечно, она у меня дома.

- Теперь вот что, - сказал Макс, - вам оставаться одной нельзя, вы не могли бы уехать отсюда на время? Чтобы они потеряли вас.

- Я не знаю, куда мне уехать. У меня здесь никого нет.

- Я могу отвезти ее к своему брату, - предложил я, набравшись храбрости. - Он живет в поселении Шахар под Иерусалимом, там у них охранник при въезде, посторонние не сунутся.

Мы договорились, что Лилит заскочит на минуту к себе, возьмет нужные вещи, захватит видеокассету, и я отвезу ее в поселение к своему брату. А Макс вечером приедет туда, и там все вместе решим, что делать дальше.

Мы с Лилит поехали в северный район столицы, где она снимала комнату у одной старушки. По пути она рассказала, как там, в Ростове, все не могла прийти в себя после этого случая с террористами, как родители стали ей советовать уехать в Израиль, где ей вообще-то нравится, только - скучно: работа и дом, ни друзей, ни развлечений. В Тель-Авив она больше не ездит, на концерты не заманишь. Сегодня решила погулять - и вот что из этого вышло...

Я остановил машину у четырехэтажного жилого дома, на который показала моя пассажирка. Выходя, Лилит бросила:

- Я мигом! - и быстро скрылась в подъезде.

Вышла она действительно через четверть часа, уже с сумкой. Разворачивая свою «мицубиши», я заметил, что в одной из стоящих у дома машин сидит человек, который внимательно наблюдает за нами.

- Лилит, я стал таким же мнительным, как и вы. Мне показалось, что за нами следят, - сказал я девушке.

И лучше бы не говорил! Она перепугалась, завертела головой:

- Где? Кто?!

- Спокойно, я пошутил.

Мы отъехали от дома, и та машина - итальянская белая «уно» с эмблемой одной из фирм, дающих автомобили на прокат, тронулась за нами. Лилит вцепилась мне в локоть:

- Он едет за нами! Он следит за нами!

- Успокойтесь. Просто ему тоже нужно было выезжать.

- Но почему он все время едет за нами?

- А здесь только одна дорога, до самого выезда из этого района. Вот сейчас будет перекресток, мы поедem направо, к автостраде имени Бегина, а он поедет прямо, к центру города.

- Вы так думаете?.

На перекрестке «уно» тоже повернула направо.

- Ничего это не значит, - успокоил я Лилит. - Ему тоже нужно сюда.

Лилит немного успокоилась, но все равно время от времени оглядывалась на заднюю машину.

Выехав на трассу, я решил - чтобы совсем успокоить Лилит - пропустить «уно» вперед. Я чуть-чуть ослабил давление на педаль акселератора, стрелка спидометра поползла вниз - 90, 80... Сбросила газ и следовавшая за нами белая «уно». На приборной доске моей «мицубиши» стрелка опустилась до 70-ти. Странно, конечно. Любой нормальный водитель на этой почти пустой загородной трассе давно обогнал бы тихо едущую машину. Тем более, что разрешенная скорость здесь - 90. Правда, может быть еще одно объяснение: Он думает, что проморгал знак ограничения скорости. Я ведь тоже, прежде чем обогнать непонятно почему тихо едущую машину, сначала убеждаюсь, не потому ли он сбавил скорость, что впереди на обочине стоит машина, за которой вполне может спрятаться автоинспектор с измерителем скорости. Я совсем убрал ногу с акселератора. Стрелка спидометра поползла вниз, - 60, 55, 50 км. в час. Притормаживает и «уно». Тогда я надавил на газ - и через две минуты стрелка показывала такую скорость, за которую, окажись на трассе автоинспектор, мне грозил бы солидный штраф, если не лишение прав на месяц. Плевать хотел на штраф и наш преследователь. Не отстает и не обгоняет. Хотя и это можно объяснить просто блажью.

Лилит поняла цель моих маневров. Ее, в отличие от меня, сомнения не одолевали:

- Вот видите - он следит за нами! Он охотится на меня!

- Вы разглядели его лицо? Оно вам знакомо? - спросил я.

- Нет, в первый раз вижу.

- Это не тот, кто на концерте к вам подсел?

- Нет, тот был совсем мальчишка.

Через несколько километров мне сворачивать с трассы направо. Неужели он тоже свернет?

Я включил сигнал правого поворота. В зеркале увидел, что то же самое сделал и он. Значит - хвост. Сомнений нет, он увязался за нами.

Однако напрасно он делает это. Я эту трассу выучил назубок, слава Богу, чуть ни каждую неделю гощу у брата. Есть здесь один поворот, который официально считается самым опасным во всей стране. Об этом повороте написано множество статей, он является держателем печального рекорда - здесь за год в автоавариях гибнет столько же людей, сколько на другой трассе не гибнет и за десять лет. На курсах, которые институт по профилактике дорожных происшествий организует регулярно для водителей, особое внимание уделяют этому повороту, рассказывают о его коварстве и учат проезжать его правильно. Мало того, что дорога здесь идет круто на спуск, в определенной точке она делает довольно резкий поворот налево, а полотно дороги устроено с таким наклоном, что машину начинает заносить направо, на невысокий бордюр, который не может удержать автомобиль, а дальше - пропасть. А если неопытный водитель, почувствовав, что его

заносит, еще вздумает и на тормоз нажать - так в пропасть он не поедет, а покатится кувыркком. На этих курсах директивно указывают: подъезжать к опасному повороту нужно со скоростью не выше 30 км/час. Соответствующий знак стоит и на обочине задолго до приближения к опасному повороту. Но опытные водители, постоянно едущие по этой трассе, знают, что если вовремя начать тормозить, то можно благополучно проскочить и при 45 километрах в час, но это уже максимум. Прицепившийся к нам водитель, скорее всего, к завсегдатаям этой трассы не относится. Он будет так же упорно гнать за мной, разумеется, проскочит ту точку, когда нужно тормозить, и непременно окажется в пропасти. А если наши страхи напрасны, если это случайное совпадение, и этот тип просто тоже с утра еще планировал съездить к своим родственникам в поселение Шахар, то ничего с ним не произойдет. И дай Бог, чтобы так оно и вышло. Разумеется, если он свалится вниз, то я буду чувствовать себя убийцей - но что делать? Кто просил его гнаться за нами? Он не невинная жертва, он хочет убить эту несчастную женщину, которая ничего дурного ему не сделала.

В двух километрах от того рокового поворота я резко прибавил газ. То же самое с некоторым опозданием сделал и преследователь. Я надавил на акселератор, и стрелка дошла до 70, потом - 80. Скорость и на этом участке довольно рискованная. Хорошо хоть дорога сухая. Вот знакомая высокая ель, это значит, до поворота осталось меньше полукилометра. Я стал резко тормозить. Главное, когда мы окажемся на самом повороте, скорость должна быть не выше 45 в час - и это при том, что моя широкая «мицубиши» хорошо цепляется за полотно. Гляжу в зеркало - конечно, водитель «уно» не заметил, что я притормаживаю, он по-прежнему давит на газ. Он тоже заметил поворот, и решил, что за ним есть развилка, что я хочу за поворотом скрыться от него, не хочет упускать меня из виду.

Изо всех сил вцепившись в руль, я пролетел поворот на скорости около 50 км. в час. Не могу поклясться, но, мне показалось, что колеса с левой стороны немного даже приподнялись над полотном дороги. Такое вот автородео получилось, цирк. Как только прошли опасный участок, я ударил по газам. Водитель сзади еще успеет заметить это и еще успеет тоже прибавить газу - перед самым подъездом к самому кругому участку поворота...

Я вытер вспотевший от волнения лоб и посмотрел в зеркало. «Уно» не появилась из-за поворота. Проехав еще немного, я остановился. Подождал немного, развернулся, поехал назад. Дорога пустая, никого. Остановил машину у поворота, мы с Лилит вышли из нее. Невысокий бордюр был смят. Я со страхом посмотрел вниз, в пропасть. Машины не было видно. Но больше ей быть негде. Сейчас должен последовать взрыв - во всяком случае, так показывают в кино. Но никакого фейерверка не последовало. Наверное, бензину в машине было маловато. Я старался не думать о том, что стало с водителем, опять развернул машину, и через полчаса мы были в поселении Шахар. Брат только вернулся с работы, обрадовался гостям. Я первым делом позвонил Максиму на его сотовый телефон, рассказал о преследовавшей нас машине и ее судьбе.

Мои племянники окружили гостью, стали показывать новую кошку, которая недавно прибилась к их дому, рассказывать о ее шалостях. Брат нарочито нахмурил брови, велел детям не надоедать гостье, сказал мне:

- Мы сейчас соорудим обед, а ты пока иди, покажи своей подруге, какие красивые у нас места. Может, захочет поселиться здесь. Я составлю протекцию в поселенческом совете.

В десяти минутах ходьбы от дома моего брата начинается хвойный лес. Запахи - можно одуреть. Красота, тишина, душа отдыхает. У Лилит радостно горели глаза. Она опускалась на корточки возле каждого цветка, мы обнаружили ежа, черепаху, нашли множество чьих-то норок.

- Знаешь, - призналась Лилит, - я впервые за последние полгода, с тех пор, как

случилась та история, так легко дышу, такая спокойная... И мне хорошо и надежно. И оттого, что здесь такая тишина, и оттого, что никто не знает, где я, и еще потому, что ты рядом...

Неприятное чувство, что я косвенно виноват в чьей-то гибели, уже как-то рассеялось, отодвинулось на задний план. Лилия смотрела на меня так нежно и благодарно, - осудит ли меня кто-нибудь за то, что я наклонился и прикоснулся губами к ее губам?

Мы еще немного погуляли, я спросил девушку, как ее звали в России.

- Лилия, - представилась она еще раз.

Вечером приехал Макс, взял кассету, попросил предоставить ему на несколько часов спальню, где стоял еще один телевизор. А мы уселись в салоне, смотреть триллер по киноканалу.

Через два часа Макс открыл дверь спальни - чем-то очень озабоченный, с нахмуренным лбом. Он позвал нас с Лилей к себе.

Ничего не объясняя, он обратился к девушке, которая смотрела на него с надеждой и некоторым страхом.

- Те две женщины, что были заложницами вместе с вами - вы поддерживаете с ними связь?

- Катя и Галина Романовна? Когда еще там была - поддерживала. Галина Романовна даже приехала проводить меня в аэропорт, когда я сюда летела. Катя тоже обещала проводить - но почему-то не приехала.

- Вы помните номера их телефонов? Можете позвонить к ним в Россию? Прямо отсюда, сейчас?

Телефонов своих бывших коллег Лилия не помнила, но они были записаны в ее записную книжку. Она под села к телефону, стоявшему у изголовья супружеской кровати хозяев, стала набирать ростовский номер. Когда ей ответили, она попросила Катю, потом вдруг вскрикнула и опустила трубку на аппарат, вся побледнев.

- Что, что случилось? - спросил Макс.

- Ее нет...

- Что значит - нет?

- Она погибла в аварии. 5 июля. Как раз в тот день я улетаю...

Мы успокоили Лилию, дали ей напиток. Когда она немного пришла в себя, Макс попросил позвонить второй знакомой.

И на этот раз Лилия вскрикнула и уронила трубку, которую я едва успел подхватить.

- Она пропала. Уже месяц как нигде не могут ее найти.

- Может, просто уехала? - высказал я предположение.

- Куда она уедет? У нее трое детей! Это ее муж ответил, говорит: «Вы что, не знаете, она же пропала без вести».

Макс при этом сидел с таким видом, как будто он обо всем догадывался.

- Я, - сказал он, - лишний раз убедился в том, что версия, которая возникла у меня - единственно возможная. Давайте посмотрим вместе эту пленку, вы мне заодно кое-что объясните.

Он включил видеомagneтофон, пошли первые сообщения дикторов о захвате заложников в ростовском детском саду, потом показали этот самый детский сад, окруженный тремя кордонами милиции.

Голос выдавшего виды диктора дрожал, когда он сказал, что террористы захватили и удерживают пять 3-4 летних детей.

Потом передали заявление террористов: Если через 6 часов не будут выполнены все их требования, они начнут расстреливать заложников - по одному в час.

Это все мне было известно, я, как и многие другие, отсюда, из Израиля с напряжением следил за развитием событий в те февральские дни.

Макс еще немного перекрутил ленту, сказал:

- Внимание, вот здесь начинается, на мой взгляд, главное. Слушайте!

Журналист, который вел прямой репортаж с места происшествия, напомнил, что уже три дня бандиты удерживают заложников, а потом как бы мимоходом проронил слова, который Макс счел необходимым прокрутить для нас с Лилей дважды:

- Только что сюда прибыл большой автобус непонятного назначения, из него не выгрузились боевики, он не привез еду для террористов и их заложников, на все наши вопросы представители милиции и армии отвечают одно: «Не знаем, не можем дать ответа».

Дальше репортер стал жаловаться на то, что руководители операции по освобождению заложников не хотят сотрудничать с прессой, но Макса это уже не интересовало. Он остановил пленку:

- И это все, больше об этом автобусе ничего не сообщается. Но его можно видеть в сделанных журналистами издали съемках. Вот, смотрите: - Макс прокрутил дальше, - Видите - его пропустили через плотный тройной кордон, он стоит между первой линией оцепления и детским садом, почти под окнами здания, в котором террористы вас удерживали. Что это за автобус, для чего его пригнали сюда? Почему его поставили так близко - чтобы террористам было легко перестрелять находящихся там людей? Лилит, вы помните этот автобус?

- Да, я вспоминаю, он появился на третий или четвертый день.

- Журналисты смогли снять его только сзади. А как он выглядел с той стороны, которая обращена к детскому саду? Из его окон торчали стволы? В нем были спецназовцы в масках?

- Я ведь тоже не могла все хорошо рассмотреть. Бандиты запрещали нам выглядывать из окон. Они сами смотрели, а мы с детьми лежали на холодном полу. Только иногда схватят кого-нибудь, поднимут к окну и кричат на улицу: «Не выполните наших требований - мы расстреляем ее!» И меня несколько раз так поднимали. Я вспоминаю этот автобус. С той стороны, которая была обращена к нам, у него было огромное затемненное окно.

- Что вы увидели за окном?

- Видно было смутно...

- Вооруженные люди?

- Нет, там была какая-то аппаратура, может - компьютеры, или медицинское оборудование... Были люди, человека четыре. Не военные. Выправки нет. Пожилые, сутулые, в очках.

- Может, - высказал я предположение, - это были врачи? Такой госпиталь на колесах? Чтобы незамедлительно оказать первую помощь пострадавшим?

- Врачи - так близко от террористов? Ближе, чем спецназовцы? Чтобы их поубивали в первые же минуты боя? - не принял моей версии Макс. Он снова обратился к Лилит: - А вы не помните - ничего странного, необычного не происходило в то время, когда вас там держали?

- О, все было странно и страшно. Мы так были напуганы. Я не понимаю, как другие заложники потом рассказывают, что будто не боялись. У меня поджилки тряслись. А когда еще этот мерзкий гад ко мне полез... Да, я вот что вспомнила: на третий или четвертый день мы все вдруг слышали, а точнее - почувствовали - какой-то очень низкий гул. Он продолжался недолго, около получаса. Катя - она раньше на Сахалине жила - сказала, что такой гул бывает перед землетрясением. Я еще подумала: хоть бы тряхануло как следует, чтобы мы под шумок сбежали бы с детьми. Но никакого землетрясения не произошло.

Макс стал прокручивать пленку дальше. Пошли кадры того, как террористов выводят

из здания детского сада.

- Обратите внимание, - сказал Макс, - у них руки не связаны, просто каждого за локоть держит один спецназовец.

Террористов ввели в этот странный автобус, и видеозапись закончилась.

- вспомните точно, Лилит, как происходило само обезоруживание? Они что - решили сдать?

- Нет, сдаваться они не собирались.

- Может, они просто устали, хотели смертельно спать?

- Нет, они спали по очереди, с этим у них проблем не было. Двое спят - двое дежурят, потом меняются.

- Так как же все происходило? Действительно ли, как здесь сообщают, не было произведено ни одного выстрела?

- Да, я тоже вспоминаю, что не стреляли. Ни спецназовцы, ни бандиты. Хотя эти все время угрожали. Просто в последний день они стали какие-то беспечные, рассеянные. Улыбаться стали как-то по-глупому. А до этого строили мерзкие рожи и все запугивали. В последний день они роняли автоматы и не поднимали их с полу. Если б среди нас был мужчина, мог бы схватить автомат и перестрелять их всех. Потом, ближе к вечеру - еще было светло - в зал, где нас держали, вошли около десяти спецназовцев в масках, с ними был один без формы, без оружия. Остальные к нему относились, как к главному командиру. Солдаты медленно подходили к нам, все время оглядываясь на него. А он их подбадривал, рукой так махал: идите, мол, смелее...

Макс перестал расспрашивать Лилит, в комнате надолго воцарилась тишина.

- Между прочим, - вспомнил я, - суда над теми террористами не было. И не будет. Я в Интернете читал сообщение - их всех признали недееспособными и поместили в психушку.

- Недееспособными, - повторил за мной Макс.

Он помолчал еще немного, наконец, заговорил:

- Лилит, выслушайте внимательно то, что я вам скажу. Если мои предположения верны, то вы действительно попали в большую беду, и я вам помочь не могу. По-моему, вы оказались невольным свидетелем эксперимента, а именно: использования в деле сверхсекретного оружия. Я почти убежден, что в феврале этого года в Ростове впервые был применено психотронное оружие.

- Но ведь я ничего не понимаю, и если б вы мне этого не сказали, то я бы ничего и не знала!

- Но вы видели результаты его применения. Вы точно описали мне сейчас его воздействие, и даже я, человек, который тоже далек от этого, догадался, о чем речь. А что говорить о специалистах... Вы ведь можете рассказать - и наверное уже рассказывали - обо всем том, что пережили тогда, что видели и слышали. Своим знакомым, друзьям, посторонним людям. И это непременно услышат те, кому нужно. Не от вас - в пересказе других людей. Только сегодня я понял, что вы и нашу жизнь - меня и моего товарища - подвергаете смертельной опасности. Если те люди знают, что вы встречались и беседовали с частным детективом, они вправе предположить, что теперь и я владею этой тайной. А именно этого они и не хотят - чтобы расползлся слух о наличии у тамошних спецслужб сверхсекретного современного оружия воздействия на психику людей. Чтобы сохранить это в тайне, они уничтожили Катю и Галину Романовну. И они весьма решительно настроены уничтожить вас. Лилит, я не Джеймс Бонд, я не могу вас повсюду сопровождать, охранять, отбивать вас от тех, кто на вас охотится. А пытается ликвидировать вас очень серьезная организация. Вы говорите, что в концертном зале возле вас был один человек с шприцем, там, на смотровой площадке, на вас напал другой, сегодня за вашей машиной гнался третий, не исключено, что утопить вас пытался

четвертый... Сюда прислали довольно мощную группу, поручив ей только одно: убрать вас, не вызвав ничего подозрения. И они в конце концов достигнут своей цели. У вас только один способ спастись, только один путь. Мы с вами вместе отправимся в спецслужбы государства Израиль, гражданкой которого вы теперь являетесь и на защиту которого вы имеете все права. Вы расскажете им все, я выложу свои соображения. После этого ваша жизнь не станет легкой, но это единственный для вас шанс остаться в живых.

- А чем они мне помогут? – тихо спросила девушка.

- Я не знаю. Конечно, вас замучат вопросами, выжмут из вас все, что можно - и непременно помогут. Может, изменят вам внешность, дадут новый паспорт с другим именем. Могут и так подстроить, что будто вы погибли в катастрофе: скажем, произойдет авария или теракт, в список погибших включат и ваше имя, ваша фотография появится во всех крупных израильских газетах, в том числе - и русскоязычных, ее покажут по телевидению. Сделают все, чтобы дезинформация о вашей, якобы, гибели дошла до тех, кто на вас охотится. Я понимаю, это тяжело, но вы должны это сделать. Если хотите остаться в живых.

Она молча кивнула. Тяжело было смотреть на нее. Она была растеряна, выглядела такой несчастной и беспомощной.

- Мы должны отправляться немедленно. Вам нельзя оставаться здесь. Один из ваших врагов погиб на трассе, которая ведет только в это поселение. Его приятелям нетрудно будет вычислить, куда вас увезли.

Макс и Лиля вышли из дома и направились к его машине. Я не видел ее лица, не знаю, плакала ли она. Но у меня на глазах выступили слезы, хотя я человек совсем не сентиментальный. Может, просто было обидно, что никогда больше ее не увижу. А увидев - не узнаю...

Ульяна Глебова

Долететь до Земли

1

- Людвиг! – крикнула Мария. – Не уходи! Людвиг!

- Замолчи! – крикнул в ответ муж. – Я всё решил!

Мария заплакала:

- Не уходи! Мы изолируем тебя в самую дальнюю каюту! Ты нас не заразишь!

- Радуйся, что я ухожу не к другой женщине! – мрачно попытался пошутить Людвиг и добавил: - Мне надо покинуть корабль! Ты забыла, что стало со всеми остальными?

Мария не забыла. За несколько дней двадцать человек экипажа уже погибли от космической чумы.

- Слушай внимательно! – резко сказал Людвиг. – Мы сейчас в подпространстве. Я всё запрограммировал. Вы точно попадете на Землю. Но ты должна перед выходом из подпространства обязательно проверить данные и, если надо, внести поправки. За пятнадцать лет может возникнуть довольно большое отклонение. Вы должны вернуться на Землю в 2111-м году! Ты же не хочешь промахнуться во времени на триста лет? Если ты не внесешь поправки, вы можете оказаться в прошлом или в будущем! Но, в любом

случае, по расстоянию отклонение не превысит ста километров. А если ты попадёшь не в своё время, то, скорее всего, у корабля уже не хватит энергии, и ты не сможешь опять выйти в подпространство, внести поправки и опять вернуться в наше время!

Мария плохо слушала Людвига. Она и так всё знала про поправки. Сейчас Марию волновал другой вопрос.

- Не уходи! – опять заплакала она.

Людвиг направился к спасательной шлюпке.

- К ребёнку не заходи! – крикнул он напоследок. – Может, ты уже тоже заразилась! Пусть Каспар остаётся в штурманской каюте!

2

Теперь в огромном космическом корабле было всего два человека – Мария Хаузер и её двухлетний сын Каспар.

За сутки Мария успела многое запрограммировать.

Теперь Каспар мог годами жить, не выходя из штурманской каюты.

Эта небольшая комната стала его автономным миром.

А единственным другом Каспара оказался довольно примитивный робот, внешне напоминающий средневекового рыцаря. Робот был металлический, но носил обычную человеческую одежду. Издалека робот казался обычным человеком. Но человеком, который постоянно ходит в рыцарском шлеме и в металлических перчатках. Робот мог говорить несколько слов по-немецки и доставал из маленькой ниши продукты, которые регулярно там появлялись. Позже Каспар сам хотел брать продукты из ниши. Но молчаливый робот несколько раз преграждал мальчику путь.

- Ты! Стой! – говорил робот.

И Каспар привык получать пищу и воду только из рук робота.

Большую часть времени робот проводил в стенном шкафу штурманской каюты. А когда робот уходил в шкаф, он всегда закрывал за собой дверь, и Каспар оставался в каюте один.

Мария не знала, какие продукты могли оказаться заражёнными. Поэтому она решила, что лучше Каспар будет получать только проверенные продукты из запечатанного неприкосновенного запаса.

До Земли предстояло лететь пятнадцать лет. Но Мария на всякий случай распределила продукты на шестнадцать лет полёта.

И долгие годы Каспар жил на скудном пайке, основу которого составляли хлеб и вода. Мяса он не пробовал никогда.

Когда мальчик подрос, он стал носить одежду штурмана. В шкафу было много одежды. Обувь Каспар не носил.

Единственной игрушкой мальчика была небольшая лошадка, которая случайно оказалась в руках Каспара, прежде чем его заблокировали в штурманской каюте.

Каспар чувствовал себя очень одиноким.

Он вырос в условиях, наверное, даже более тяжёлых, чем условия, в которых жил Маугли.

3

Дверь каюты имела маленькое стеклянное окошко, через которое Мария могла наблюдать за сыном. Но времени у Марии было мало.

На экран штурманского компьютера Мария вывела крупные слова: «Каспар Хаузер»!
Немка Мария никогда не видела старого советского фильма «Помни имя своё», но сделала так же, как героиня фильма, когда фашисты во время войны разлучали героиню с ребёнком.

Мария крикнула сыну сквозь дверь:

- Запомни! Ты – Каспар Хаузер! Не забудь своё имя!

4

Мария чувствовала, что она заболела. Ей оставалось совсем немного времени.

Она вернулась к пульту управления кораблём. На экране она видела сына в штурманской каюте.

Мария не собиралась покинуть корабль в спасательной шлюпке. Она не видела в этом смысла.

Главную задачу она выполнила. Мария знала, что Каспар благополучно приземлится в небольшой спасательной капсуле.

Когда придёт время приземления, робот отведёт Каспара к автоматической капсуле и отправит его на Землю.

«Надо ещё запрограммировать робота, чтобы он хоть чему-то научил Каспара», - подумала Мария.

Она протянула руку к пульту управления, но потеряла сознание.

Рука Марии упала на пульт, задела кнопку и перевела освещение корабля на аварийный режим. Сила тяжести в корабле автоматически стала равна половине земной силы тяжести – так всегда происходило при переключении на аварийный режим.

Корабль погрузился в полумрак.

При таком освещении Каспар Хаузер прожил долгие годы.

Мария больше не очнулась. Она упала на пол рядом с пультом управления и осталась там лежать.

Перед Каспаром все годы светился экран с надписью: «Каспар Хаузер».

5

Однажды ночью в 1828 году группа сатанистов увидела яркую падающую звезду. И сатанисты решили, что это – именно тот знак, которого они давно ждали. Но на этот раз они ждали не пришествия Антихриста, а второго пришествия Христа. Цель сатанистов тоже была понятной. Они хотели убить нового Христа, и как можно быстрее!

- Он появится где-то недалеко от нас! – воскликнул один сатанист.

- Точно в Европе! – поддержал второй. – Смотрите, куда падает звезда!

6

Каспар Хаузер благополучно приземлился в лесу, удачно вылез из спасательной капсулы, отполз от неё метров на двадцать, и капсула взорвалась.

Космический корабль еще десять лет был на орбите Земли, а потом сошёл с орбиты и затонул в Атлантическом океане.

Вот что писали газеты в 1828 году: «В город Нюрнберг вошёл юноша лет шестнадцати или семнадцати. Он был в диковинной одежде. Юноша шёл походкой человека,

привыкшего только сидеть или лежать.»

Почему-то в 1828 году никто не догадался добавить: «Юноша шёл походкой человека, который привык жить при половинной силе тяжести».

В газетах было написано так: «Таинственный юноша с трудом выговаривает те немногие слова, которые знает. Его развитие – как у двухлетнего ребёнка. Он боится яркого света и отличается кротким и добрым нравом. Полицейский протянул юноше лист бумаги и карандаш, и неизвестный вывел большими буквами «Каспар Хаузер». Одна за другой возникают версии появления таинственного найдёныша!»

Кто-то писал о Каспаре так: «Это - беспомощно бредущее в неведомом мире существо, у него - сонный взгляд, боязливые жесты, возвышающийся над измождённым и бледным лицом благородный лоб, на коем написаны мир и чистота...»

А Бергельсон писал так: «Каспар Хаузер стал загадкой века, занимавшей умы криминалистов, психологов, социологов, педагогов, журналистов и даже графологов. О нём существует обширнейшая литература.»

Официально считается, что тайна происхождения Каспара до сих пор не раскрыта.

В первый момент были люди, которые не верили Каспару. Некоторые считали, что он симулирует потерю памяти, чтобы «откосить» от призыва в армию. Но следствием было установлено, что Каспар – не симулянт.

Каспар быстро научился говорить. Было заметно, что он и раньше слышал немецкую речь.

Но люди реагировали на Каспара по-разному. Некоторые продолжали подозревать Каспара в том, что он – хитрый обманщик-проходимец.

Томас Манн нашёл для Каспара интересное определение: «пробный камень сердец».

И точно! Ситуация с Каспаром позволяла проявлять людям свои лучшие качества. Они могли заботиться об этом молодом человеке, который попал в неизвестный ему мир. Но даже те люди, которые сначала принимали участие в судьбе Каспара, позднее отворачивались от него. Не потому, что не доверяли ему! А просто, людям надоело заботиться о великовозрастном найдёныше, который не знал элементарных вещей.

Наверное, самая интересная книга о Каспаре Хаузере – это роман Якоба Вассермана «Каспар Хаузер, или леность сердца». Слова «леность сердца» относятся к окружению Каспара. Речь идёт всё о тех же людях, которые сначала «загораются» идеей помочь кому-то, а потом устают совершать благородные поступки и теряют интерес к тому, «кого приручили».

Но конечно, не все люди рядом с Каспаром оказались равнодушными, хотя, многие.

7

Один из сатанистов сказал:

- А почему Христос сейчас явился не младенцем, а взрослым парнем?

- Вот тебя он не догадался спросить! – засмеялся второй сатанист.

- Но этот Каспар какой-то недоразвитый! - продолжал сомневаться первый сатанист. –

Не похож он на Христа!

- Вообще-то, мы пока можем не торопиться, - кивнул второй сатанист. – Можем следить за этим Каспаром-Христом. Говорят, он очень быстро обучается... Убить всегда успеем. Но мы не будем дожидаться, пока Каспар войдёт в силу и осознает свою сущность!

- А вдруг он всё-таки не Христос? – спросил первый сатанист.

- Всё равно, его придётся убить! - сказал второй. – Мы не можем рисковать! Лучше убить лишнего человека, чем пропустить того, кого надо!

Сразу возникла версия о знатном происхождении Каспара.

Когда Каспар научился говорить, оказалось, что у него сохранились воспоминания о его прекрасной матери и о прекрасном дворце, в котором он жил в детстве. Но он не помнил, ни кто была его мать, ни где находился этот прекрасный дворец.

Вассерман придерживался версии, что Каспар – это внук Бонапарта, то есть - сын Стефании Богарне-Наполеон, которая была приёмной дочерью императора. А отцом Каспара Якоб Вассерман, соответственно, считал баденского герцога Карла-Фридриха.

Из отрывочных слов Каспара, люди сделали вывод, что Каспара – из политических соображений - украли у матери. Люди решили, что Каспар пришёл из леса, где он жил долгие годы в тёмном узком помещении – наверняка, в землянке. В заточении у Каспара всегда был свежий хлеб и вода. И единственный человек, которого видел Каспар, был тот, кто приносил ему пищу и воду. Каспар объяснил, что никогда не видел лица этого человека. Человек был в рыцарском шлеме. И почти ничего не говорил.

- Понятно! – многозначительно произносили люди. – Если похититель не хотел убивать Каспара, то он и скрывал своё лицо, чтобы Каспар никогда не смог опознать похитителя!

Каспара часто просили рассказывать о своём заточении. И он не заставлял себя упрашивать, а просто рассказывал.

Каспар так и не понял, что он совершил космическое путешествие в большом корабле. И даже не понял, что прилетел в капсуле с космического корабля на Землю!

Каспар помнил, как робот вывел его из каюты, провёл по длинному коридору, отвёл к спасательной капсуле, и закрыл Каспара в ней. Обзорный экран в капсуле не был включен. Полёт в капсуле Каспар так и не воспринял, как полёт.

Каспар какое-то время был в замкнутом небольшом пространстве... испытал перегрузки... почувствовал удар... автоматический люк открылся, и Каспар перелез через борт капсулы, так и не поняв, как он попал в лес.

Через год Каспар попытался рассказать о взрыве капсулы, но незначительный словарный запас и недоверие окружающих остановило Каспара. Он замолчал. И привычно закончил свой рассказ:

- Однажды этот человек взял меня за руку... Он вывел меня из темницы... Я шёл по лесу. Вышел на дорогу. Пришёл в город. И вот я здесь...

А подробно о земной жизни Каспара лучше всего прочитать в романе Якоба Вассермана.

В декабре 1833 года Каспару назначил встречу неизвестный человек. Каспару передали, что он должен прийти в условленное место, и там он узнает важную информацию о своей матери.

А Каспар, конечно, хотел узнать тайну своего происхождения. Кроме внешности Марии и её доброго отношения к сыну, Каспар не помнил ничего.

Каспар пришёл на встречу, а незнакомец-сатанист достал кинжал и нанёс удар в грудь Каспара.

Каспар дошёл до дома и вскоре скончался от полученной раны.

Убийство Каспара так и осталось нераскрытым.

10

- Несчастный Каспар! – воскликнула Мария Хаузер, когда поняла, что тоже заразилась космической чумой.

Мария говорила сквозь дверь штурманской каюты:

- Каспар! Я верю, что ты сможешь дожить до Земли! Жаль, что ты такой маленький! Ты совсем ничего не знаешь! Но главное – долететь до Земли! А на Земле тебе помогут! Там ты станешь главным героем Земли! Тебя будут показывать во всех «Новостях»! Ты станешь Всемирным Героем! Бедный Каспар! На кого я тебя оставляю? Несчастный Каспар!

11

Что ещё можно сказать?

К о н е ц.

Марина Ясинская

Venenum transformatium

Должностью адьютора судебного викария, совершенно невозможной для клирика столь юного возраста, я был обязан его преосвященству Готхарду, епископу Штраубингскому. В обычное время такой милости мне бы вовек не дожидаться, но сейчас времена тяжелые. Для Церкви тяжелые. Зато для её преданных служителей – времена больших возможностей: когда против нечисти и ереси крест отправляет огонь и меч, взлететь можно как никогда высоко.

Викарий епархиального суда, преподобный Йохан, оказался человеком верующим не только истинно, но и рьяно. Не счесть приговоров, на которых выводил я «*debita animadversione puniendum*» – «да будет наказан по заслугам», и не счесть пепелищ от костров, разложенных по округе.

Сему благому делу посвятил я себя со всем рвением, и вот, не прошло и года, как старания мои были отмечены. Епископ Готхард призвал меня к себе и, не мешкая, вручил мне *edictum*. Скрепленный печатью свиток я разворачивал дрожащими руками и не сразу понял, что в нём написано. А как понял – обомлел: *edictum* предписывал оказывать предьявителю сего всяческую помощь, ибо действует он во благо и по поручению самой *Inquisitio haereticae pravitatis, Sanctum Officium*, Святой Инквизиции.

Прозвучавшее же следом имя меня и поразило, и разочаровало – Дитрих фон Альбенрайх. Я мечтал совершать подвиги веры - искоренять ересь, приводить на костры ведьм и колдунов, а тут...

- Преподобный отец, для чего следить мне за этим достойным господином? – решил спросить я, хоть и понимал, что лучше бы мне принять поручение с благодарностью и, самое главное, молча.

Хотя легенд о Дитрихе фон Альбенрайхе не слагали, всё же молва о нём шла. Участник Швабской войны, он достойно показал себя, особенно в девяносто девятом, в сражении при Дорнахе. Но поскольку швейцарцы нас тогда разбили, бенефициумов из той кампании он не вынес никаких.

Прославился рыцарь позже, в пятьсот восьмом. Присоединившись к Камбрейской лиге, император Максимилиан отправил свои войска в Венецианскую республику, завоёвывать ему города Падую, Виченцию и Верону. Там-то и покрыл себя Дитрих славой. Бесстрашный и решительный воин, за беспримерную храбрость в боях он был наделён императором землями и званием барона. Правда, ни Падую, ни Виченцию, ни Верону Максимилиан так и не получил, но это к делу не относится...

Вот я и недоумевал, чем мог заинтересовать святую инквизицию этот прославленный рыцарь, достойный защитник веры, императора и Священной Римской Империи.

Епископ в ответ на мой неуместный вопрос поднял брови, и я сглотнул.

- Ересь, - наконец сказал он, глядя на картину, изображающую мученичество святого Себастьяна, - обитает не только среди черни, а в сговор с дьяволом вступают и благородные.

- Это что же, - изумился я, - Дитрих фон Альбенрайх с нечистой силой спутался?

- Скажем так, он вызывает у нас серьёзное беспокойство.

Не решившись ни о чем более расспрашивать, я смиренно приложился к перстню на среднем пальце правой руки – указательного у епископа не было, говорят, по недосмотру няnek ещё в детстве потерял - и удалился, оставив его преосвященство рассматривать истязаемого святого.

* * *

Почему Дитрих фон Альбенрайх вызывал у Святой Церкви серьёзное беспокойство, я понял при первой же встрече, ибо увидел его при таких обстоятельствах, что грешным делом подумал, а не лучше ли попроситься обратно к преподобному Йохану писать приговоры. Но за пазухой у меня лежал епископский edictum, чётко выписанные буквы Sanctum Officium горели огнём перед глазами, и в греховных мечтах своих я уже слышал, как обращаются ко мне - inquisitor a Sede Apostolica, инквизитор папского престола. И я раздумал.

Итак, когда я впервые увидел Дитриха фон Альбенрайха, тот возился у высокого костра. Помнится, меня ещё удивило, что доблестный рыцарь сам занимается таким делом, вместо того, чтобы поручить его палачу. Ещё больше меня удивило то, что народу вокруг поглазеть на зрелище почти не было.

Костёр благородный муж сооружал, надо сказать, со знанием дела – хворост бросал сырой, а брёвна укладывал высоко, так, чтобы огонь не разом вспыхивал, а разгорался медленно, постепенно, снизу вверх. Одобрительно наблюдая за действиями рыцаря, на собственно осуждённого я обратил внимание не сразу. Зато когда посмотрел, то ощутил, как замерло в груди сердце – привязанный к столбу невысокий мужчина с отёкшим от жестоких ударов лицом и круглой бородкой, скрывающей двойной подбородок, носил тонзуру.

Мне хотелось немедля вмешаться – нельзя сжигать человека, тем более каноника, без благословения Церкви. Но, памятуя наказания епископа вести себя так, чтобы Дитрих не замечал моего присутствия, я вынужден был лишь наблюдать, как рыцарь подносит к костру факел, как медленно, нехотя занимаются толстые брёвна, как сердито шипит, стреляет искрами сырой хворост.

Сжигаемый каноник молчал, и Дитрих молчал, а я терялся в догадках.

Когда огонь добрался до пяток привязанного, священник взвизгнул, забился в верёвках

и пронзительно закричал:

- Смилуйся, господин, я же тебе всё рассказал! Всё! И кто наговаривал, и кто допрашивал, и по чьему распоряжению! Ну не виноват же я, мне приказали! Я только приговор читал! Отпусти-и...

Огонь медленно поднимался все выше и выше, и каноник, захлебнувшись криками, вскоре дико, протяжно завыл.

Скрестив руки на груди, Дитрих молча замер рядом с костром, и ни один мускул не дрогнул у него на лице. И даже когда стих жуткий вой, и пламя скрыло и столб, и привязанного к нему каноника, рыцарь продолжал стоять, вглядываясь в огонь. Бушующее пламя отражалось у него в глазах, отчего их папоротниковый цвет выгорал, зато медовая кайма у зрачков будто бы впитывала в себя тусклое золото огня.

Лишь когда пепелище из красного сделалось седым, рыцарь круто развернулся и направился к небольшому эскорту, ожидавшему его чуть поодаль, вскочил на коня и рысью двинулся к замку.

С той поры в глазах Дитриха всегда отражался огонь костра. Но не того, который он разложил для каноника. Другого. Давно отгоревшего. О котором мне ещё предстояло узнать.

* * *

Дитрих не выезжал из замка несколько дней, и за то время, пока он затворничал, мне удалось разузнать немало интересного – благо, люди в округе были говорливые.

- ...Барон-то наш – с умом, не то, что некоторые. Ну возьмите вон Кунца из соседнего Лахстенттена. Тому что ни день – то потеха, пиры аль охота, али мейстензингера какого именитого приспичит ему выписать, чтоб гостей песнями развлекал, наподобие как у графьёв, честь по чести. Только у графьёв-то, небось, и земель поболее будет, и дохода, сталбыть. А Кунц из своих крестьян уж все соки выжал, житья нет. И думаете, святой отец, он один такой? Ха! Зато наш Дитрих, говорю вам, совсем иное дело...

- ...Раньше-то он набожен был, все службы исправно посещал. А как возвратился из похода на Артуа – словно умом сдвинулся. Ну, конечно, ежели целый год французов бить без передыху, то поотвыкнешь от мирной жизни. Но к клиру-то уважение всё равно иметь надо. А он, прости Господи, на самого приора накричал...

- ...Сталбыть, не только с округи ему везли, но и издалека - и из Ортенбурга, и из Хёмау, и из Деггендорфа. И даже высокородные приезжали, сам ландграф из Люхтенберга, сталбыть, дочь свою привозил, чтоб я сдох, ежели вру. Ну, а что тут такого – рыцарь-то Дитрих прославленный, императором отмеченный, с титулом и землей. Опять же, тридцать три годка, сталбыть, давно пора о продолжении рода побеспокоиться. Только наш барон что-то не торопился...

- ...Ньеска эта – девка, конечно, хитрющая была. Небось, мечтала, что он её под венец поведёт. Благородный рыцарь - да на дочке какого-то солевара? Ага! Ну, да, отец у неё, вроде, советником был в Зальзбурге, да всё одно – солевар. И потом, слыхала я, и не советник он более. Болтают, архиепископ тамошний пригласил в том году на Преображение всех советников и мэров к себе на званый обед, а потом запер в одной зале и не выпускал до той поры, пока не согласились они добровольно свои должности сложить...

- ...Баронессочкой стать хотела, вот чары и навела. Приворожила, как есть приворожила. Разве в своём уме выбрал бы он её вперед графских дочек? Ведьма. Поделом её сожгли!

Словом, говорили о рыцаре много и охотно. О Ньеске, дочке солевара из Зальзбурга, что жила в замке Дитриха два с лишним года, говорили не меньше. А то и больше –

особенно если говорили женщины. Зато о сожжённом священнике говорили мало и удивительно скупно:

- Это отец Иеронимус приговор Ньеске читал, перед тем, как спалить её.

* * *

Дитрих показался пять дней спустя – бледный от сумерек в каменных стенах замка, опухший от выпитого вина, и принялся разезжать по округе. Следовать за ним было несложно, следить незаметно – сложнее. Потому как ничего он тогда не делал, кроме как с разными людьми встреч искал и всё что-то выспрашивал, пытался. У одних - хитростью, у других – серебром, у третьих – вином. А у кого - и своим тяжелым двуручником – цвайхандером, либо плёткой.

Я же, понятно, далеко не всегда мог разговоры слушать, приходилось потом наверстывать. Для таких целей епископ мне и средства выделил – на случай, если edictum за подписью Sanctum Officium не возымеет действия. Думается, кое-кто здорово на нас с рыцарем обогатился. Сначала Дитрих серебром угостит, вслед за ним – я.

Не зная, что епископу Готхарду о деле известно, в своих ratios и relatio, отчетах и докладах, я поначалу подробно писал обо всем, что узнавал. И только потом стал понимать, что его преосвященство с этой историей знаком больше, чем другие, и очень даже неспроста послал меня следить за рыцарем.

Занятная выходила история. В одиннадцатом году Дитрих присоединился к походу на Артуа, оставив в своем замке девушку, с которой сожительствовал более двух лет, Агнес Хюммель. Вернувшись же из похода, в замке её Дитрих не застал. Поначалу ему сказали, будто бы сбежала она с каким-то проезжим риттером.

Рыцарь это сообщение принял близко к сердцу и принялся утешаться вермутом и полынным абсинтом. Тут-то по-пьяни и сболтнули ему – на самом-то деле сожгли твою Ньеску попы за ведьмовство. Дитрих – что с рыцаря возьмешь, он привык с плеча рубить - толком ничего не разузнав, перво-наперво схватил отца Иеронимуса, на которого указали как на исполнителя приговора.

Протрезвев же, Дитрих задался целью докопаться до сути, ибо наплели ему поначалу, будто Агнес вступила в соитие с дьяволом, порчу насылала, на помеле летала и на шабашах распутничала.

Но, как говорится, lügen haben kurze Beine, у правды короткие ноги. Как и когда попала Агнес на глаза молодому Рицу фон Обергрисхейгу, старшему сыну графа Регенсбургского, я не знаю. Знаю только, что она ему глянулась, и, не успев Дитрих отбыть в Артуа, граф стал нет-нет, да показываться в Альбенрайхе. Поначалу, говорили, он её обхаживал, словно благородную, по всем правилам куртуазии. Ну а когда взаимностью Агнес не ответила, Риц церемониться перестал, начал грозить силой взять. Однако, и так у него ничего не вышло. Да тут, к тому же, выяснилось, что Ньеска бастарда Дитриховского носит. Другой на месте графа плюнул бы – мало ли девок на свете. А Риц оскорбился – его, графа фон Обергрисхейга, наследника Регенсбурга, отвергла дочка простого солдара! - и задумал отомстить.

Et qui quaerit invenit – и ищущий находит. Находит, что бы он ни искал. И без того уже молва шла, что Агнес Дитриха чарами приворожила - немало окрестных дворян не простило, что Дитрих предпочел их дочкам солдара. Ну уж а сколько завистниц нашлось среди баб - каждая думала, что, коли их барон на неблагородных падох, на месте Ньески вполне могла бы быть и она. Риц мотал всё это себе на ус, мотал, и вот, не прошло и месяца, как по официальному поручению моего благодетеля, епископа Готхарда Штраубингского (и по тайной просьбе Рица фон Обергрисхейга) созвали духовный суд для расследования дела о ведьмовстве и чёрной магии.

Далее была процедура, мне досконально известная. Но, видимо, не так хорошо знакомая Дитриху. Когда приходской писарь, которого рыцарь мечом принудил обо всем поведать, рассказывал, как Агнес брили и, раздев, искали на теле ведьмины отметины, как допрашивали, как устрашали словами, а затем тисками и испанским сапогом, как поднимали на костёр перед празднично наряженной толпой... клянусь Богом, в глазах Дитриха стояли слёзы. Стояли они и после того, как он этому писарю шею свернул.

Но это всё Дитрих узнал потом. А прежде, охолонув после казни отца Иеронимуса, решил дознаться, правда ли Агнес его приворотом к себе привязала. Уж так упорно ему твердили, будто его Ньеска была ведьмой, что задумал он разыскать тех, с кем она творила своё колдовство.

Ох, где только не довелось мне побывать, следуя за рыцарем – и в глухих чащобах, и на болотах, и в развалинах древних замков, на языческих капищах и на проклятых кладбищах. Хоть и недолго я прослужил адьютором у викария, однако, в гордыне своей полагал, что ведьм повидал немало – ведь месяца не проходило без того, чтобы мы хотя бы одну не сжигали. Кроме того, «Malleus maleficarum» – «Молот ведьм» преподобных Инститориса и Шпренгера я выучил как Библию и думал, что ведьму распознаю без труда.

Следуя за Дитрихом фон Альбенрайхом по всей Баварии, на что только я не посмотрелся. Видел альвов и цвергов, зелиген и кобольдов, никсов, ферке, ундин и много другой нечисти, имен которых не знаю. Видел горы черепов и корни мандрагоры. Видел пары колдовского зелья, клубящиеся над котлами, видел женщин, летающих на помелах, видел женщин, рушащих деревья и подымающих в воздух валуны заклинаниями из арамейских и халдейских слов. Видел – и, прости, Господи, за малодушие, сомневался – а хватило ли бы одним креста и святой воды, если бы мы задумали на костёр отправить одну из таких ведьм.

* * *

Как я уже говорил, упорные поиски Дитриха заводили его в самые неожиданные места, так что порой не то, что следить – просто поспевать за ним было сложно. В безумной скачке, которую Дитрих предпринял от Деггендорфа до самого Баварского леса, до горы Оксенкопф, я думаю, сам дьявол за ним бы не поспел.

Именно там, на вершине Оксенкопфа, раз в году, в ночь перед Eхaudi ведьмы собирались на шабаш. Я туда, разумеется, не попал. Только наблюдал, прячась в лесу у подножья горы, за горящими наверху кострами, за летунами и летуньями, слушал их крики и хохот и, хоть и невелик я был травознай, все лучше различал в доносящемся до меня дыме ароматы колдовских трав – тирлича и охрилина, русалочьего цветка и паслёна, белены, шафрана и чего-то ещё, неуловимого, тошнотворного и тревожного.

Ну а Дитрих... Видно, крепкая была у рыцаря рука, и тяжёл цвайхандер, коли смог он себе не только туда дорогу проложить, но и обратно выбраться.

Дитрих провел на горе всю ночь, спустился только под утро, и не один, а с ведьмой. Говорил с ней о чём-то, да не просил – приказывал:

- На юг, к Штраубингу.

Затем вскочили: он на коня, она на метлу, и понеслись к югу – рыцарь верхом, ведьма лётном, над ним, немедля по выезду из леса перекинувшись в ворону.

Казалось, загонит Дитрих своего коня вусмерть – десять часов кряду галопом гнал. Как ни старался, от рыцаря я, конечно, поотстал – моя лошадь от такой скачки под Регенсбургом едва не пала, и пока я нового скакуна не достал, (а было это совсем нелегко, даже с едистом от инквизиции на руках), рыцарь намного вперед меня ушел.

Добрался до Штраубинга я только к нешпоре – и немедля отправился в резиденцию своего благодетеля, его преосвященство Готхарда. А там, после положенного в Eхaudi

торжественного богослужения, епископ собрал сеньоров со всей округи продолжать праздновать, но уже менее набожно, начавшийся цикл Пятидесятницы. Был там мой благодетель - епископ Готхард, был там Риц фон Обергрисхейг, наследник графа Регенсбургского, были многие знатные дворяне от Пассау до Нюрнберга со своими дамами. Был даже сам инквизитор Хенсель Шильтберх, *specialiter deputatus a Sede Apostolica*, специальный посол папского престола в Баварии.

Ревел камин, столы ломились от яств, медленно оплывали многочисленные свечи, в углу за огромным органиструмом сидело двое мейстензингеров, по-видимому, призванных услаждать почтенную публику музыкой. Но в тот миг, когда я вошел в залу, органиструм молчал. Молчала и публика. Ибо в самой середине залы, широко расставив ноги, стоял Дитрих фон Альбенрайх, а позади него горбилась связанная ведьма.

- ... Как истинный христианин, я счёл своим долгом выпытать и обо всех пособниках. Под устрашением эта ведьма согласилась указать мне на них, - расслышал я слова рыцаря. Говорил он резко, словно рубил. - Просила привести её сюда, утверждая, что один колдун сейчас сидит среди нас, - и Дитрих резко дернул за веревку: - Кто?

Ведьма закружилась, задергалась на месте, затрясла распущенными, черными с проседью космами.

- Вот! Вот он! - завизжала она, и её палец указал на Рица фон Обергрисхейга.

Резко вдохнули сеньоры, ахнули дамы, смертельно побледнел сам наследник графа Регенсбургского. В тишине, наступившей вслед за этим, отчетливо послышался смех епископа - сухой и частый, будто кто-то сыпанул гороху на древесный настил. Епископ открыл было рот, явственно собираясь во всеуслышание объявить Дитриха и ведьму в сговоре и лжи, но сказать ничего не успел.

- Юлишь, ведьма. Пособника своего покрываешь, - рявкнул на ведьму Дитрих. Рявкнул не зло - просто громко.

- На нём метки колдовские. Посмотри сам, если не веришь.

И, прежде чем кто-то успел сообразить, что происходит, Дитрих одним прыжком перемахнул через столы, обеими ладонями схватил Рица за голову. Потом, сжав ему горло одной рукой, другой наклонил его низко к столу и воскликнул:

- И правда! Смотрите!

По залу пробежался сдержанный ропот, жутко захохотала ведьма, какая-то дама пронзительно взвизгнула и лишилась чувств, а остальные немедленно осенили себя крестным знамением. Епископ разинул рот. Ибо из-под густой копны волос графа и впрямь показались рожки. Риц же, вывернувшись из рук рыцаря, схватился за голову, нащупал рога - и вдруг забился, словно припадочный, и взвыл диким голосом.

- Сжечь! Сжечь нечисть! - послышались крики.

Граф затравленно озирался. Епископ пытался что-то сказать, но за поднявшимся шумом не разобрать было ни слова.

- Ты ещё задницу, задницу ему проверь - у него там хвост! - перекрывая многоголосый гам, пронзительно верещала, надрывалась смехом ведьма.

Дитрих, не мешкая, стащил ошалевшего Рица со стула, крепко приложил тяжелой дланью по месту, которое предстояло осматривать, а затем немедля приспустил штаны. Если б сам не видел, ни за что бы на поверил - аккуратно из копчика проклюнулся хвост и стал расти.

Тут началось светопреставление. В зале поднялся гам, гости вскочили с мест, кто-то принялся что-то выкрикивать, кто-то заторопился вон, визжали дамы, опрокидывались кубки, падали перевернутые в спешке блюда и свечи, пахло вином, паникой и палёным.

Дитрих, тем временем, заметно побледнел. Медленно закатал себе рукав - и тогда и я, и все остальные увидели, как прямо на наших глазах на коже рыцаря начинают набухать темные опухоли-бобы.

- Чёрная смерть! – охнул Дитрих и оглядел зал мутными глазами.

- Это ж Риц-колдун чуму на него наслал! – выкрикнул кто-то. – На костёр! На костёр колдуна!

На лбу у рыцаря проступала темная опухоль, над губой показались крупные капли пота. Дитрих зашатался - и вдруг тяжело осел на пол. Рядом с ним визжал, брыжжа слюной, бился в конвульсиях и приспущенных штанах наследник Регенсбурга, разоблачённый колдун.

Во всеобщей панике никто не заметил, что ведьмы, которую привел с собой Дитрих, и след простыл.

* * *

Как жгли графа фон Обергрисхейга, я не видел. Куда унесли рухнувшего на пол Дитриха – тоже. В сутолоке, суматохе и спешке я бессмысленно стоял на месте, не в силах сообразить, куда бежать, за что хвататься, от кого спастись и кого спасти.

Из ступора меня вывел епископ Готхард. Болезненно-бледный, он велел мне исповедать умирающего Дитриха. Грешен я, Господи, слаб духом – перспектива оказаться рядом с заражённым смертельной болезнью меня испугала. Но епископ уже протягивал мне свою изувеченную руку без указательного пальца, и я, покорно приложившись к перстню с красным камнем, ушел готовиться к *extrema unctio*.

Дитрих лежал в камерке, его лицо и тело плотно скрывали повязки, долженствующие предотвратить распространение заразы. Но даже так прикоснуться к нему я заставил себя с большим трудом.

Тяжело дыша и порой срываясь на хрип, Дитрих каялся. Говорил торопясь, хотел успеть признаться во всех *reccatum mortalium*, смертных грехах, чтобы войти в царствие небесное прощённым.

Его предсмертная исповедь меня ужаснула.

...Узнав-таки истинную причину сожжения Агнес и его нерождённого ребенка, Дитрих задумал отомстить виновным, отомстить во что бы то ни стало своим двум новоявленным врагам – молодому графу, наследнику Регенсбурга, и епископу Готхарду. И отомстить страшно. Отомстить так, чтобы они сами пережили то, на что обрекли невинную. Не просто убить – нет, этого было мало. Дитрих хотел, чтобы сама Церковь их прокляла и возвела на костёр.

На шабаш рыцарь явился с вполне определённой целью – требовать, чтобы ведьмы сварили ему *venenum transformatium*. На один день это зелье наделяет окунувшегося в него человека колдовской силой, которая исчезнет вместе с последним лучом заходящего солнца, - силой по своему желанию преобразовать своё тело или тело любого, к кому он прикоснется. Уж не знаю, посулами или угрозами, но рыцарь своего добился...

Сообразив, что сказал Дитрих, я рванулся к оконцу кельи и выглянул во двор. Поздно. Слишком поздно. Пока я готовился к *extrema unctio*, пока читал молитвы над Дитрихом, пока слушал его несвязную исповедь, тело Рица фон Обергрисхейга уже обгорело до черноты.

Не дослушав умирающего, я рванул вниз, во двор, стремясь разыскать его преосвященство епископа Готхарда. Тщетно выглядывал я его в толпе – епископа нигде не было. Отчаявшись найти своего благодетеля, я увидел высокую, худую фигуру инквизитора Хенселя. Пробился к нему, ухватив за рукав сутаны, задыхаясь, захлёбываясь словами, выплеснул:

- Дитрих в сговор вступил с нечистой силой... *Venenum transformatium*... Невинного сжигаем...

Инквизитор оказался человеком рассудительным и понятливым. Разобрав мои путаные

речи, он издали размахисто осенил крестным знаменем костёр, промолвив спокойно и равнодушно:

- Невинно убиенное чадо своё Господь распознает.

Потом круто развернулся и распорядился:

- Дитриха – на костёр. Отречём и сожжём – как колдуна. Несите скорее, пока он ещё жив.

Новый костёр соорудили на диво проворно – к тому времени, когда на площадь приволокли Дитриха, все было уже готово. Тело рыцаря вяло трепыхалось в руках несущих его слуг, из-под плотных повязок, скрывающих лицо и страшные черные опухоли-бобы, едва слышно доносились хрипы и сдавленные стоны.

Обычно перед сожжением полагалось проводить торжественный ритуал, во время которого проповедник пространно предостерегал народ от коварства дьявола и его приспешников и торжественно исключал осуждённого из лона Церкви. Но инквизитор так торопился отречь Дитриха от Церкви и обречь его тем на смертные муки в аду прежде, чем тот испустит дух, что пренебрёг проповедью.

И вот уже прозвучали так хорошо знакомые мне слова - *debita animadversione puniendum*, да будет наказан по заслугам, и к костру поднесли факел. Хворост, на этот раз сухой – не до зрелищ! – занялся мгновенно, и живо побежал вверх по брёвнам.

Я перевел дух – правосудие свершилось. В суете и хаосе криков, мыслей и толкающихся людей я ещё не успел осознать, что совершил грех Иуды, нарушив священное таинство исповеди...

Однако, что-то не давало мне покоя. Меня не оставляла назойливая мысль, что в поднявшейся панике, в суете и смятении я упустил, проглядел что-то важное. Важное – и совсем очевидное...

Сам не понимая зачем, я пробился к костру так, что жар обдавал мне лицо. Сожрав хворост внизу, огонь ещё только побежал вверх по брёвнам. За густым дымом перемотанного плотными повязками лица осуждённого не было видно. Но мне и не надо было смотреть на лицо. Ужасная догадка переросла в уверенность. Я увидел показавшуюся в прорези широкого балахона правую руку приговорённого. Руку, на которой не хватало фаланги указательного пальца...

Когда совершили подмену? Видимо, пока я бежал вниз, к костру, пока беседовал с инквизитором, помощники Дитриха, воспользовавшись поднявшейся паникой, незаметно схватили епископа, оглушили, заткнули рот кляпом, обмотали повязками, скрывающими лицо, и оставили в келье - вместо пораженного чёрной смертью рыцаря.

«*Venenum transformatium!*» - запоздало сообразил я. Преображающее зелье, дающее окунувшемуся в него силу до самого заката прикосновением менять себя и людей. Начаровать врагу хвост и рога, выставив его колдуном, а себе - признаки смертельной заразы, и обставить это так, чтобы все подумали – это разоблачённый колдун болезнь наслал. А потом разыграть перед приставленным соглядатаем спектакль с исповедью, и отправить на костёр теперь уже епископа.

Все эти мысли промелькнули у меня в голове в один короткий миг. Я открыл было рот, чтобы во второй раз за день заявить, что мы опять сжигаем невинного. Открыл - и тут мне в спину болезненно упёрлось острое ножа.

Я обернулся.

«Только попробуй», - явственно говорили мне глаза, давно потерявшие свой папоротниковый цвет.

В грязно-сером балахоне с капюшоном, скрывающем фигуру и лицо, Дитрих фон Альбенрайх, совершенно здоровый – ни следа чёрных опухолей-бобов, железной хваткой сжал моё плечо, в зародыше прерывая возможные попытки сопротивления. Глядя в пылающие глаза рыцаря, я вдруг понял, почему ведьмы с Оксенкофа не посмели его

ослушаться.

Конечно, я мог бы закричать. Наверное, мне следовало бы попытаться спасти епископа Готхарда от костра. Пусть даже и ценой собственной жизни. Но... я так и остался стоять – не шевелясь, не в силах сдвинуться с места или хотя бы отвести взгляд. Стоял и смотрел в глаза, полыхающие тусклым золотом костра. Но не того, на котором горел отлучённый от Церкви, будто еретик, епископ Готхард, а совсем другого – того, который давным-давно отгорел.

* * *

В себя меня привел *specialiter deputatus* папской инквизиции, Хенсель Шильтберх. Он нашел меня сразу после того, как пепелище подёрнулось сединой, и коротко отметил мое рвение и заслуги перед *Sanctum Officium*, святой инквизицией. Только тогда я осознал, что в мою спину более не упирается острое ножа.

Я молчал, не в силах произнести ни слова. Я понимал, что не смогу сообщить, кого мы только что на самом деле сожгли на втором костре. Потому что если признаюсь, меня немедленно – и обоснованно – обвинят в соучастии страшному заговору. И то, что содействие мое было суть бездействием, да ещё и подневольным, ничего не изменит. Ради спасения невинного священник должен быть готов пожертвовать собой, как сделал это для всех нас, грешных и недостойных, Христос. Да, я знаю... Но не страх обвинений держал мой рот на замке, а полыхающий тусклым золотом отгоревшего костра взгляд. Я боялся Дитриха фон Альбенрайха, боялся до колик в животе, до слабости в коленях и дурмана в голове. Боялся – и ничего не мог с этим поделать. Я знал, что если кто-то когда-то и докопается до истинной сути произошедших событий и во всеуслышание заявит о том, то этим кто-то точно буду не я.

...Епископа Готхарда, разумеется, не нашли, хоть искали долго и упорно. А потом всё от того же инквизитора Хенселя пришло распоряжение – он назначал меня на должность епископа Штраубингского.

Я старался, как мог. Положил все свои силы на охоту на ведьм – потому в Штраубинге не проходило недели без того, чтобы не горел костёр. Случалось, сжигали на нём и настоящих ведьм.

Виновен и грешен. Каюсь. Каюсь в малодушии и слабости, гордыне и молчании. Господи милостивый, каюсь...

Святой отец, отпустите мои грехи.

Закрыв глаза испустившему дух епископу Штраубингскому, каноник Петер Книц, доминиканец из аббатства Санкт-Эммерама, что под Регенсбургом, вернулся к себе в келью. Там он, явно сдерживая нетерпение, старательно наточил перья, а потом долго думал над чистым листом. Когда же, наконец, он обмакнул перо в чернила, лицо его было решительно, и тщательно продуманные слова быстро появлялись на бумаге.

«Его Преосвященству Амброзию I Мюнзеру, аббату Санкт-Эммерама. Сегодня, восьмого ноября года Anno Domini тысяча пятьсот тридцать четвертого, я совершал последнее помазание епископа Штраубингского. Из его предсмертной исповеди стали мне известны некоторые важные сведения, которые я считаю своим долгом немедленно довести до вас.

Без сомнения, вы помните непонятные события, имевшие место в Штраубинге на Eхauidi, года Anno Domini тысяча пятьсот двенадцатого. В городе едва не разразилась чума, по обвинению в колдовстве сожжѐны были наследник Регенсбурга и барон фон

Альбенрайх, без следа пропал предыдущий епископ Штраубингский, Готхард. И виной всему этому, как узнал я из предсмертной исповеди только что почившего епископа, был он сам. Ибо множество смертных грехов совершил он, но, помимо прочих, повинен он и в самом страшном для священника грехе, грехе Иуды – нарушении тайны исповеди. Совершив сей грех, явился он тем самым первопричиной событий трагических и необратимых. Ибо если бы не нарушил он тайну исповеди, жив бы был епископ Готхард и много других людей, хоть и менее важных.

*Подробности я изложу вашему преосвященству при личной встрече, однако считаю своим долгом о сем прискорбном факте поставить в известность немедленно. Клириков, тайну исповеди нарушивших, полагается лишать сана, буде они даже столь прославлены рьяным служением своим на благо Церкви как почивший. И хотя епископ дух испустил, за грехи его, особенно грех Иуды, и страшные последствия, к которым сие деяние привело, предлагаю лишить его сана посмертно. Таким образом, *debita animadversione puniendum*, да понесет наказание по заслугам священник, нарушивший тайну исповеди, даже если он уже преставился, да будет он гореть в аду.*

Смею также надеяться, что усердие мое не обойдет ваше внимание и хочу заверить, что и впредь буду служить вам верой и правдой, донося полезные вашему преосвященству сведения. За сим остаюсь, покорный ваш слуга,

*Pontifex a Sede Apostolica
Петер Книц».*

1. Venenum transformatium - преобразующее, превращающее зелье (лат.).
2. Мейстензингер - член профессионального цехового объединения поэтов-певцов в Германии в XIV—XVI веках.
3. Ritter – всадник, рыцарь (нем.).
4. "И ищущий находит" - Евангелие от Матфея, 7:8
5. В западной традиции – седьмое воскресенье после Пасхи.
6. Вечерня - молитва в 16:30 вечера.
7. "Последнее помазание" - в средневековой западной традиции таинство, принятое совершать над умирающими людьми. Включает в себя елепомазание, исповедь, покаяние и прощение грехов.

Александр Тарнорудер

Послать подальше

Есть два вида человеческой деятельности, которые я, впрочем, как и все прогрессивное человечество переношу с трудом: стояние в пробках и поиски стоянки. И гораздо приятнее наслаждаться зеленью в собственной деревне, чем тащиться на машине в Тель-Авив, где все прелести урбанизации сразу же дают себя знать.

В тот день я спешил в архитектурную мастерскую на улице Арлозорова в самом сердце Тель-Авива недалеко от Кикар-ха-медина. И надо же, какая непруха – большая и удобная стоянка прямо за театром Бейт-Лесин оказалась забитой под завязку. Мне не хотелось,

чтобы именно меня долго ждали, поэтому, посмотрев со злостью на очередь машин перед опущенным шлагбаумом, я отправился дальше по улице искать свободное место у тротуара. Я на всякий случай всегда держу в бардачке EasyPark – электронный билет для парковки, очень удобный для стоянки у раскрашенного сине-белым бордюра. И, о счастье – не прошло и минуты, как мне за ближайшим углом подвернулось замечательное место. Но жизнь упорно не торопилась приобретать вкус малины: EasyPark отказался подать хоть какие-нибудь признаки жизни. То ли батарейка подседа, то ли он просто перегрелся на израильском солнце, но факт тот, что за стоянку надо было каким-то образом заплатить, чтобы не прилепили горчишник.

«Давненько я не брал в руки одноразовых билетов», пронеслось у меня в голове. Но эти билеты еще пойдешь найди, и у меня не было никакого представления, где можно их купить. Проклиная все на свете, я вырвал из блокнота лист бумаги и накарябал слезливую записку потенциальному инспектору, что EasyPark внезапно сдох, и как только – так сразу, я, как образцовый гражданин, повешу на окно положенный билетик. Означенное письмо я поместил под ветровое стекло со стороны тротуара, положив на него злосчастный прибор. Поколебавшись, я решил указать на записке время.

Из кондиционированного салона машины я вывалился во влажную тель-авивскую сауну. Стараясь держаться в тени домов, с максимально возможной в сентябрьской жаре скоростью, я отправился назад по переулку к входу в театр, чтобы справиться у местных жителей, где можно раздобыть стояночные талоны. На скамейке под деревьями неподалеку от театра расположилась женщина в легком голубом платье. Ее седые волосы, открывая высокий лоб, были прихвачены черным пласмассовым обручем. Рядом с ней стояли два пластиковых пакета с продуктами из ближайшего супермаркета.

Естественно, я направился прямо к ней.

– Ой, – была ее первая реакция, – это не близко, вам надо перейти площадь. – Она махнула рукой в сторону Кикар-ха-медина. – Там обычно стоит мороженщик, который продает билеты.

Ее «ой», по всей видимости, относилось к тому, что в два часа дня мне предстояло пересечь раскаленную солнцем огромную круглую площадь. Надо было решить, что предпринять: вернуться к машине и проехать обратно или пешком перейти площадь в обоих направлениях. Выругавшись про себя, я выбрал второе – уж очень жалко было потерять такую редкостно удобную парковку, а за четверть часа может, еще и не прищучат. Поблагодарив женщину, я собрал всю свою силу воли и отправился через площадь. К моему удивлению всего минут за семь я достиг передвижного киоска с мороженым, при моем приближении огласившим окрестности традиционной «Кукарачей».

– Ой, – владелец киоска не был оригинален в выражении своих мыслей, – я действительно продавал билеты, но это было лет десять назад. А теперь их продает дама из «Лото», как раз на той стороне – он махнул рукой в сторону театра, откуда я и пришел.

На этот раз я выругался отнюдь не про себя.

– Залезай, – мороженщик сделал приглашающий жест, – все равно пришло время сделать кружок.

– Никогда не ездил в будке с мороженым, – сказал я, устраиваясь рядом с ним, – наверное, это мечта каждого ребенка.

– Прошли времена, когда это было так, – мороженщик, зажав в зубах сигарету, снова включил свою шарманку и лихо понесся вокруг площади.

– Прожить-то можно? С мороженого?

– Да можно... – он глубоко затянулся, – только если тебе уже ничего не надо...

Приехали вот...

– Спасибо, – я спрыгнул на асфальт и побежал через улицу к павильону «Лото».

Обратная дорога заняла всего пару минут.

Зажимая в потном кулаке веер из пяти парковочных билетов, я завернул в переулок к своей машине. Возле нее уже пристроилась девица в белой блузке и черной юбке, подозрительно смахивающая на муниципального инспектора. Подойдя ближе, я убедился, что она действительно заполняет штрафную квитанцию.

– Извините, – пробормотал я, – но я не наврал в записке про EasyPark. Талоны вот покупал, так получилось... Даже через площадь бегал... Может, не надо так сразу...

Девушка никак не отреагировала на мои слова, даже не оглянулась, как будто меня не существовало на свете.

– Ну-у-у... я вас очень прошу, – затянул я безо всякой надежды, когда над головой раздалась все та же «Кукарача».

– Тебе-то чего надо? Езжай себе, – девица оторвалась от квитанции и недовольно уставилась на моего давешнего знакомца.

– Мерав! У тебя совесть есть?! Человек через всю площадь бежал, талоны искал! Я вот его с того конца подвез, а ты!.. А ты!..

– Не мешай работать, Ехезкель.

– Слушай меня! Если ты эту сраную бумагу сейчас не порвешь, то я Игалю скажу, чтоб бежал от тебя без оглядки!

– К черту вас всех! – инспекторша рванула квитанцию, с хрустом слепила из нее комок и швырнула через открытое окно в Ехезкеля. Она ударила ногой по подставке своего синего мотороллера и сорвалась с места.

– Угораздило моего племянника влюбиться в эту стерву. Представляешь? Свекру будущему – тому тоже вклеила штраф за стоянку! Еле уговорили отменить. Ну, будь здоров!

– И ты, Ехезкель, будь.

«Восток – дело тонкое», подумал я, стирая ключом от машины защитный верхний слой с парковочного талона, чтобы обозначить время стоянки. Голова моя давно уже взмокла, и воротник от рубашки прилип к шее. Но опаздывал я на встречу всего лишь минут на десять, что отнюдь не превышало средний уровень израильского пофигизма. Мечтая о стакане холодной воды, теперь уже с папкой в руках, я в третий раз проследовал по переулку мимо театра Бейт-Лесин на засаженную деревьями тенистую улицу Арлозорова, через раскаленный перекресток, где и тень от фонарного столба воспринимается как нечаянное благо. А в запарке я не сообразил купить у Ехезкеля мороженого.

Ровно через неделю я был на том же месте в то же самое время. Только на сей раз мне повезло больше – можно было свободно заехать на стоянку возле театра. Да и влажность не казалась такой высокой. Я шел по тому же переулку мимо перекрестка и скамейки под деревьями наискосок от театра, на которой сидела все та же женщина со светлыми волосами, пославшая меня через площадь. Завидев меня, она поспешно подхватила свои сумки и заторопилась прочь. Я остановился и посмотрел ей вслед. Она явно мне кого-то напоминала. Я только никак не мог вспомнить, где я мог с ней встретиться. Она удалялась, а я пялился сзади на ее стройную крепкую фигуру и ругал себя за склероз. На ней опять было все то же голубое платье, туфли на низком каблуке, тот же черный обруч в волосах. Задумавшись, я брел по улице Арлозорова, когда мои мысли прервала знакомая «Кукарача».

– Эй! Как дела? Стоянку нашел? – крикнул мне из окна Ехезкель-мороженщик.

– Нормально, а ты как?

– Живем помаленьку.

– Ну, будь.

– И ты будь.

На этот раз в архитектурной мастерской собралось много народу – практически все

участники нашего проекта – и было решено застолбить постоянное время: каждое воскресенье в два часа пополудни. Я был единственным, кто возражал против времени и места, поскольку не хотел начинать неделю с того, чтобы возвращаться домой, продираясь через кошмарные тель-авивские пробки, которые вместо обычных минут тридцати отнимали у меня полтора часа.

Следующий мой визит прошел в точном соответствии со сценарием предыдущего: знакомая женщина быстро покинула скамейку в тени деревьев, а потом меня приветствовали «Кукарачей» и дежурным «Как дела?» А еще через неделю я вспомнил замечательный старый фильм «День сурка», в котором герой Билла Мюррея застревает в одном и том же дне 2 февраля. Он просыпается каждым утром ровно в шесть часов и проживает заново один и тот же день в абсолютной независимости от событий накануне. Ему никак не удается из этого дня вырваться, чтобы он ни делал: дебоши, дикое пьянство, даже самоубийства. Это продолжается, пока он не завоевывает сердце своей прекрасной избранницы в исполнении Энди Макдауэлл. Правда, в отличие от фильма, где с неуклонной точностью с шести утра повторялась вся цепочка событий, в моих воскресеньях, помимо довольно скучной компании проектантов, участвовали всего два персонажа: Ехезкель и женщина со светлыми волосами. Если поведение мороженщика я еще мог объяснить постоянством маршрута, привычками клиентов, возвращавшихся в это время из школы, то дама являлась полной загадкой. Во многом потому, что я никак не мог отделаться от мысли, что где-то встречал ее раньше.

Я просыпался под утро и долго перебирал в памяти людей, с которыми мне довелось пересечься в Израиле. А к очередному воскресенью я решил, что обязан поговорить с незнакомкой. Я подумал о ее возрасте, но не смог даже приблизительно определить, сколько ей лет. Примерно в час с четвертью, вооружившись бутылкой холодной воды, я уселся на знакомой скамейке. Стояла она перпендикулярно улице Вайцмана, так что взор мой был обращен в сторону театра. Ждать мне пришлось около двадцати минут. Женщина появилась у меня из-за спины. На этот раз вместо привычного синего платья на ней была белая блузка с довольно откровенным вырезом и широкие развевающиеся на ветру черные брюки. Она помедлила какое-то мгновение, решая, что ей предпринять, но почти сразу подошла и села слева от меня. Пристроив пакеты со снедью на скамейке, она потянулась рукой к обручу, стягивавшему волосы, и встряхнула головой. Седина при ближайшем рассмотрении оказалась роскошным пепельным цветом.

– Наоми, – сказала она и, подняв руку, сдвинула с левого плеча край блузки.

Я естественно с большим вниманием следил за ее движениями. На плече или уже на груди красовалась маленькая красная татуировка «Наоми». Наверное, у меня было слишком идиотское выражение лица, потому что Наоми рассмеялась, подхватила пакеты и быстро двинулась по улице в сторону театра.

– Меня Ашер зовут, – крикнул я ей вслед.

– Пока, Ашер, – она, обернувшись, посмотрела на меня, но скорости не сбавила.

В тот же момент я вспомнил, где я ее встретил.

Тринадцать лет назад в девяносто пятом году я направлялся на свое первое серьезное интервью. С ивритом, естественно, было неважно. Задать вопрос с грехом пополам я еще мог, а вот понять, что мне быстро и гортанно говорят в ответ – увольте. Путь лежал из Нетании в Холон с пересадкой на центральной тель-авивской станции. Тогда это была еще старая центральная станция, если кто помнит, с массой маленьких киосков, лотков и закоулков, заполненная пестрой и шумной толпой. Нигде раньше я не видел такого бардака, а если учесть, что я попал сюда впервые... Долго ли, коротко ли, но все усилия выяснить, где находится остановка нужного мне автобуса, уходили впустую. Я не понимал, что мне говорят и куда посылают, и кидался в разные стороны, как бездомная собака. Время шло, и я с отчаяния переключился на русский и английский в надежде, что

на этих языках я пойму больше.

В конце концов, мне повезло – я наткнулся на говорящую по-английски девушку, готовую мне помочь. И выглядела она шикарно: высокого роста, статная, с красивым лицом и копной пепельных волос, одетая в защитного цвета брюки и обычную мужскую майку. Лифчика на ней не было, и майка чисто символически прикрывала ее грудь, на которой с левой стороны красовалась маленькая красная татуировка «Наоми». А если учесть, что мы довольно быстро двигались через плотную толпу, то ее грудь проделывала под майкой весьма притягивающие глаз движения.

– Вот он! – Наоми показала на стоящий автобус, когда мы завернули в какой-то проулок.

В этот момент водитель уже собирался трогаться. Наоми добежала до передней двери и заколотила в нее кулаком. Мне бы водитель точно не открыл, но перед такой девушкой он не мог устоять. Не спрашивая о пункте назначения, водитель назвал цену билета, и если бы я находился во вменяемом состоянии, меня бы насторожила запрошенная сумма. Но я не торгуясь заплатил и пристроился на свободное место в середине автобуса. Минут примерно через десять меня посетила мысль, что что-то здесь не так. Я знал, что ехать недолго, но за это время автобус не сделал ни единой остановки, напротив, он выехал на магистраль и набрал скорость.

– Мне до Холона, – сказал я сидевшему рядом пареньку.

– Что? – удивился он.

– Холон, промзона, – выдал я заученные слова.

– Беэр-Шева. Понимаешь? Бе-эр-Ше-ва!

– Мне нужен Холон.

– Это экспресс до Беэр-Шевы.

– Холон. Промзона.

– Автобус идет в Бе-ер Ше-ву.

– А Холон?

– Ты не туда едешь.

– А куда?

– В Бе-ер Ше-ву.

– Так мне не туда?

– Тебе не туда, если ты не хочешь в Беэр-Шеву.

– А когда он остановится?

– Он не останавливается. Экспресс. Understand?

– Не understand. Можно его остановить?

– Нет. Это экспресс.

– Холон! Интервью! Промзона! Резюме! – я настолько смешался, что весь мой и так небольшой запас иврита мгновенно улетучился.

– You took the wrong bus!

– Tell the driver to stop!

– I can try.

Мой спутник, хватаясь за сидения, направился к водителю. По их жестике я понял, что водитель посылает паренька гораздо дальше Беэр-Шевы. Но тот и не собирался отступать, даже стукнул кулаком по перегородке. Автобус, наконец, сбросил скорость и остановился у какого-то перекрестка.

– Do yourself a favor and take a taxi, – сказал на прощание мой случайный попугчик, когда я выпрыгивал из автобуса.

Я находился в совершенно незнакомом месте, на богом забытом перекрестке, не имея никакого понятия, как мне вернуться обратно. Оставалось только последовать совету попугчика и поймать такси. В итоге я опоздал почти на час. Мой будущий шеф выслушал

мои объяснения, засмеялся и сказал:

– Тебя стоило бы взять на работу только за одну эту историю.

Что он и сделал, заплатив, кстати, и за автобус и за такси. А я еще долго вспоминал красотку по имени Наоми с пепельными волосами, пославшую меня черт знает куда.

* * *

Я поднялся со скамейки и направился на свою еженедельную встречу у архитектора. Надо же, думал я, как судьба играет с человеком: через столько лет я опять наткнулся на ту же самую женщину, и она снова послала меня совсем не туда, куда надо. Вместо того, чтобы просто указать на стоящий рядом лотерейный киоск, она заставила меня бежать через площадь в поисках мороженщика. Она ведь не могла не знать, что парковочные талоны продаются здесь рядом. Интересно, что и на этот раз все обошлось благополучно – мне удалось избежать штрафа.

Я не успел на зеленый и остановился у перекрестка на привычном месте в тени фонарного столба, дожидаясь, пока светофор не совершит еще один полный цикл.

– Эй! Как дела? Стоянку нашел? – рядом со мной остановился Ехезкель .

– Нормально, а ты как?

– Живем помаленьку.

– Слушай, ты Наоми знаешь?

– Голландку? Да кто ж ее не знает! У нее винтиков в голове не хватает.

– Красивая женщина.

– Это да, только мужики от нее бегут.

– Почему?

– Не знаю, странная она.

В этот момент светофор переключился, и в ту же секунду стоящие за Ехезкелем водители подняли нетерпеливый перезвон.

– Ну будь, – он улыбнулся мне, поднял руку в знак приветствия и, поспешно дернув рычаг скоростей, тронулся с места.

Я перешел через улицу и продолжил свой путь под деревьями. Наоми вызвала на поверхность целый пласт воспоминаний о самом первом периоде жизни в Израиле, который давно уже, казалось бы, стерся из памяти. Первая работа техником по приборам на заводе недалеко от Хайфы, и удивление сослуживцев как мизерной зарплате, так и самому факту нахождения дипломированного инженера (чему как-то не верили) на этой работе.

Поверили после одного забавного случая. Работяги сверлили отверстия в железной балке – сверлили мощной дрелью фирмы «Bosch» и щедро поливали балку специальной охлаждающей жидкостью, но она все равно не поддавалась, а только плавилась сверла и воняла горелым. По моему скромному мнению, угол заточки сверла совсем не соответствовал материалу, но... Кто будет слушать какого-то подозрительного типа с купленным дипломом. Пришлось поспорить на ящик пива, что после правильной заточки не понадобится никакой охлаждающей жидкости, более того – сверло войдет в железо, как в масло. Под довольно непристойные шутки я пошел точить сверло. Всего-то и делов, что надо было примерно вдвое уменьшить угол атаки... Первая же попытка окончилась моим сокрушительным триумфом: сверло, выдав идеальную спиральную стружку, моментально прошло через железо и сломалось, наткнувшись на бетон. Любой ученик слесаря из ПТУ сделал бы то же самое, что и я.

Но вот Наоми продолжала упорно сидеть в моей голове и не давала покоя. Какая-то загадочная личность, она и через столько лет оставалась очень красивой женщиной.

Очередное воскресенье выпало в середине недели Суккота, и по этому поводу нашу обычную двухчасовую встречу перенесли на одиннадцать утра. По мне, могли бы и совсем отменить – никто бы не умер, но на дорогах в этот день было гораздо свободнее.

Пропустив машины, идущие мне навстречу по улице Вайцмана, я привычно поворачивал в переулок за театром, как прямо передо мной из-за деревьев возникла женская фигура. Я резко и со скрипом затормозил, так что между машиной и женщиной оставалось еще по крайней мере метра полтора. Женщина обернулась от неожиданности, сделала шаг в мою сторону и обрушилась на капот. В первый момент я опешил, но сразу же появилась мысль, что она хочет воспользоваться моментом, чтобы вымогать деньги. Я выскочил из машины, озираясь в поисках свидетелей, но на мое несчастье прохожих не было. Она подняла голову, и я узнал в ней Наоми: ее волосы скрывала тугая черная косынка, а одета она была в какой-то мышинового цвета бесформенный балахон. Когда я попытался взять ее за плечи и оторвать от капота, она обернулась и стала медленно сползать на асфальт. В этот момент я понял, что Наоми отчаянно пьяна.

Честное слово, я никогда не встречал в Израиле настолько пьяного человека, особенно женщину. Мне пришлось подхватить ее под мышки и усадить в машину, что далось не без труда. И еще я отметил, что мне приятно обнимать ее крепкое тело.

– Куда тебя отвезти?

– Домой. – Лучшего ответа она придумать не могла.

– Куда ехать?

Она слабо кивнула прямо. Я только теперь заметил, что являюсь причиной небольшой, но нервной пробки на улице Вайцмана. А поскольку выбора у меня все равно не было, я медленно двинулся прямо по переулку. Через несколько сотен метров я уперся в улицу Хельсинки, и надо было выбирать: направо или налево.

– Все равно, – пробормотала Наоми, а у меня екнуло сердце.

Под нетерпеливые гудки я повернул налево и еще через минуту оказался на светофоре на улице Жаботинского.

– Налево, – слабо кивнула Наоми, и я испытал вполне определенное облегчение.

Когда я уперся в площадь Кикар-ха-медина, Наоми сделала едва заметное движение рукой, которое я расценил как указание двинуться вокруг площади. На противоположном конце опять последовал слабый кивок на продолжение улицы Жаботинского.

– Направо, – прошептала она, и мы свернули на улицу Моше Шарета.

– Здесь, – я остановил машину возле обшарпанного трехэтажного дома на столбах, щедро украшенного подвесными моторами кондиционеров.

– Сюда, – Наоми показала на крошечную стоянку под вывеской, которую можно было перевести как «Веселые картинки». Я определил, что вывеска, как и стоянка, принадлежат маленькой багетной мастерской.

Наоми порылась в недрах своего балахона и извлекла ключ. В обнимку мы прошли несколько шагов до двери мастерской, которая оказалась внутри не больше пятка стоянки. Теперь мне предстояло протолкнуть Наоми вверх по крутой и узкой лестнице. Поверьте, это была непростая задача. Лишь только мы завершили восхождение, Наоми стянула с себя балахон, под которым ничего не было, и, не снимая черной косынки, скрылась за дверью ванной. Тотчас же послышался плеск, и я осторожно заглянул за дверь. Из наполненной до краев ванны торчали только ее голые колени. Я сообразил, что она налила воду заранее. Через несколько долгих секунд над поверхностью воды показалась черная тряпка. Я осторожно закрыл дверь и оглядел помещение.

Картина совершенно не сочеталась с тем представлением, что сложилось у меня о Наоми. Довольно просторная комната сверкала чистотой. Несмотря на внешнюю запущенность дома, внутри не было ни единой трещинки или темного пятнышка. «Девичья светелка», подумал я, хотя потом мне пришла в голову мысль, что комната скорее принадлежит одинокой европейской старушке: старомодная кровать с металлической спинкой, несколькими подушками и кружевными наволочками; стол, покрытый белой кружевной скатертью; небольшие этажерки с посудой и книгами;

комодик темного дерева с белыми салфетками и маленьким телевизором; множество небольших фотографий на стенах. Все это совершенно не вязалось с образом напившейся до бесчувствия женщины, которой доставляет удовольствие заигрывать с прохожими мужчинами и потом посылать их подальше совсем в другую сторону. Я поднял с пола ее балахон и повесил на спинку стула. Из ванной не доносилось ни звука, и я решил спуститься вниз в мастерскую.

Здесь тоже, несмотря на тесноту, царил идеальный порядок. Готовые картины стояли на специальной подставке. Несколько недавно принятых заказов были снабжены подробными описаниями пожеланий клиентов. Рамки вертикальными пучками располагались строго по ранжиру. Стекло хранилось в особой безопасной упаковке. Инструменты сверкали полировкой в явно сделанном на заказ шкафу. Посередине располагался небольшой верстак. Мое внимание привлек стоящий у стены пластмассовый сундучок, служивший, по всей видимости, еще и скамейкой. Повинуясь какому-то безотчетному чувству я открыл его. Внутри ровными рядами располагались написанные маслом картины. Все они были строго одного размера примерно пятьдесят на семьдесят. Рамок не было – только простые деревянные распялки для холстов.

Я вынул одну картину наугад. Сразу скажу, что я не особенно понимаю и люблю абстрактное искусство. Но я держал в руках абстрактную картину, выражавшую Страх. На ней не было никакой надписи или подписи, но и без этого я понял, что на ней изображено. Я не смог бы описать ее словами, она как бы обращалась напрямую к моему подсознанию, и я совершенно отчетливо осознавал, что это Страх. Я вытащил другую – и она означала Хаос. Еще были Одиночество, Огонь, Стена, Лестница, Пучина. Именно Пучина, а не просто вода или глубина. Был Космос, а не звездное небо. Это было очень странное ощущение. Мне показалось, что я отворил ящик Пандоры.

Картины завораживали. Нет, «завораживали» – это не совсем подходящее слово. Они будили сразу несколько противоположных желаний: хотелось смотреть на них еще и еще, но вместе с тем появлялось желание не видеть их больше никогда; казалось, они открывали в тебе нечто сакральное, но появлялся страх перед этим открытием; хотелось обладать этими картинами, но, в то же время, они вызывали чувство смутения и опасности. В каждой из них говорила Бесконечность, бесконечность Понятия. Я закрыл ящик и оглянулся – мне показалось, что за мной наблюдают, хотя сверху по-прежнему не доносилось ни звука. На стенах мастерской, выкрашенных белой краской не было ничего, хотя нет – в углу я обнаружил еще одну небольшую картину в зеленых тонах.

Трава. Трын-трава. Травка. Трава Жизни, способная пробиться сквозь бетон. Трава на кладбище, трава на поле брани...

В кармане зазвонил телефон и вывел меня из состояния протрации. Оказалось, что я провел в этой загадочной квартире почти час. Мои коллеги вежливо спрашивали, куда я подевался. Я осторожно поинтересовался, нужен ли я им сегодня. После непродолжительного обсуждения мне выдали индульгенцию за пропущенную встречу.

Я поднялся наверх и прислушался – из ванной раздавался легкий плеск воды, Наоми явно подавала признаки жизни. Интуиция говорила мне, что она и есть тот самый таинственный автор картин, способных будить совершенно невероятные чувства.

В комнате на этажерке стояли вперемежку английские и голландские книги. Фарфоровая посуда и кружева, по всей видимости, были из Голландии, хотя что я в этом понимаю. Я принялся рассматривать небольшие фотографии на стенах, открытки с видами Израиля и Голландии, несколько портретов. Женщина за мольбертом, очень напоминающая Наоми, та же женщина с мужем и дочерью. Впрочем, они очень похожи – девочка и ее мать, явно «голландцы». Папа – тоже высокий, скорее славянской, чем семитской внешности.

– Спасибо, – раздался сзади голос Наоми.

Я обернулся и сделал неопределенный жест.

– Я сварю кофе. Пойдем в кухню, я люблю там сидеть.

Вслед за Наоми я шагнул за глухо звякнувшую бамбуковую ширму и очутился в маленькой шестиметровой кухне, очень напоминавшей малогабаритные московские закутки с крошечным столиком посередине. Наоми, стоя ко мне спиной, колдовала над кофе, приятный аромат которого быстро заполнил пространство. Вкус кофе соответствовал запаху. Пауза явно затягивалась. Молчать было еще прилично, пока закипал чайник, а за чашечкой кофе, особенно сидя напротив красивой женщины, полагается вести интеллигентную беседу.

– Это твои картины там внизу? – в ту же секунду я проклинал себя за столь бестактный вопрос, который выдал меня с головой.

Зрачки Наоми расширились, но она лишь пригубила кофе не говоря ни слова. Я тоже замолчал, почувствовав крайнюю неловкость. Она сидела, навалившись на столик и опершись правым виском о кулак. Ее грудь оказалась совсем открытой, и мне пришлось перевести взгляд на кухонные шкафчики.

– Я узнала тебя, мы встречались раньше.

– Встречались, но я не думаю, что ты меня узнала.

Я вынул свои водительские права, на которых красовалась моя фотография десятилетней давности, с усами и бородой еще нетронутого сединой черного цвета и огромными почти впол-лица темными очками. Реакция Наоми не отличалась от типичной реакции на эту старую фотографию – она разразилась безудержным смехом.

– Привет от Насраллы, – привычно пошутил я. – А ты действительно мало изменилась.

– Центральная станция, – она автоматическим движением поправила лямку от майки на плече, – но вот когда – не могу вспомнить.

– Девяносто пятый...

– Неужели?

Я молча кивнул головой и допил кофе.

– И все-таки я тебя узнала. Еще кофе?

– Ага.

– Ты знаешь, какой сегодня день?

– Суккот. А что? Девятнадцатое октября.

– Я думала, что я смогу туда пойти, – Наоми втянула носом воздух, как при внезапном насморке.

– Куда?

– На Дизенгоф.

– Почему ты не можешь пойти на Дизенгоф?

– Потому что девятнадцатое октября.

– А... – не успел спросить я.

– Не перебивай!! – Наоми неожиданно ударила рукой по столу, – просто сиди и слушай.

* * *

Сведя руки на груди, как в молитве, она оперлась локтями о маленький стол светлого дерева и вцепилась пальцами в свои еще не просохшие пепельные волосы.

– И зачем ты только смотрел на картины! – после длительной паузы Наоми поднялась. – Я сварю спагетти, а не то помру от голода. Ты не против?

Я кивнул головой в ответ, не решаясь нарушить течение ее мыслей. Наоми повернулась ко мне спиной, захлопотала, вытаскивая все необходимое, шмыгая носом, сморкаясь в оторванное от рулона бумажное полотенце.

– Я родилась в киббуце, не важно в каком, – начала она, стоя ко мне спиной. – Мой отец был беженцем из Чехии, а мать – волонтер из Голландии. Я не настоящая еврейка,

только по отцу, а вся их бюрократия – ну их к черту. Моя мама приехала из Голландии в конце шестидесятых – работать в киббуце, изучать киббуцное движение и почти сразу влюбилась в отца и вышла за него замуж. Кто тогда думал о разных формальностях. А когда я родилась, то у нее открылся дар рисования.

– Тебе всего сорок? – задал я бестактный вопрос.

– Нет еще, не важно. Мама прекратила работать, вести свои дневники; после моего рождения она принялась рисовать, как сумасшедшая.

– Так это ее картины?

– Да. Она могла исчеркать целый альбом в пятьдесят листов за один день: линии, узоры, пятна... Казалось, в них нет никакого смысла. Она прятала свои рисунки. А потом, кому-то не понравилось, что она не работает. В киббуце поднялся шум, и отец тайком от мамы показал рисунки своему брату: это его мастерская, он здесь жил, делал рамки для картинных галерей в Тель-Авиве. Дядя Шмуэль мне потом рассказывал, что какой-то богатый тип давал ему по сорок лир за рисунок.

– Сорок лир умножить на пятьдесят... Тысяча лир в день?

– В том-то и дело, – Наоми усмехнулась, – но отец сдал все деньги в киббуцную кассу, чтобы прекратить разговоры, и постановлением общего собрания маме разрешили рисовать...

– Соизволили, значит?

– Не надо иронии – с условием, что деньги пойдут в общий котел. Но дядя Шмуэль не успокоился, он привез маме масляные краски и холст.

Надо сказать, что спагетти с томатным соусом получились у Наоми бесподобные, а я так и не углядел, какое зелье, кроме свежего помидора и оливкового масла, она туда положила.

– Странности начались практически сразу: мама нарисовала несколько картин и повесила их у входа в клуб. А на следующий день к нам в дом стали приходиться киббуцники с просьбой подарить им картину. Ясно, что никому не отказывали. Через неделю случился один несчастный случай, потом другой, потом кто-то тяжело заболел... В общем, пошел слух, что картины-то не простые, а приносят несчастья...

– Знаешь, у меня такое впечатление... – попытался вставить я.

– ... Ш-ш-ш... – Наоми прижала палец к губам, – просто слушай. К моему отцу стали наведываться разные люди, и он решился в тайне от мамы картины уничтожить. Он погрузил все на киббуцный трактор, на тележку и повез их к полю. Он хотел поджечь солому и бросить картины в огонь.

Наоми на минуту замолкла.

– Отец развел костер над старой миной, оставшейся с войны. И как только огонь разгорелся, раздался взрыв...

– Это было девятнадцатого октября?

– Нет, – Наоми покачала головой, – это было весной.

– А мама?

– Дядя Шмуэль забрал меня из киббуца. Они не возражали. Насколько я себя помню – здесь мой дом и картины моей мамы.

– Ты ничего не говорила о себе.

– Я выросла в этой мастерской. Я любой картине могу подобрать рамку. Меня любят галерейщики за то, что я не слишком поднимаю цены.

– Наоми...

– Ашер, – Наоми впервые за все время назвала меня по имени, – не говори ничего, я знаю, что ты хочешь спросить. Я тебя сразу узнала. По голосу, по тембру, ну и акцент, конечно. Нет-нет, ты очень хорошо говоришь, – Наоми потянулась, и я в очередной раз был вынужден сконфужено отвернуться. – Я не могу контролировать себя, когда ко мне

подходят и спрашивают «как пройти».

– Я не...

– Не важно, ты про другое спросил, но смысл тот же.

– И тогда, на автобусной станции, ты знала, что посылаешь меня в Беэр-Шеву вместо Холона?

– Ну, в общем, да, конечно, – она по-лошадиному мотнула головой куда-то в бок.

– И сейчас, то есть, в этот раз... там у театра?

Она сидела напротив меня и раскачивалась вперед-назад, как бы в подтверждение своих слов.

– Но ты же можешь просто промолчать, пройти мимо?

На этот раз Наоми покачала головой.

– Сказать, что не знаешь?

– Не в этом дело.

Я вспомнил слова Ехезкеля, что у Наоми не хватает винтиков в голове – похоже, он оказался прав. Теперь я стал лихорадочно соображать, как мне выпутываться из этой сомнительной ситуации, начавшейся с дурацкой сцены (или инсценировки) с падением на капот моей машины. Да и вообще, мне пришла в голову мысль, что после случайной встречи у театра Наоми намеренно поджидала меня. Я только никак не мог сообразить, зачем, с какой целью.

– Я так понимаю, что я не одинок – ты всем, кто к тебе обращается, указываешь в противоположную сторону?

– Да.

– И ты сама это знаешь?

– Ну да.

– И все равно...

– Сколько раз можно задавать один и тот же вопрос?

– Я не понимаю смысла.

– Здесь нет смысла.

– Ты говоришь, что нет смысла, но, тем не менее, продолжаешь?

– Это другое. Пойдем!

– Куда?

– На Дизенгоф, мне кажется, что с тобой я смогу.

– Что?

– Пойти туда.

– Да куда же?

В этот момент мне почудилось, что вокруг искривилось пространство.

– Я смогу, – вновь сказала Наоми и рывком поднялась. – Пойдем.

Трансформация произошла практически мгновенно. Наоми из расслабленно-взбалмошной пьяненькой дамочки вдруг обратилась в рысь, дикую кошку, пантеру. Я чувствовал, как от нее идут энергетические волны – это как оказаться в сильном магнитном поле, когда волосы на голове да и на всем теле встают дыбом. Она оказала на меня совершенно гипнотическое воздействие. Ее сила подняла меня с места, и сквозь глухое клацанье бамбуковой ширмы я последовал за ней в комнату. Она подошла к шкафу, где, совершенно не стесняясь меня, сорвала с себя майку и надела черную футболку, а поверх нее еще и какую-то странную курточку, очень похожую на старую брезентовую штормовку. Ее волосы оставались нетронутыми-лохматыми после купания – она запустила в них ладони, подняла вверх, рассыпала по плечам, а потом ринулась мимо меня в ванну и забрала их все той же мокрой черной косынкой. Она наглухо до последней пуговицы застегнула до горла штормовку, обернулась ко мне, в третий раз ритуально произнесла «я смогу», и двинулась к двери из квартиры. Только теперь я заметил, что ее

жилище, помимо крутой лестницы из мастерской, снабжено нормальной человеческой дверью.

Незаметно приблизился уже третий час по наступившему задолго до остального мира зимнему израильскому времени. Морской бриз нес некую свежесть, и по улицам Тель-Авива можно было неспешно прогуляться в косых тенях невысоких зданий, а не передвигаться мелкими перебежками, спасаясь в лавочках от душного зноя. Мы вышли на улицу Жаботинского, прошли вдоль черного металлического забора гимназии «Герцлия» – скучного трехэтажного здания с рядом коротко обрезанных на Суккот пальм. Потом мимо пары мелких особнячков, чудом выживших промеж безобразных грязновато-коричневых трехэтажных архитектурных монстров, ощерившихся щербинами жалюзи. Мимо частной больницы Асута с охранником, сонно взглянувшим на нас из подворотни. Мы повернули налево на улицу Дизенгоф, и Наоми испуганно схватила меня за руку. От кошко-рыси не осталось и следа. Кое-как мы добрались до следующего светофора, перешли улицу Арлозорова и остановились напротив широких ступеней Дома Инженеров.

Шли мы неспешно, минут, наверное, двадцать, и за все это время Наоми не проронила ни слова.

– Я смогу, – ритуально повторила Наоми Дому Инженеров и медленно двинулась вперед.

Меня же поразило количество аптек. На протяжении трех кварталов до улицы Гордона я насчитал их целых пять. Обилие аптек вселило в меня оптимизм, что, если с Наоми случится истерика, то мне будет недалеко бежать.

– Давай выпьем кофе, – предложила Наоми, когда мы с грехом пополам достигли фонтана на площади Дизенгоф.

А поскольку эта площадь просто кишит разного рода кафе, то меньше чем через минуту мы приземлились за первым попавшимся столиком. Я привычно заказал пива, только чтобы импортного да из бочки, а вот Наоми, похоже, снова пустилась во все тяжкие:

– Двойной эспрессо, джин с тоником, двойная Смирновская, Мальборо-лайт, – выпалила она удивленной официантке.

Официантка вопрошающе повернулась ко мне, но я, глядя в сторону, только слегка пожал плечами: «Если уж дама хочет выпить...» Однако на душе у меня кошки царапались пребольно.

Наоми проглотила водку и кофе еще до того, как мое пиво коснулось поверхности стола. Она схватила сигареты и заскребла ногтями по гладкому целлофану, пытаясь его разодрать. Официантка вынула пачку у нее из рук, ловко подцепила ногтем почти невидимый хвостик и выдвинула две сигареты. Я покачал головой, а Наоми, прикончив за минуту первую сигарету, прикурила от нее же вторую и потянулась за коктейлем. Джина с тоником и второй сигареты хватило надолго – минут на пять. После этого Наоми вскочила, выдернув из кармана сотню, пригвоздила ее к столу пепельницей, схватила меня за плечо, и мы направились в сторону Дизенгоф-центра. Я с грустью оглянулся на почти нетронутое пиво.

На полдороге мы наткнулись на людской затор, перегородивший тротуар. Наоми вытащила меня на мостовую, и мы смогли пристроиться сбоку. Толпились вокруг цепочки на столбиках, огораживающей дерево. Я не сразу заметил, что рядом с деревом стоит небольшая треугольная стела из нержавеющей стали с выгравированными на ней именами. Под деревом лежали букеты цветов и горели поминальные свечи. Наоми протолкалась сквозь толпу, вынула из кармана штормовки свечку, зажгла ее и поставила среди остальных.

– Девятнадцатое октября девяносто четвертого года... четырнадцать лет, – произнесла она.

Только теперь я сообразил где мы находимся: это было место теракта, взрыва в

автобусе номер пять на улице Дизенгоф. Большинство прохожих, раздраженных помехой движению, равнодушно скользили мимо. Были и такие, кто останавливался на минуту, привлеченный немногочисленной толпой. В трех метрах от стелы стоял прикованный к фонарному столбу синий мотороллер, напомнивший мне городского инспектора Мерав.

По щекам Наоми покатались слезы. Она стояла, всхлипывая, закрыв лицо руками. Какая-то женщина погладила ее по плечу, обняла коротко, прошептала ей что-то на ухо. Наоми повернулась и, опустив голову, направилась обратно в сторону площади Дизенгоф.

У площади я набрался смелости и поравнялся с ней:

– Эй...

– Ашер, пожалуйста, не говори ничего, только не уходи, мне так надо, чтобы кто-то был рядом.

Не успели мы присесть за знакомый столик, как передо мной возник свежий бокал пива, а перед Наоми – эспрессо. Давешняя официантка явно рассчитывала на продолжение банкета.

– Огоньку, – потянулась Наоми, – и, пожалуй, еще джина, только чистого. Скажи бармену: две трети льда и заполнить джином без тоника. И еще стакан свежего апельсинового сока, только давленого, а не из пакета. Есть?

– Все есть, – официантка умчалась исполнять.

Придавив окуроч, Наоми потерла ладонями лицо, потом ее пальцы двинулись вверх и стянули с головы черную косынку. Она бросила ее на стул рядом, потом привстала, расстегнула пуговицы наглухо засупоненной штормовки, потрянула головой и превратилась из манекена в человека. Она отхлебнула добрый глоток неразбавленного джина, глубоко затянулась очередной сигаретой и посмотрела на меня в упор.

– Свежий апельсиновый сок отменно прочищает мозги, – сообщила Наоми и отодвинула стакан на середину стола, демонстрируя, что покамест она ничего не собирается прочищать. – Ты хотел меня что-то спросить?

К ее видимому облегчению, я отрицательно покачал головой.

– До девятнадцатого октября девяносто четвертого года я была обычной израильской девчонкой. Училась в школе, служила в армии и трахалась с парнями. Я жила с дядей в той самой комнатухе, разделенной ширмой. Шмулик жил бобылем, женщин не водил, ну, а я входила в его положение. В то утро я поняла, что один человек мне небезразличен, и я сказала ему, что готова остаться с ним навсегда. Он был на вершине счастья, все никак не хотел меня от себя отпускать, дошел со мной до самого Дизенгоф-центра, куда я отправилась купить разных мелочей для моего нового дома. Только у самых дверей мы расстались: он повернул в сторону автобусной остановки, а я заскочила внутрь.

Наоми замолчала, она смотрела куда-то вверх, на крыши домов, судорожно сглатывая и шмыгая носом.

– Я поняла, что люблю его... Осознать в один момент, что кого-то любишь... Это был самый прекрасный момент в моей жизни, если ты можешь понять... Я находилась в такой эйфории, что ничего не замечала вокруг. Я вошла внутрь, а минут через пять мне показалось, что Дизенгоф-центр покачнулся. Все как сумасшедшие побежали наружу, а я просто застыла на месте. Каким-то звериным чувством я поняла, что моего парня больше нет. Не знаю, как я добралась до дома в тот день... Меня преследует это уже четырнадцать лет... Это не заживает, время не может ничего стереть.

Наоми зажгла очередную сигарету и затрясла ледышками в пустом стакане. Она сумела урвать глоток талой воды с привкусом джина, с сожалением стукнула стаканом об стол и махнула официантке.

– Совпадение, ведь... – пробормотал я.

– Тебя били железным прутом по голове?! Ты падал наотмашь затылком об асфальт?! Ты врезался мордой в бетонную стену?! Вижу, что нет!!

– А надо?

– Один раз в жизни – надо! Тогда начнешь ценить эту самую жизнь.

– Но ведь можно и без битья головой о стенку?

– Можно, – горько усмехнулась Наоми, – только эффект не тот. Человек, подошедший к краю, навсегда останется на краю. Никуда он не денется, даже если вся жизнь пройдет. Можно дурачить себя и других, можно убедить всех, что все позади и забыто, но... нельзя вытрясти из тела вибрацию рушащегося здания, нельзя убрать из-под подушки тошноту падающего самолета, веки не прикроют надвигающийся в лоб грузовик. И если с вечера не понял, что набормотал тебе милейший доктор, тщательно отводя глаза в сторону, то твой диагноз настигнет тебя ночью и останется с тобой до конца твоей жизни... даже если ты потом случайно выздоровеешь. Ты смотрел хоть раз в глаза пленному...

– Нет как-то...

– Я не спрашиваю – я знаю! Я весь день прорыдала у Шмулика на коленях, а он только гладил меня по голове. По закону я была его дочерью, но он никогда не пытался меня обмануть, я всегда знала, что он мне всего лишь дядя, а не отец. Он никогда не рассказывал про маму – только то, что она погибла при взрыве мины вместе с отцом, а в тот день он признался, что это не так: мама исчезла...

– Как это исчезла?

– Когда она узнала, что отец погиб, пытаясь уничтожить картины, она ушла, и ее больше никто не видел. – Наоми залпом осушила стакан апельсинового сока. – Не то что бы киббуцники ее сильно любили, поэтому толком и не искали, даже не обратились в полицию. Шмулик забрал меня из киббуца на следующий день. Потом он долго пытался разузнать что-нибудь о маме через Голландское посольство, но дело заглохло, – Наоми усмехнулась. – Он даже ездил в Голландию разыскивать маминых родственников.

– Нашел?

– Когда ты приехал в Израиль?

– В девяносто четвертом, в конце.

– То-есть уже после девятнадцатого октября?

– Да.

– Понимаешь, это не был первый теракт в то время, но в пятом автобусе погибло больше людей, чем за весь предыдущий год. Это и была та самая бетонная стенка. Для всех, но только не для тех, кто стоял у власти.

Наоми опять потянулась к сигаретам.

– И для меня тоже. Когда я сказала Шмулику, что собиралась переехать к своему другу, он переменялся в лице. Он никогда об этом не распространялся, но он раскопал в Голландии какую-то древнюю легенду, что в моем роду все девочки рождаются ведьмами, и проявляется этот «талант» исключительно после того, как ведьма в кого-нибудь влюбляется. А если вдуматься, то это то, что случилось и с моей мамой. – Она глубоко вздохнула. – Все-таки зря ты смотрел на картины.

Знаете, что мне захотелось больше всего на свете? Не находиться на том самом месте, где я нахожусь. А именно: в городе Тель-Авиве на площади Дизенгоф, сидя за столиком в кафе напротив голландки Наоми. Причиной тому служило одно довольно элементарное соображение – я ни на секунду не усомнился, что поведенная Наоми история является совершенной правдой. Постепенно до меня дошел настойчивый смысл ее просьбы не задавать никаких вопросов.

– Наоми...

– Помолчи, – перебила она меня в очередной раз, – я больше никогда не пыталась еще раз проверить эту легенду. А знаешь, что служит самой сильной охраной от ведьмина сглаза?

– Нет, конечно.

– Послать подальше, совсем в другую сторону, искренне, от всего сердца. Теперь ты понял? – Наоми встала. – Забудь меня. Я должна была тебя предупредить, потому что наша третья встреча может добром и не кончиться.

* * *

Наоми подхватила свою курточку и ушла. Я смотрел вслед стройной высокой женщине с пепельными волосами, пока она не смешалась с прохожими. Ее черная косынка так и осталась лежать на стуле. Я расплатился и отправился в обратный путь к стоянке, где находилась моя машина, к багетной мастерской «Веселые картинки». Косынку я траурным бантом привязал к дверной ручке – мне не хотелось еще раз заходить внутрь.

К моей большой радости проект вскорости закрыли, и мне уже не надо было таскаться в Тель-Авив по воскресеньям.

1. EasyPark - Электронный прибор, позволяющий заплатить за стоянку в любом израильском городе.

2. "...раскрашенного сине-белым бордюра" - бело-синий цвет бордюра в Израиле означает, что стоянка платная.

3. Understand? - Понимаешь?

4. You took the wrong bus! – Ты сел не на тот автобус.

5. Tell the driver to stop! - Скажи водителю, чтобы остановился!

6/ I can try/ - Vjue gjghj,jdfnm/

7/ Do yourself a favor and take a taxi - Cltkfq ct,t jljk;tybt – djpmvb nfrcb/